

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

23 2021
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (365) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Алексей Анатольевич Солдатов* (родился в 1951 году), российский ученый, доктор физико-математических наук, один из основоположников Рунета.

Алексей Анатольевич Солдатов родился в Москве. После окончания Московского инженерно-физического института он поступил работать в ИАЭ имени И. В. Курчатова, впоследствии защитив кандидатскую и докторскую диссертацию. Алексей Анатольевич является одним из ведущих теоретиков в области электронной структуры вещества и ядерно-электронных процессов. Он автор более пяти десятков научных статей, которые получили широкую известность и признание как в стране, так и за рубежом.

Солдатов провел последовательный теоретический анализ процесса конверсии мягких изомерных переходов ядра на электронных орбитах многоатомных молекул и кластеров. Характеристики этого процесса детально изучены в целях последующего практического применения конверсии в качестве метода исследования электронной структуры конденсированных средств. В его работах описан эффективный метод исследования электронной оболочки соединения; сформулирован и оценен процесс конверсионного типа, приводящий к переносу эффекта несохранения четности ядерных состояний на мезоатомные; показана возможность исследовать эффекты несохранения четности ядерных состояний в спектре радиационных переходов мюона.

Под руководством Алексея Анатольевича разработана и реализована концепция внедрения гетерогенной среды глобального информационного взаимодействия — интернета, которая явилась основой для построения крупнейшей на территории бывшего СССР телекоммуникационной сети Relcom, а также научно-образовательной сети RBNet. Результаты этих работ получили широкое распространение в России и за рубежом и привели к взрывному росту технологии Internet в России.

Большой вклад внес Солдатов в организацию системы информационного взаимодействия в сфере науки, развитие телекоммуникационной инфраструктуры российской научной сети, а также интеграции ее в мировые научно-исследовательские сети (проекты ГЛОРИАД и GEANT). Алексей Анатольевич — инициатор создания Ассоциации научных и учебных организаций — RELARN, объединяющей пользователей компьютерных сетей передачи данных научно-исследовательских центров, институтов, высших и средних учебных организаций, а также ассоциации E-APENA, которая объединяет крупнейшие сети для науки и высшей школы, и Российского НИИ развития общественных сетей (РосНИИРОС).

В течение многих лет под руководством российского ученого проводились исследования, направленные на разработку вычислительной архитектуры нового типа — среды распределенных вычислений (ГРИД), развития и совершенствования отечественного сегмента в рамках Европейского проекта Enabling Grids for E-sciencE. Были разработаны и внедрены сертифицированные системы защиты информации, создан и признан международным сообществом общественный центр безопасности Интернет в России (RU-CERT).

С 2014 года Солдатов стал учредителем (50 %) чешской компании Reliable Communications s. r.o., которой АНО РосНИИРОС в 2018 году передала 490 тысяч IPv4-адресов. В декабре 2019 года ученый был заключен под домашний арест до января 2020 года в связи с подозрениями в особо крупном мошенничестве. Мошенничеством правоохранительные органы сочли передачу этих адресов. Они считаются дефицитными, так как пространство IPv4-адресов исчерпывается, рыночную стоимость переданного блока адресов оценили в 600 миллионов рублей. В конце декабря 2019 года регистратор RIPE NCC вернул адреса в российскую юрисдикцию.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аббазова А. А.

Формы семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, а также пути сокращения числа детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей..... 155

Аникина А. Е.

Возможность прохождения стажировки в органах власти и ее основные мотивы 156

Анисимов Д. А.

Учёт результатов интеллектуальной деятельности, созданных в ходе выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ..... 158

Баженова О. А.

Эволюция института представительного органа местного самоуправления в современной России 160

Бакулина М. М.

Проблема определения территориальной подсудности в делах о несостоятельности..... 162

Бакулина М. М.

Проблемные вопросы реализации единственного имущества индивидуального предпринимателя в процедуре банкротства 163

Балмуханов Т. М.

Проблемы законодательного закрепления понятия «криптовалюта» в России и за рубежом 165

Билык Д. А.

О совершенствовании структуры системы органов прокуратуры..... 167

Боровая Е. Б.

Правовые вопросы определения цифровых прав в законодательстве РФ..... 169

Будякова К. О.

Правовая природа слияния как формы реорганизации коммерческих юридических лиц 170

Вахрушева К. В.

Институт необходимой обороны в уголовном праве зарубежных стран 172

Воробьева И. Б., Крюкова В. Г.

Особенности тактики следственного осмотра по делам о незаконной охоте 174

Горбунова А. С., Хохлова О. М.

Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью 177

Горожанкина М. А., Орёл А. Д.

Учет деловых качеств работника при заключении трудового договора 179

Гречишкин Д. С.

Гражданское общество как неотъемлемая часть правового государства 180

Гринажук Е. Э.

Правовое регулирование доменного имени 182

Джабиев М. И.

Специфика полномочий прокурора в судебных стадиях российского уголовного процесса..... 184

Дозморов Н. М.

Меры прокурорского реагирования при выявлении нарушений при исполнении законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств 187

Егоров Г. В.

Особенности правовой природы пожертвования как отдельного вида договора дарения 189

Егоров В. В.

Специфика применения правил искового производства при рассмотрении процедур по установлению размера требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве)..... 190

Ермоченко О. Е.

Проблемы определения процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве 193

Ершова О. П., Хохлова О. М. Уголовно-правовая характеристика разбоя.....	197
Захарова А. Э., Бойкова А. В. Правовой режим контроля и надзора за предпринимательской деятельностью	199
Землянская А. С. Исторический путь развития государственного финансового контроля в России	201
Карзова А. С. Особенности реализации и обеспечения права каждого на медицинскую помощь в Российской Федерации и зарубежных странах	203
Ким В. В. К вопросу о процессуальной сущности пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.....	205
Коновалов С. А. Понятие конфликта интересов: теоретические аспекты, правовой механизм урегулирования и зарубежный опыт	207
Краева Е. Ю. Содержание брачного контракта по законодательству России и зарубежных стран	209
Кудряшов Д. М. Проблемы оперативного управления имуществом государственных и муниципальных учреждений	210
Курочкина К. С. Конституционный Суд в судебной системе Российской Федерации	211
Кюлмамедова Л. Б. Проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу	213
Кюлмамедова Л. Б. Основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу	215
Ловейкина У. С., Бумагина А. О. Проблемы признания наследника недостойным	217

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Формы семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, а также пути сокращения числа детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Аббазова Арина Альбертовна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

Актуальность темы статьи заключается в том, что в современном обществе существует множество социальных проблем, особое место среди которых занимают проблемы, касающиеся детей, их воспитания, образования и содержания. В Российской Федерации, как и в иных странах, имеются дети-сироты, дети, которые остались без родительского попечения и требуют особого внимания со стороны государства. Положение детей в современной России напрямую зависит от социальной поддержки семей с детьми, защищенности государством прав и интересов детей. Нестабильность в обществе губительно действует на семейные устои. Дети в силу своей физической и умственной незрелости должны находиться под усиленным вниманием и контролем не только со стороны государства, но и быть в сфере особой заботы общества. Обозначенные обстоятельства определили актуальность, практическую значимость и необходимость глубокого теоретического исследования семейного устройства и защиты прав детей-сирот.

Статья 54 Семейного кодекса РФ гласит: «Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье...» [2]. Встречаются случаи, когда ребенок не может в полной мере воспользоваться этим правом. Так, в преамбуле «Конвенции о правах ребенка» сказано: «...во всех странах мира есть дети, живущие в исключительно сложных условиях, и что такие дети нуждаются в особом внимании...» [2]. Между тем, практика показывает, что существующая система форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, не может в полной мере противодействовать социально негативной тенденции существования большого количества таких детей.

Федеральное законодательство предусматривает четыре основные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей: усыновление, опека (попечительство), приемная семья, организации для детей-сирот, и дает возможность субъектам Российской Федерации устанавливать такую форму устройства, как патронатная семья. Патронат — это возмездная опека как над несовершеннолетним, так и над социально неблагополучной семьей. В подавляющем количестве случаев это

устройство в семьи ребят, оставшихся в силу причин без попечения родителей. В ряде стран патронатные семьи называются фостерскими (от англ. foster home — приемная семья). В РФ регулируется ФЗ № 48 от 24.04.2008 (ст. 14, п. 1) [3]. Данная форма строится на разграничении полномочий между родителями, органами опеки и патронатным воспитателем. Каждый субъект, участвующий в патронатном воспитании, должен быть профессионально подготовлен к этому, что является особенностью данной формы помощи.

Существуют еще множество проблем в данной сфере, которые не урегулированы законодательством нашей страны. Необходимо обратить внимание, что патронат имеет комплексный характер, который охватывает нормы гражданского, административного и семейного права, из этого следует, что необходимо урегулировать данный институт на федеральном уровне.

Федеральное законодательство предоставляет возможность региональным законодательным органам, путем принятия законодательных актов субъектам Федерации решать проблемы по организации патронатного воспитания, регулированию обязанностей и условиям отбора патронатных воспитателей, а также их оплате. Необходимо разработать информационную политику по ознакомлению с сущностью и значимостью патроната. Социальный патронат необходим в качестве первой ступени по профилактике социального сиротства, которое является серьезной проблемой современного общества [4, с. 42].

Следует разработать законопроект об институте профессиональных приемных семей, которые будут иметь соответствующее образование, подготовку, лицензии. Тогда органы опеки и попечительства будут иметь возможность экстренно передавать ребенка в замещающую семью, а не изначально помещать в детский дом. Отсутствие единой концепции принимаемых законодательных актов, четко регламентированного механизма работы, различия в правовом и финансовом обеспечении в отдельных регионах ставит существование патронатного воспитания под вопрос¹.

Правовые нормы, регулирующие данные общественные отношения, занимают особое место в системе российского за-

конодательства, требуют особого научного осмысления как комплексного института в системе семейного права как самостоятельной отрасли права.

Необходимо внести следующие изменения в законодательстве по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи граждан.

Первое — предусмотреть совершенствование системы учёта детей-сирот, подбор для них замещающих родителей, своевременное распространение актуальной информации о них.

Второе — необходима законодательно закреплённая подготовка кандидатов, готовых сопровождать замещающие семьи.

Третье — необходимо законодательно предусмотренное развитие региональной системы стимулирования поддержки замещающих семей.

Четвёртое — требуется усиление защиты прав и законных интересов детей, находящихся на воспитании в семьях граждан. Наконец, — необходимо законодательно обеспечить повышение уровня квалификации специалистов, которые работают с замещающими семьями, включая специалистов органов опеки и попечительства.

В целях совершенствования процесса устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в патронатную семью, обеспечения эффективного функционирования патронатной семьи и достижения целей ее создания, целесообразно внести ряд изменений в действующее законодательство:

— Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120-ФЗ от 24 июня 1999 года (с изменениями и дополне-

ниями) необходимо дополнить разделом о социальном патронате. Также необходимо прописать полномочия органа опеки и попечительства в направлении социального патроната. Принятие указанных изменений послужит основой для оптимизации деятельности органов опеки и попечительства, что будет способствовать постепенному уменьшению количества детей, воспитывающихся вне семьи.

— Однако следует отметить, что до сих пор не решен вопрос о внесении соответствующих изменений в федеральное законодательство, предусматривающих повышение ответственности родителей, опекунов, приемных родителей в случае жестокого обращения с детьми, неисполнения обязанностей воспитательного характера и обеспечения детей необходимыми материальными ресурсами. Независимые проверки приемных семей и интернативных учреждений осуществляются соответствующими органами при участии общественности.

По нашему мнению, отсутствие в большинстве законов субъектов РФ о патронате положений, предусматривающих обязанность пройти специальное обучение патронатными воспитателями перед заключением договора о передаче ребенка на патронатное воспитание, является значительным пробелом, нуждающимся в устранении.

Итак, изучив правовые аспекты преодоления социального сиротства в Российской Федерации в современных условиях мы пришли к следующим выводам: в российском законодательстве имеется целый пласт нормативно-правовых актов, касающихся данной области, но их разрозненность и регулирование ими узких аспектов не дает возможность сформироваться полноценной и эффективно действующей системе.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (вступила в силу для СССР 15.09.1990) — [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru/document/>
2. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru/document/>
3. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об опеке и попечительстве» [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/
4. Лапина Е. П. Правовой статус законного представителя несовершеннолетнего при устройстве в патронатную семью. // Сборник научных статей профессорско-преподавательского состава, аспирантов и соискателей ВГНА Минфина РФ. Вып.1 / Под ред. проф. А. П. Балакиной. — М.: Издательство ВГНА Минфина РФ, 2009. — С. 41–45.
5. Патронатная семья в современной России: коллективная монография / под. редакцией Ф. Б. Бурхановой. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. — 276 с.
6. Резяпова Г. Ф. Перспективы введения в Российской Федерации патроната как правового института // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2017 — № 2(51) — С. 75–82.

Возможность прохождения стажировки в органах власти и ее основные мотивы

Аникина Анна Евгеньевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Новациями конца 2020 года Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ, которые вступили в силу

с 01.01.2021 года стало введение служебных стажировок государственных гражданских служащих в общий объем мероприятий по их профессиональному развитию.

Согласно рекомендациям Министерства труда и социального развития Российской Федерации по вопросам организации дополнительного профессионального образования и иных мероприятий по профессиональному развитию государственных гражданских служащих Российской Федерации — профессиональное развитие гражданских служащих осуществляется посредством дополнительного профессионального образования, а также иных мероприятий по профессиональному развитию (семинары, тренинги, мастер-классы, мероприятия по обмену опытом, включая конференции, круглые столы и **служебные стажировки**, адаптационные мероприятия, включая наставничество, а также другие).

Служебная стажировка является мероприятием по обмену опытом, направленным на изучение передового опыта в соответствующей области профессиональной служебной деятельности в целях профессионального развития гражданского служащего (далее — служебная стажировка).

Местом прохождения служебной стажировки определены структурные подразделения федерального государственного органа или государственного органа субъекта Российской Федерации, в том числе в котором он замещает должность государственной гражданской службы

Гражданский служащий может быть направлен на служебную стажировку по основаниям для направления гражданского служащего для участия в мероприятиях по профессиональному развитию, установленным законодательством о государственной гражданской службе Российской Федерации [1].

Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, государственными органами по управлению государственной службой субъектов Российской Федерации в централизованном порядке может быть организована служебная стажировка гражданских служащих по приоритетным направлениям профессионального развития гражданских служащих. На 2019–2020 годы перечень приоритетных направлений был следующим:

1. улучшение инвестиционного климата, в том числе посредством совершенствования контрольно-надзорной деятельности, развития конкуренции;
2. улучшение демографической ситуации в Российской Федерации;
3. развитие системы социальной защиты и социального обслуживания;
4. реализация национальной политики;
5. развитие механизмов стратегического и проектного управления;
6. повышение эффективности государственных расходов, включая закупки для государственных и муниципальных нужд;
7. внедрение цифровых технологий в государственное управление;
8. развитие государственной гражданской службы;
9. противодействие коррупции;
10. совершенствование оказания государственных услуг;
11. развитие инструментов государственного регулирования;
12. обеспечение обороны и безопасности Российской Федерации [2].

Как мы видим, данный перечень достаточно открытый и может предполагать стажировки практически во всех сферах государственного управления, в том числе и в Министерстве обороны Российской Федерации.

Служебная стажировка может быть организована как для одного стажера, так и для группы стажеров до 20 человек на срок от 5 дней до 6 месяцев. По итогам прохождения стажировки стажер может быть привлечен к мероприятиям по профессиональному развитию в целях передачи полученных знаний и умений.

Но стажировка в органах государственной власти доступна не только государственным гражданским служащим, но и другому контингенту граждан.

Так, в 2020 году Ассоциацией молодежных правительств Российской Федерации был запущен проект «ПРОКАДРЫ» (далее — проект). Ассоциация молодежных правительств — некоммерческая организация, объединяющая консультативно-совещательные органы — Молодежные правительства субъектов Российской Федерации, созданные при региональных органах исполнительной власти, а также инициативные группы по созданию Молодежных правительств, сформированные Ассоциацией. Цель проекта поддержка и развитие талантливой молодежи Российской Федерации в возрасте от 18 до 35 лет, посредством организации стажировок. Под стажировкой в данном проекте понимается самостоятельный вид профессионального образования, ориентированного на углубленное ознакомление с работой органов государственной власти. Стажировка в рамках проекта, осуществляется на безвозмездной основе и носит индивидуальный характер. Срок прохождения стажировки — 2 недели или 1 месяц, на выбор стажера. Итогом проекта для его участника являются получение практического опыта, приобретение профессиональных и деловых качеств, новые знакомства, создание и продвижение новых проектов. Для органов исполнительной власти эффект от подобной стажировки описывается так: выявление и продвижение талантливых молодых людей для работы в исполнительных органах государственной власти, привлечение в сферу деятельности государственной молодежной политики новых представителей молодежи из разных субъектов Российской Федерации.

Как мы видим, стажировка в рамках проекта отличается не только сроком, но и отсутствием оплаты в данном виде деятельности. В рамках же служебных стажировок государственных гражданских служащих, оплата их деятельности осуществляется в виде командирования в соответствии с порядком и условиями командирования федеральных государственных гражданских служащих, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2005 г. №813 «О порядке и условиях командирования федеральных государственных гражданских служащих», и нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

Для стажеров министерства внутренних дел Российской Федерации предусмотрено заключение срочного трудового договора и распространяется действие трудового законодательства. Правда в данном случае, стажировка рассматривается как испытание при поступлении на службу в органы внутренних дел.

На период данного испытания кандидат назначается стажером на соответствующую должность в органах внутренних дел без присвоения ему специального звания. Необходимо отметить, что срок такого вида стажировки не может быть менее 3 месяцев. Основной мотив такой стажировки — изучение личных качеств стажера, его обучение, оказание содействия развитию профессионального интереса, формированию мотивационно-ценностного отношения к профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел.

Опыт привлечения граждан, не являющихся государственными служащими, имелся и ранее. Так, в соответствии с положением «О порядке прохождения стажировок молодых граждан», утвержденным постановлением Правительства Москвы от 31 мая 2011 г. N241-ПП участие в данном виде стажировок могут принять обучающиеся в образовательных организациях высшего образования по образовательным программам высшего образования бакалавриат, специалитет, магистратура; выпускники образовательных организаций высшего образования; аспиранты образовательных организаций высшего образования, научных организаций; активные участники молодежных проектов города Москвы. Прохождение такой стажировки осуществляется на основе срочного трудового договора и, соответственно, имеет некую оплату. Срок стажировки 6 месяцев. Интересно, что для стажировок молодых граждан

правительством Москвы разработан свой перечень приоритетных направлений: городская экономика, медийный город, социальный город, HR-город, комфортная городская среда и правовое пространство. Итогом является включение стажеров с высоким рейтингом и высшим образованием в кадровый резерв Правительства Москвы.

Таким образом стать участником стажировки в органах государственной власти могут не только сами гражданские служащие, но и лица не относящиеся к таковым. Основными мотивами привлечения граждан к стажировкам в органах власти является обмен идеями, разработка новых инновационных проектов, имиджевое продвижение деятельности властных структур.

Интересно, что служебная стажировка государственных гражданских служащих рассматривается организаторами, не только как процесс, позитивно влияющий на уровень профессионального развития служащего, но и как механизм поддержания контактов с кадровыми подразделениями иных государственных органов в целях организации межведомственного взаимодействия по вопросам обмена опытом.

Именно обмен опытом и идеями является ключевым смысловым понятием проведения стажировок, как для государственных гражданских служащих, так и для других категорий граждан.

Литература:

1. Постановление правительства Российской Федерации от 18 мая 2019 г. N618 «Об утверждении положения о прохождении служебной стажировки государственными гражданскими служащими Российской Федерации».
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 5 июня 2019 г. № 378н «Об утверждении перечня приоритетных направлений профессионального развития федеральных государственных гражданских служащих на 2019–2020 годы».
3. Рекомендации по вопросам организации дополнительного профессионального образования и иных мероприятий по профессиональному развитию государственных гражданских служащих Российской Федерации
4. <https://www.molprav.ru/prokadry/>
5. Федеральный закон от 30.11.2011 N342-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
6. «О порядке прохождения стажировок молодых граждан», утвержденным постановлением Правительства Москвы от 31 мая 2011 г. N241-ПП.
7. <https://talent.mos.ru/internships/directions/>

Учёт результатов интеллектуальной деятельности, созданных в ходе выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ

Анисимов Дмитрий Андреевич, студент магистратуры
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

В статье рассматривается вопрос учёта одного из видов охраняемого результата интеллектуальной деятельности на примере объекта интеллектуальной собственности — изобретения. Существующий порядок учёта изобретений не предусматривает фиксации в статистической отчётности количественного показателя независимых пунктов формул изобретений. Принятие решения о включении такого показателя в отчётность предприятий позволит представить более достоверную картину уровня изобретательства в Российской Федерации. Статья может быть интересна специалистам в области инновационной деятельности, статистических исследований.

Ключевые слова: учёт, результаты научно-технической деятельности, результаты интеллектуальной деятельности, объекты интеллектуальной собственности, изобретение, формула изобретения, форма, статистическая отчётность.

Изобретательская деятельность является одним из перспективных инновационных элементов экономики. Темпы прироста объёмов коммерциализации интеллектуальных услуг на мировом рынке составляет около 20–24% в год, значительно опережая другие отрасли экономики.

По данным Роспатента изобретательская активность в России после 1991 г. значительно снизилась и продолжает снижаться ежегодно до настоящего времени. Это объясняется происходящими негативными экономическими преобразованиями и затянувшейся стагнацией экономики, которые являются основной творческой базой для изобретательской деятельности и НИОКТР.

Достоверные сведения (статистические данные) о состоянии и перспективах развития инновационной деятельности в части создания и использования объектов интеллектуальной собственности являются ценным источником информации для органов власти и управления, бизнес-сообщества, научной общности, средств массовой информации и населения.

В целом в Роспатенте учёт осуществляется в отношении заявок и охраняемых документов (патентов на изобретения) как юридических, так и физических лиц, служебных и инициативных технических решений.

На наш взгляд существует необходимость в корректировке подхода к учёту создаваемых и используемых изобретений как показателей изобретательской деятельности, входящих в общие показатели инновационной деятельности предприятий и организаций.

В настоящее время вопросам учета результатов, полученных в ходе выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее — НИОКТР) по контрактам и договорам, уделяют значительное внимание и заказчики, и исполнители указанных работ, так как учёт является существенной составной частью общего управления материальными и нематериальными объектами, которые входят в состав результатов НИОКТР.

Условно все результаты НИОКТР можно разделить на:

— результаты интеллектуальной деятельности (далее — РИД), в т.ч.: охраняемые РИД и потенциально охраноспособные РИД;

— материальные объекты, в которых выражены результаты интеллектуальной деятельности, в т.ч.: документация (конструкторская, рабочая, технологическая, отчёты, аналитические обзоры и т.п.), опытные и экспериментальные образцы, специализированное исследовательское и экспериментальное оборудование.

Различают государственный учёт результатов НИОКТР гражданского назначения и государственный учёт военного, специального и двойного назначения. Указанный учёт ведётся в отношении РИД.

Учёт РИД относится к категории управления экономическими процессами и объектами, сущность которого состоит в фиксации их состояния и параметров, сборе и накоплении сведений об объектах и процессах, отражении этих сведений в учётной и отчётной документации (внутренней и внешней).

Вопросы учёта и управления РИД регулируются различными нормативными документами [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Существующий порядок учёта не полностью отражает реальный уровень инновационного развития, в частности изобретательской активности предприятий и организаций, и требует уточнений.

Рассмотрим один из многочисленных аспектов учёта охраняемых РИД на примере конкретного объекта интеллектуальной собственности (далее — ОИС) — изобретения.

Проведём анализ норм четвёртой части ГК РФ, содержащих основные положения, касающиеся изобретений.

Согласно п. 1 статьи 1350 ГК РФ в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), в том числе к применению продукта или способа по определенному назначению.

Согласно п. 2 статьи 1354 ГК РФ охрана интеллектуальных прав на изобретение предоставляется на основании патента в объеме, определяемом содержащейся в патенте формулой изобретения.

Согласно п. 1 статьи 1375 ГК РФ заявка на выдачу патента на изобретение должна относиться к одному изобретению или к группе изобретений, связанных между собой настолько, что они образуют единый изобретательский замысел (требование единства изобретения).

Согласно п. 3 статьи 1358 изобретение признаётся использованным в продукте или способе, если продукт содержит, а в способе использован каждый признак изобретения, приведённый в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения, либо признак эквивалентный ему и ставший известным в качестве такового в данной области техники до даты приоритета изобретения.

Правила составления формулы изобретения предусматривают, что она может быть однозвенной или многозвенной (один или несколько пунктов), в зависимости от того, содержит ли она развитие и уточнения применительно к частным случаям или характеризует группу изобретений.

Многозвенная формула может иметь независимые пункты и следующие за ними зависимые пункты.

На практике при выявлении потенциально охраноспособных РИД специалисты патентных служб сталкиваются с необходимостью выбора тактики патентования технических решений. Не секрет, что в одной заявке могут быть объединены несколько изобретений (по количеству независимых пунктов формулы), составляющих группу, или эти изобретения могут быть поданы в Роспатент как самостоятельные заявки.

Часто выбор делается в пользу подачи заявки на группу изобретений из-за необходимости сокращения сроков оформления заявки и экономии финансовых средств. Однако на одну поданную заявку, включающую группу изобретений, в случае

вынесения в Роспатенте положительного решения будет выдан только один патент, именуемый патентом на изобретение.

Проведённый анализ существующих форм статистической отчётности федерального и отраслевого уровня показал, что в настоящее время предприятия и организации, предоставляющие данные об изобретательской деятельности согласно утверждённым формам статистической отчётности, указывают ряд количественных показателей, характеризующих подачу заявок, получение патентов, использование зарегистрированных РИД. Назовём наиболее известные виды статистических отчётов, являющихся статистическим инструментарием:

- Сведения о выполнении научных исследований и разработок (форма № 2-наука (краткая));
- Сведения о разработке и (или) использовании передовых производственных технологий (форма № 1-технология);
- Форма федерального государственного статистического наблюдения Сведения об использовании объектов интеллектуальной собственности (форма № 4-НТ (перечень)).

Из всех перечисленных статистических отчётов только форма № 4-НТ (перечень) предусматривает, что при заполнении граф 2–4 раздела 1 при защите одним патентом на изобретение группы объектов (например, способ и устройство) данные по каждому из них приводятся отдельной строкой

с указанием в скобках в графе 4 после номера заявки, номера независимого пункта формулы изобретения.

Таким образом, в явном виде предусмотрено введение в форму статистической отчётности данных об изобретениях, входящих в группу, охраняемую одним патентом, а конкретно введен количественный показатель «количество изобретений согласно независимым пунктам формулы изобретения». Однако, форма № 4-НТ (перечень) является единственной, в которой запрашивается информация о количестве изобретений согласно независимым пунктам формулы изобретения. В других формах заполнение таких данных не предусмотрено, что значительно искажает реальное состояние изобретательской деятельности предприятия.

Существующий порядок учёта требует уточнений в части введения дополнительных показателей, в частности необходимо предусмотреть внесение в статистическую отчётность количественного показателя о независимых пунктах формул изобретений.

Принятие решения о включении такого показателя в отчётность предприятий позволит представить более достоверное состояние уровня изобретательства и, в целом, инновационного развития на предприятиях и в организациях Российской Федерации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.04.2021).
2. Постановление Правительства РФ от 12.04.2013 № 327 (ред. от 01.10.2018) «О единой государственной информационной системе учёта научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения».
3. Положение о единой государственной информационной системе учёта научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2013 г. № 327).
4. Правила осуществления государственными заказчиками управления правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.03.2012 г. № 233).
5. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 9 октября 2010 года № 1320 «Об организации в Министерстве обороны Российской Федерации государственного учёта результатов интеллектуальной деятельности»
6. Инструкция по организации в Министерстве обороны Российской Федерации государственного учёта результатов интеллектуальной деятельности (приложение к приказу Министра обороны Российской Федерации от 9 октября 2010 года № 1320).
7. Форма федерального государственного статистического наблюдения Сведения об использовании объектов интеллектуальной собственности (форма № 4-НТ (перечень)).
8. Сведения о выполнении научных исследований и разработок (форма № 2-наука (краткая)).
9. Сведения о разработке и (или) использовании передовых производственных технологий (форма № 1-технология).

Эволюция института представительного органа местного самоуправления в современной России

Баженова Ольга Александровна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Нормы права, в рамках которых существуют органы местного самоуправления, основываются на президентских указах, среди которых особо следует упомянуть: «О поэтапной

конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 г. [1]; «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации»

от 9 октября 1993 г.; «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» от 26 октября 1993 г.; «О порядке назначения глав администрации» от 25 ноября 1991 г.; «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» от 22 декабря 1993 г.

В Указе «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» возлагался запрет на деятельность Советов народных депутатов в городах, районах, поселках и селах по причине возложения их функций на введенные администрации. Указ рекомендовал реформировать местное самоуправление. Эта обязанность присутствовала органам государственной власти субъектов Федерации. Они должны четко следовать Указу. Новым представительным органам давалось всего два года на функционирование. Это срок самой конституционной реформы.

Ранее, а именно до 21 сентября 1993 г., в числе депутатов Совета нельзя было увидеть служащих местной администрации. Это объясняется подотчетностью исполнительного органа Совету. Президенту России этого объяснения оказалось мало. Им было введено в жизнь видение возможности главы местного самоуправления стать членом Совета. Потом это допущение распространилось и на других должностных лиц администрации. Как же это можно коррелировать с указанной подконтрольностью администрации представительному органу? Однако и ранее, до введенного допущения совмещения должностей, повсеместно наблюдались случаи, когда в представительные органы проникали лица, которые по факту имеют тесную причастность к деятельности администрации или иного исполнительного органа. Вся эта завуалированность сущности деятельности того или иного лица на местах не давала возможности надлежаще отконтролировать администрацию представителем органом. Кроме того, это обстоятельство больно ударило по интересам непосредственного участия граждан в местном самоуправлении тоже не ощущалось. Прежде всего, рос авторитет самой исполнительной власти, а не Советов. Ю. А. Калинин пришел в голову мысль отметить ростки административной и бюрократической централизации исполнительной власти [2, с. 159]. Именно эти тенденции и задали тон отрицательной оценки президентских усилий в деле реформирования местного самоуправления в доктрине.

В результате этих малоприятных процессов страдало большое всего само местное самоуправление. Представительных органов по факту не было. Это подвигло Президента России издать 29 октября 1993 г. Указ «Об утверждении Основных положений о выборах в органы местного самоуправления» [3]. Документ опять же обращался к органам государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов. И снова в рекомендательной форме. Эти органы призывались к разработке положений о выборах в органы местного самоуправления с уважением к содержанию самого Указа Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 г. № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации». Именно эти положения должны стать столпами проводимых выборов в представительные органы местного самоуправления городов, сельских поселений, других населенных пунктов.

Акт предусматривал принципы выборов в органы местного самоуправления:

- осуществление гражданами Российской Федерации;
- всеобщность голосования;
- равенство избирательного права;
- прямота избирательного права;
- тайность голосования;
- мажоритарность системы;
- одномандатность, предполагающая выставление одного депутата от одного округа;
- единство нормы представительства.

Не преминем упомянуть допустимость установления пропорциональной и смешанной пропорционально-мажоритарной системы выборов, которая могла устанавливаться на уровне субъектном.

Указ содержал общеизвестные факты о наделении правом избирать в органы местного самоуправления каждого гражданина Российской Федерации. Такой человек должен быть как минимум восемнадцатилетним и постоянно проживать на конкретной территории, где проводятся выборы.

От выборов отстраняются:

- недееспособные;
- граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по вступившему в законную силу приговору суда.

В отношении кандидатов было прописано следующее. Выдвинуться мог кандидат или избирательными объединениями, или группами избирателей.

К первым относились региональные (местные) отделения общенациональных партий, движений, иных общественных объединений, устав которых зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации и предусматривает участие в выборах.

Региональные партии и движения свои местные отделения должны открывать только после регистрации их устава. В выборах можно участвовать и региональным отделениям блоков партий, общественных объединений, создаваемым на период проведения выборов.

Запрещено партии входить в несколько избирательных объединений. И даже если партия уже состоит в блоке, то ей тоже нельзя войти в самостоятельное избирательное объединение.

Все затраты по выборам возложены на бюджет субъекта Российской Федерации. Хотя никто не запрещает участникам самостоятельно поучаствовать в финансировании процесса выборов. Это могут быть хоть свои деньги, хоть добровольные взносы.

Видим, что в указах Президента РФ был заложен мощный заряд развития вопросов местного самоуправления, отвечающий требованиям времени. При этом никакой сногшибательной революции произведено не было, так как имеющиеся тенденции не были сбиты с курса. Просто им был придан несколько иной смысл. Подкорректирован был статус представительного органа местного самоуправления. Глава администрации перестал существовать — взамен появился глава местного самоуправления. Местная администрация укрепила свои позиции. Ей, как и раньше, был вручен определенный приоритет. Введение Конституции РФ в действие позволило

отойти от строго термина «Советы», которые отныне могли называться и как-нибудь иначе. Окончательную точку в уравнении ранее существовавшего строя местного самоуправления к современным реалиям стал, естественно, ФЗ «Об общих

принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», где нашли отражение все основные понятия данного сложного правового института, успешно применяемые и по сей день.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 21.09.1993 N1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ», 27.09.1993, N39, ст. 3597.
2. Калинин А. Ю. Историко-теоретические основы организации местного самоуправления в России: дис... канд. юрид. наук. Коломна, 2004. С. 159.
3. Указ Президента РФ от 29.10.1993 N1797 «Об утверждении основных положений о выборах в органы местного самоуправления» // Российская газета, N205, 03.11.1993.

Проблема определения территориальной подсудности в делах о несостоятельности

Бакулина Марьяна Михайловна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В настоящей научной статье представлены теоретические и практические аспекты особенностей определения арбитражными судами подсудности дел о несостоятельности. Исследуются основные положения процессуальной формы рассмотрения дел о банкротстве в арбитражном судопроизводстве Российской Федерации. Изучен подход арбитражных судов для применения норм о подсудности дел.

Ключевые слова: банкротство, территориальная подсудность, место постоянной регистрации, место временной регистрации.

В российском законодательстве определен порядок рассмотрения дел о банкротстве, а также их подведомственность и подсудность.

Особенности производства по делам о банкротстве проявляются уже в подведомственности и подсудности этих дел. Согласно части 4 статьи 38 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункту 1 статьи 33 Закона о банкротстве заявление о признании гражданина банкротом подаётся в арбитражный суд по месту его жительства [2].

Правила об альтернативной и договорной подсудности к делам о банкротстве не применяются.

Территориальная подсудность определяется по общим правилам по месту регистрации должника. В исключительных случаях заявление о банкротстве должника может быть принято и рассмотрено судом по месту временного пребывания, где гражданин фактически постоянно проживает по месту временной регистрации, приобретает имущество, имеет постоянное место работы или осуществляет предпринимательскую деятельность. Но практика по этому вопросу складывается неоднозначно.

Вместе с тем, согласно п. 1 ст. 20 ГК РФ местом жительства в частноправовых отношениях понимается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает [1].

При этом по смыслу абзаца второго пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» предполагается, что место жительства гражданина совпадает

с местом его регистрационного учета (часть четвертая статьи 2 и часть вторая статьи 3 Закона РФ от 25.06.1993 № 5242–1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации») [3].

Однако в исключительных случаях данная презумпция может быть опровергнута, при наличии доказательств того, что содержащаяся в документах регистрационного учета информация не отражает сведения о настоящем месте жительства должника.

Данная правовая позиция изложена в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2019 № 305-ЭС18–16327 [5].

Должник должен предоставить суду доказательства и обосновать, что изменение учетных данных обусловлено объективными причинами и связано с переездом на жительство в другой регион.

К обстоятельствам, свидетельствующим о том, что должник фактически проживает по месту временной регистрации и город, в котором он проживает, является центром тяготения экономических интересов должника, основным местом его деятельности и фактического проживания можно отнести следующие:

- наличие временной регистрации должника и его ребенка;
- осуществление трудовой деятельности по месту временной регистрации,
- договор найма, подтверждающий фактическое проживание по месту временной регистрации;
- обучение ребенка в учреждениях по месту регистрации, что подтверждается справкой;

- посещение детьми должника учреждений дополнительного образования (кружки, секции);
- прикрепление должника и проживающих с ним членов семьи к поликлинике по месту временной регистрации. Перечень обстоятельств не является исчерпывающим.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ высказалась, что, если у суда имеются обоснованные сомнения относительно соответствия данных регистрационного учета должника реальному положению дел, на последнего переходит бремя подтверждения того, что изменение учетных данных обусловлено объективными причинами и связано с переездом на жительство в другой регион.

При этом Судебная коллегия отметила, что, чем ближе дата смены регистрационного учета к дате возбуждения дела о бан-

кротстве (и соответственно, к моменту решения судом вопроса о подсудности дела), тем более высокой является априорная вероятность наличия в действиях должника по смене такого учета признаков недобросовестности [4].

Однако, полагаю, что факт смены места жительства перед началом процедуры банкротства не может свидетельствовать о намерении искусственно сменить подсудность. Должник может сменить место жительства по объективным причинам.

Таким образом, для определения подсудности дела арбитражные суды должны выработать подход, при котором оценка действий должника происходит не по формальным признакам, а при объективном изучении обстоятельств дела в каждом конкретном случае.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: [ред. от 9 март. 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32, ч. 1. — Ст. 3301.
2. Арбитражный процессуальный кодекс: федер. закон от 24 июл. 2002 г. № 95 — ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002: [ред. от 08.06.2020] // Рос. газ. — 2002. — № 137
3. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. N35// Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 8
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2019 N308-ЭС18-25635 по делу N A63-9583/2018. — URL <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-21032019-n-308-es18-25635-po-delu-n-a63-95832018/> (дата обращения 27.04.2021).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.02.2019 по делу N305-ЭС18-16327, A41-40947/2018. — URL <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25022019-po-delu-n-305-es18-16327-a41-409472018/> (дата обращения 22.04.2021)

Проблемные вопросы реализации единственного имущества индивидуального предпринимателя в процедуре банкротства

Бакулина Марьяна Михайловна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье рассматривается проблема реализации единственного имущества должника в процедуре банкротства.

Представлены пути совершенствования правового законодательства в вопросе обращения взыскания на жилое помещение в процедуре банкротства индивидуального предпринимателя.

Ключевые слова: банкротство, реализация имущества, исполнительский иммунитет.

На практике все чаще поднимается вопрос о реализации единственного имущества индивидуального предпринимателя в процедуре банкротства. Правовое сообщество разделилось на два лагеря: первые выступают за возможность такой реализации при объективных признаках недобросовестности должника, вторые утверждают, что на имущество, на которое распространён исполнительский иммунитет не может быть обращено взыскание.

Статья 446 Гражданского кодекса РФ закрепляет, что на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем

помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, обращение взыскания исключено [1].

Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 20.04.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — закон «О несостоятельности») содержит отсылочную норму к гражданскому законодательству. По смыслу статьи 213.25 закона «О несостоятельности» единственное имущество должника исключается из конкурсной массы [2].

Таким образом, на единственное жилье гражданина действует исполнительский иммунитет в процедуре банкротства.

Однако, судебная практика складывается неоднозначно.

Вышестоящие суды определили, что можно отступить от законодательно установленной недопустимости обращения взыскания на единственное жильё.

Например, Арбитражный суд Московского округа в рамках дела о банкротстве пришёл к выводу о том, что в удовлетворении заявления должника об исключении единственного жилья из конкурсной массы следует отказать, так как спорное имущество было куплено на денежные средства, добытые преступным путем [3].

Верховный суд суд включил единственное жильё должника в конкурсную массу в связи со следующим: должник по договору дарения передал дом площадью почти 360 кв. м и два участка. Данную сомнительную сделку суд первой инстанции отменил, а после позицию поддержал и Верховный суд, указав, что собственник злоупотребил правом [4].

Конституционный суд П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова призвал суды выяснять обстоятельства и соотносить стоимость жилья должника с величиной долга и если жильё будет отвечать признакам роскоши, то реализовывать его, а денежные средства направлять на удовлетворение требований кредиторов [5].

Считаю, что запрет на изъятие у индивидуального предпринимателя единственного жилья не может быть безусловным и требует законодательных коррективов, а до их появления суды вправе принимать решения о преодолении имущественного иммунитета, если должник в результате не останется без пригодного для жизни помещения.

Основная проблема заключается в отсутствии критериев для определения реализации единственного имущества должника.

Предлагаю раскрыть основные критерии, на которые необходимо обратить внимание при решении вопроса о реализации единственного имущества:

1. Признак злоупотребления со стороны должника. Например, это может характеризоваться отчуждением или сокрытием имущества перед процедурой банкротства. Или приобретением имущества в период образовавшейся задолженности.

2. Наличие признака «роскоши». Судам необходимо определять стоимость имущества. К примеру, если рыночная стоимость жилья превышает 30–40% и более суммы от общей задолженности, то такое имущество подлежит реализации, а вырученные денежные средства возмещаются кредиторам в порядке установленной законодательством очередности.

3. Допустимая норма предоставления площади жилого помещения. В каждом регионе нормативными актами уставлена норма жилой площади достаточной для одного человека. Судам следует учитывать данное условие для определения минимальной нормы в каждом конкретном случае. Необходимо учитывать и состав семьи проживающих с должником и рассчитывать минимальную норму на каждого члена семьи. Если жилая площадь квартиры больше установленной нормы, то данное имущество подлежит реализации.

4. Возможность предоставления жилья взамен реализуемого имущества. Кредитором должны быть предложены варианты взамен имеющегося у должника единственного жилья. Приобретение жилья должно быть с согласия гражданина.

Все вышеуказанные критерии должны быть соблюдены в совокупности и не нарушать конституционное право гражданина на жилище.

Таким образом, вопрос о реализации единственного имущества в процедуре банкротства остаётся открытым. На данный момент формируется практика, позволяющая изымать имущество в процедуре банкротства, которое расценивается как единственное жильё должника. Законодателю необходимо усовершенствовать правовое регулирование и закрепить на законодательном уровне основные критерии, которые необходимо учитывать при продаже жилого помещения в деле о несостоятельности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: [ред. от 9 март. 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32, ч. 1. — Ст. 3301.
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: принят Гос. Думой 27 сент. 2002: одобрен Советом Федерации 16 окт. 2002 [ред. 20.04.2021] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.07.2019 по делу А40–130403/2016. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Sfny86s0uHmK/> (дата обращения 01.05.2021).
4. Определение Верховного суда РФ от 22.07.2019 по делу № А53–15496/2017. — URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/53UD-3JZX78oU/> (дата обращения 01.05.2021).
5. По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова: постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П. — URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400598503/#review> (дата обращения 30.04.2021).

Проблемы законодательного закрепления понятия «криптовалюта» в России и за рубежом

Балмуханов Тимур Маратович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы, связанные законодательным закреплением правового статуса криптовалюты и блокчейн-технологий в Российской Федерации и других странах с высоким уровнем информационного развития. Выявлены способы внедрения такого элемента как криптовалюта в законодательную систему отдельно взятой страны, а также, правовые последствия каждого пути развития криптовалюты в законодательной системе.

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюта, правовой статус.

Двадцать первый век характеризуется неумолимым развитием цифровых технологий. С каждым годом все больше и больше информационных инноваций происходит во всем мире, некоторые из них остаются невостребованными, некоторые получают применение в узких отраслях, помогая человечеству прогрессировать в своем техническом развитии. Некоторые же, начиная от незаметной деятельности в компьютере одного человека или небольшой команды в любознательных целях, не осознавая всей значимости для человечества в будущем, совершают тихую цифровую революцию. Такой тихой революцией и является криптовалюта. Сейчас это слово все чаще и чаще мы слышим из мировых средств массовой информации, объемы средств, которые инвестируются в этот новый элемент поражают сознание, а доверие пользователей к этой системе растет с каждым днем.

Но такого рода цифровой элемент еще не встречался в истории развития человечества. Амбициозно претендуя на полноценный аналог банковской системе и фиатным деньгам в целом, большинство законодателей разных стран встретили криптовалюту скептически и на это есть ряд причин. Во-первых, у криптовалюты нет какой-либо физической формы, и она не обеспечена никакими структурами либо ресурсами. Все проявление криптовалюты это лишь программный код, на который невозможно повлиять никаким образом, ни вне, ни внутри данной программы, если только это не заложено в функциях алгоритма при его создании. И, во-вторых, это полная децентрализация данного элемента в виде хранения своих баз данных на устройствах по всему миру через компьютеры обычных пользователей, подключенных к данной системе. Что делает криптовалюту независимой от какого-либо места, источника или органа управления ею. Все эти перспективы в виде отказа от посредников в виде банков и невозможности повлиять на данную цифровую валюту из вне при переходе на новую криптозащищенную платежную систему делают ее довольно привлекательной для рядовых пользователей.

Но, столкнувшись с данных цифровым звеном, государства стали реагировать по-разному. Все мировое сообщество разделилось на три лагеря:

1. Государства, полностью поддерживающие внедрения криптовалюты и блокчейн-элементов в структуру своей страны.
2. Государства, которые стараются сохранять выжидательную тактику и проявлять позицию нейтралитета, ожидая прецедентов и мировой практики по регулированию криптовалюты.

3. И государства, которые видят угрозу национальным деньгам в появлении ничем не обеспеченной цифровой валюты и ставящие полный или частичный запрет на манипуляции с криптовалютой.

При позиции нейтралитета в части регулирования криптовалюты в законодательстве отдельно взятой страны с большей долей вероятности, учитывая технические особенности блокчейн-системы, а именно децентрализация и обеспечение анонимности, будут происходить коллизии в судебных спорах, чаще будут происходить случаи мошеннических действий со стороны злоумышленников, правонарушителям будет проще отмывать деньги, полученные преступным путем.

В случае встраивания в существующее законодательство необходимо полно и ясно определить три стадии внедрения.

1. Форма отдельного закон, который предполагает четкость границ нормативно-правового поля либо же это будут рекомендации и разъяснения к существующему законодательству предполагающие большую гибкость

2. Сущность криптовалюты как платежного средства либо как цифрового актива. В случае платежной системы необходим ввод более жестких рамок по обороту денежных средств, а цифровой актив предполагает использование норм гражданского законодательства.

3. Необходимо определить, будет это действие в рамках всей национальной экономики, что придает стимул для инноваций либо же действие будет происходить в рамках отдельно взятой территории, что дает большую вероятность рисков [2].

И последний способ законодательного регулирования криптовалюты на территории отдельно взятой страны это разработка нового законодательства, что является достаточно сложным процессом и, так как блокчейн это та технология, с которой человечество сталкивается впервые, будет большой риск коллизий и правовых пробелов.

На пути становления криптовалюты чуть менее десяти лет назад, Российская Федерация решила начать свой путь взаимодействия с новым криптоэлементом придерживаясь выжидательной тактики и сохраняя позицию нейтралитета. Не было ни законодательно закрепленного термина криптовалюты и блокчейн-технологий, ни определения ее правового статуса. Также, не были отрегулированы правила хранения, получения и пользования криптовалютой. На момент 2015 г. Российская Федерация занимала третье в мире место по количеству активных криптокошельков — около восьми миллионов. В то же время, злоумышленники, пользуясь отсутствием законодательной базы по ре-

гулированию потоков криптовалюты, а также особенностями системы блокчейн, которая предоставляла полную анонимность для совершения транзакций, начали активно пользоваться данной системой в целях вымогательства, отмывания незаконно полученных средств, продажи и покупки запрещенных товаров и услуг. Помимо положительных и инновационных качеств криптовалютной системы стали выявляться те недостатки, которые устранить можно только путем законодательного регулирования криптовалютных операций. Но, блокчейн-систему нельзя так просто контролировать, так как механизм ее работы основан на принципах децентрализации и криптографического шифрования транзакций. В данном случае, если государства хотят идти путем внедрения блокчейна в свою структуру, то им приходится идти на уступки в плане ограничений, не создавая условий, в которых блокчейн превращается в обычную централизованную зашифрованную базу данных.

Таким образом, по пути легализации криптовалюты пошли такие страны как Япония, Швейцария, Сингапур, Канада, большинство скандинавских стран. Стоит отметить, что Япония является первой страной, которая еще в 2017 г. законодательно урегулировала правовой статус криптовалют, признав их полноценным средством для оплаты товаров и услуг, наравне с фиатной валютой.

Среди стран, в которых криптовалютные операции находятся под полным либо частичным запретом можно отметить Боливию, Вьетнам, Алжир, Индонезию, Пакистан. В мае 2021 г. правительство Китая запретило государственным и банковским учреждениям страны предоставлять услуги, связанные с криптовалютными транзакциями, что очень подорвало значимость данной цифровой валюты, так как Китай является первой в мире страной по количеству добытой криптовалюты. Около 70–80% всей криптовалюты в мире было намайнено в Китае.

Законодательные органы Российской Федерации решили определить правовой статус криптовалюты лишь 1 января 2021 года с вводом поправок в Федеральный Закон № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Хотя и закрепленного определения криптовалюты в законопроекте не появилось, законодатели обозначали признаки, под которые попадает любая цифровая валюта, так, признаками цифровой валюты является совокупность содержащихся в информационной системе электронных данных (цифрового кода или обозначения), которые предлагаются и могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, иностранного государства и международной денежной или расчетной единицей, либо в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных [1].

Но, помимо причисления криптовалюты к статусу цифровой валюты законодательство Российской Федерации предусмотрело ряд ограничений по использованию данной валюты на

территории страны. Так, например, гражданам и организациям запрещено использовать криптовалюту в качестве средства оплаты за товары и услуги, а ее использование предполагает только пользование в качестве активов для получения прибыли, которую, согласно заявлениям Министерства Финансов Российской Федерации, в скором времени необходимо будет регистрировать при владении криптовалютой свыше определенного лимита, а именно в эквиваленте на 45 миллионов рублей. За неисполнение данной обязанности будут предусмотрены санкции за правонарушение в области налогового законодательства.

С началом распространения и популяризации криптовалютного движения во всем мире Российская Федерация сначала довольно скептически относилась к данному цифровому элементу, предостерегая граждан и организации от инвестирования в криптовалюту и пользование ею, предполагая, что использование криптовалюты может увеличить количество правонарушений в самых различных областях. Но после взгляда на опыт мировой общественности в использовании блокчейн-технологий для сокращения расходов и увеличению прибыли, в среде законодателей начался процесс оттепели по отношению к криптовалюте и сомнения заменились весьма либеральными позициями, от этого и главы крупных коммерческих организаций начали искать пути внедрения данных технологий в структуру своих корпораций и хотя криптовалютная отрасль в Российской Федерации не была никак законодательно отрегулирована, складывалась весьма благополучная обстановка для развития блокчейна на территории страны.

Но, как мы видим, с появлением закона о цифровых и финансовых активах, Российская Федерация хоть и не поставила полный запрет на использование криптовалюты, но существенно ограничила потенциал ее внедрения в структуру общества и государственного аппарата.

Из-за ужесточения правил оборота криптовалюты на территории страны может произойти отток инвестиций в эту отрасль от иностранных компаний в страны с более благоприятным правовым климатом для создания и изучения блокчейн-технологий. Так как правовая сторона криптовалюты по всему миру все еще не имеет стандарта регулирования айти-компания зачастую вынуждены выбирать себе страну для регистрации своей деятельности, не смотря на территориальное размещение, а руководствуясь лишь законодательной базой этой страны [3].

В настоящее время, когда авторитет криптовалюты и блокчейн-технологий в целом начинает закрепляться, все больше происходит попыток со стороны стран по внедрению блокчейна в государственную, социальную, банковскую, избирательную сферы и в большинстве случаев результаты такого внедрения скорее положительные, чем отрицательные. Но для ввода и продвижения любого нового элемента в структуру страны необходимо законодательно определить этот элемент и дать ему полное и адекватное регулирование.

Литература:

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. N31 (часть I) ст. 5018.

2. Артемьев Кирилл Игоревич Блокчейн: возникновение, особенности использования и регулирования // Отечественная юриспруденция. 2018. № 4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-vozniknovenie-osobennosti-ispolzovaniya-i-regulirovaniya> (дата обращения: 20.05.2021).
3. Гаращук Ольга Алексеевна Правовые основы регулирования блокчейна и обращения криптовалюты в России // ИТпортал. 2018. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-regulirovaniya-blokcheyna-i-obrascheniya-kriptovalyuty-v-rossii> (дата обращения: 20.05.2021).

О совершенствовании структуры системы органов прокуратуры

Билык Дария Александровна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В настоящей статье автор обосновывает необходимость совершенствования структуры системы органов прокуратуры в части правовой регламентации правового статуса Главных управлений Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах.

Ключевые слова: органы прокуратуры, организационная структура, Главное управление Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах.

Выбор оптимальной организационной структуры управления позволяет поддерживать систему органов прокуратуры в качестве целостной и независимой совокупности структурных подразделений, а также обособить и закрепить ее специфический правовой статус в системе органов государственной власти. Особый интерес представляют Главные управления Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах, которые были созданы в целях укрепления управленческих отношений в системе прокуратуры, упорядочения субординационных связей, а также реализации отдельных положений административной реформы в части совершенствования деятельности правоохранительных органов [2, с. 100]. Интерес связан с тем фактором, что такие управления играют важнейшую роль в структуре органов прокуратуры, однако прямо в законодательстве не закреплены.

Организационная структура управления представляет собой некий «каркас (такой) управленческой системы» [1, с. 58], который выражается в виде совокупности управленческих звеньев, расположенных в строгой соподчиненности и обеспечивающих взаимосвязь между управляющей и управляемой системами [3, с. 79]. Построение оптимальной организационной структуры органов прокуратуры направлено на максимально эффективную реализацию полномочий прокурорских работников. Именно построение оптимальной организационной структуры управления способствует развитию системы органов прокуратуры в качестве целостной и независимой совокупности структурных подразделений, а также позиционирования ее специфического правового статуса в системе органов государственной власти.

Организационная структура системы управления в прокуратуре представляет собой совокупность звеньев, находящихся во взаимодействии и взаимоподчинении в соответствии с определенными правами и ответственностью с целью реализации функции управления. В основе формирования структуры управления лежит выделение функций, необходимых для организации деятельности системы органов прокуратуры, сред-

ствами реализации которых другие элементы системы управления (методы, кадры, техника, информация и т.п.).

Основополагающие аспекты организационной структуры системы управления в органах прокуратуры регламентированы Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре).

В соответствии со ст. Закона о прокуратуре структуру Генеральной прокуратуры РФ составляют главные управления, управления (в том числе в составе главных управлений) и отделы (на правах управлений либо в составе управлений). В настоящее время функционируют Главное организационно-аналитическое управление, Главное управление кадров, Главное управление правовой статистики и информационных технологий, Главное управление по надзору за исполнением федерального законодательства и другие управления [5]. Выделение Главных управлений позволяет оптимизировать деятельность Генеральной прокуратуры РФ, выделяя конкретные направления ее деятельности. На уровне субъектов Российской Федерации в соответствии со ст. 15 Закона о прокуратуре также образуются управления и отделы (на правах управлений либо в составе управлений).

Представляет интерес рассмотрение Главных управлений Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах. Как известно, в 2000 г. образованы принципиально новые административно-территориальные институты в виде федеральных округов для решения задач в сфере государственного управления, развития федерализма, а также создания и сохранения единого правового пространства страны. В настоящее время созданы Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, Приволжский федеральный округ, Уральский федеральный округ, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ.

В рамках реализации полномочий, закреплённых в ст. 17 Закона о прокуратуре, а также во исполнение приказа Генерального прокурора РФ от 5 июня 2000 г. № 98 «Об образовании

управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах» созданы Управления Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах.

Рассматриваемые подразделения, не заменяя других подразделений Генеральной прокуратуры РФ, аккумулируют не только надзорные полномочия, но и значимую часть управленческих полномочий по отношению к прокуратурам субъектов Федерации, входящих в округ. В тот период основной целью их создания являлось укрепление управленческих отношений в системе органов прокуратуры, упорядочение субординационных связей, а также реализация отдельных положений административной реформы для совершенствования деятельности правоохранительных органов [2, с. 100]. Несмотря на то, что такие управления играют важнейшую роль в структуре органов прокуратуры, регламентация их правового статуса недостаточна. Деятельность главных управлений Генеральной прокуратуры РФ регулируется приказом Генерального прокурора РФ от 5 июня 2000 г. № 98 «Об образовании управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах» и Положением об управлениях Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах, утвержденным приказом Генерального прокурора РФ от 27 мая 2015 г. (далее — Положение).

Так, в соответствии с п. 1.1 Положения управления в федеральных округах являются самостоятельными структурными подразделениями, которые находятся непосредственно в центрах соответствующих федеральных округов. Основные направления деятельности управлений в федеральных округах представлены в п. 3.2 Положения. Помимо прочего, управления организуют и контролируют деятельность прокуратур субъектов Российской Федерации в округе по различным направлениям прокурорского надзора, а также осуществляют иные функции в соответствии с возложенными полномочиями.

Представляется, что в системе органов прокуратуры такие управления занимают особое место в силу территориальной, организационной и функциональной обособленности в отличие от иных субъектов управления. Однако их организационно-правовой статус до сих пор должным образом не урегулирован. Мы согласны с мнением, что такой недостаток способствует возникновению дисбаланса в управлении в определенной сфере и ошибочности принятия управленческих ре-

шений [4, с. 189–190]. Вопрос о необходимости закрепления правового статуса главных управлений в федеральных округах в Законе о прокуратуре рассматривался ещё десятилетие назад. Вначале образования этих подразделений действительно имелось множество проблем, связанных с несогласованностью в функционировании с другими подразделениями Генеральной прокуратуры РФ, дублированием полномочий, утратой полезной информации, установлением необоснованных сроков исполнения документов и иных. Тем не менее, в последние годы работа управлений стала осуществляться более слаженно, поскольку был выработан единый подход к осуществлению их деятельности с ограничением дублирования полномочий. Однако данный фактор не исключает необходимости совершенствования правовой регламентации деятельности исследуемых подразделений прокуратуры.

На протяжении многих лет исследователями предлагается закрепить правовое положение управлений Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах в ст. 11 Закона о прокуратуре. В целом поддерживая подобную точку зрения, предлагаем представить ч. 1 ст. 11 Закона о прокуратуре в следующей редакции: «Систему прокуратуры Российской Федерации составляют Генеральная прокуратура Российской Федерации, Главные управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах, прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры, научные и образовательные организации, редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами, а также прокуратуры городов и районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры».

Таким образом, организационную структуру управления в органах прокуратуры предлагается рассматривать в виде иерархии следующих четырёх уровней: Генеральная прокуратура РФ — управления Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах — прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним прокуратуры — прокуратуры городов, районов, приравненные к ним прокуратуры с последующим правовым регламентированием правового статуса Главных управлений Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах.

Литература:

1. Мильнер Б.З. Теория организации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА, 2001. С. 58.
2. Сологубов А.С. Особенности правового статуса органов прокуратуры России в федеральных округах (на примере Центрального федерального округа). Дисс... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 100.
3. Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: ГроссМедиа, 2005. С. 79.
4. Юсупов В.А. Правоприменительная деятельность органов управления. М. 1979. С. 189–190.
5. Генеральная прокуратура Российской Федерации // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/structure/structure-divisions>

Правовые вопросы определения цифровых прав в законодательстве РФ

Боровая Елизавета Борисовна, студент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Правовое регулирование цифровых прав — очень своевременная и актуальная тенденция, которую можно наблюдать сейчас в законодательстве самых разных государств. Важно, однако, отметить, что факта внесения изменений в закон в связи с появлением новых объектов оборота (таких, например, как криптовалюта) недостаточно — нужно еще и сделать эти изменения адекватными реальности и применимыми в практике. В данной статье рассматривается соответствие определения цифровых прав в российском гражданском законодательстве этим критериям.

В ст. 141.1 ГК РФ закреплено следующее понятие цифровых прав: «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». Прежде всего хочется обратить внимание на то, что данное определение работает по принципу бездокументарной ценной бумаги, на что уже не раз обращали внимание авторы, проводившие исследования в данной сфере [3]. Сходство заключается в том, что, как и в случае с ценной бумагой, перед нами объект, удостоверяющий право требования держателя. В этом смысле, безусловно, нечто общее у ценной бумаги и цифровых прав есть.

Также любопытно, что само определение из ст. 141.1 ГК РФ отсылает к другим законам, которые должны будут конкретизировать различные виды цифровых прав. Например, ст. 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. N259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» конкретизирует, понятие утилитарного цифрового права: это право требовать передачи вещей, исключительных прав или выполнения работ либо услуг. То есть, получается, новый объект гражданских прав — это право требования по отношению к более традиционным объектам гражданского права, некая надстройка над ними. Вместе с тем, например, право требовать передачи другого цифрового права законом не предусмотрено, хотя на практике такое, конечно, возможно. К тому же сама практика конкретизации определения другими нормативными актами не совсем понятна — гораздо удобнее выглядело бы решение, схожее со ст. 1225 ГК РФ, где приведен закрытый перечень объектов. Что же касается схемы, которую предлагает ст. 141.1 ГК РФ — скорее всего, она приведет к росту законодательного массива и усложнению регулирования. Эффект от такого явления будет скорее негативным в силу уже существующей сложности в иерархии законодательства РФ и непосредственно в текстах законов [4]. Определение

цифровых прав из ст. 141.1 ГК РФ вполне может служить иллюстрацией этой проблемы.

Также не совсем ясным остается, как определение цифровых прав будет коррелировать с неимущественными правами требования. В качестве примера можно взять довольно популярную среди блогеров систему Patreon. Данный сайт предоставляет создателям объектов авторского права (как правило, это онлайн-контент) предоставлять эксклюзивные возможности лицам, сделавшим в их пользу денежное пожертвование. Притом очень часто это неимущественные права — например, проголосовать за тему следующего видеоролика или подкаста. Такое действие нельзя квалифицировать как работу или услугу, поскольку ничего, кроме доступа к ограниченному онлайн-голосованию, пользователь не приобретает. Определение вещи или объекта интеллектуальной собственности также неприменимо к нему. В случае, если человек передаст денежные средства с намерением получить такое право и не получит его, скорее всего, инструментов правовой защиты своих интересов он не найдет. Введение цифровых прав как объекта гражданских правоотношений могло бы решать этот вопрос, если бы законодательно закрепленное определение и регулирование затрагивали защиту ожиданий лица, участвующего в цифровых правоотношениях.

Конечно же, основным намерением законодателя при введении в ГК РФ термина «цифровые права» было урегулирование рынка криптовалюты, набравшего в последние годы значительный оборот. В этом контексте рядом авторов высказано мнение, что более подходящим термином был бы «токен», но по неясной причине законодатель не стал использовать его [2]. Опять же, токен не обязательно предоставляет своему держателю какие-то права требования; это могут быть и неимущественные права, как из примера выше. Не так давно весь мир буквально охватил интерес к так называемым NFT-токенам — покупатели приобретали оцифрованные предметы искусства, однако в результате такой сделки у них не возникали на этот предмет искусства никакие права и уж конечно не появлялся сам предмет в материальной форме. Этот вид токенов представлял всего лишь нематериальную копию, фикцию — и все же сделки по их продажам принесли колоссальные суммы. Подпадает ли такой токен под определение цифровых прав из ГК РФ? В дальнейшем, с принятием соответствующего закона, возможно, попадет, но пока что однозначно нет. А значит, его нельзя использовать в случае возникновения спора по поводу NFT-токена и защиты нарушенных прав. Также не регулируют цифровые права и криптовалюту, которая стала основным посылком к принятию изменений в законодательство. Концепция «цифровых денег», как их назвали авторы законопроекта, не выдержала критики [1].

Некоторые исследователи, критикуя принятую в российском законодательстве концепцию цифровых прав, обращают

внимание на то, что они по сути не составляют отдельный объект гражданских прав. С. Сарбаш счел цифровое право оформлением привычных нам видов права (обязательственного, например) [5]. Действительно, в данном случае цифровое означает, что все те же привычные нам права всего лишь полностью осуществляются в сети Интернет без участия материального мира. С учетом нынешнего определения складывается интересная ситуация: приобретя на онлайн-маркетплейсе материальный товар, к примеру, мячик, вы примете участие в классических гражданских правоотношениях и обретете право собственности на вещь как объект гражданского права. А если вы приобрели право требования мячика — это уже цифровое право. Возникает вопрос — если вы воспользовались своим правом и истребовали у держателя мячик, его обязанность передать вам реальный объект все еще остается цифровой или уже нет? Закон, к сожалению, не отвечает нам на

этот вопрос. Неясно также, что заставило законодателя отойти от общепринятых понятий и назвать цифровыми правами то, что общепринято носит название «Токен» — в то время как под цифровыми правами понимаются права человека, заключающиеся в праве людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей. Судебная практика в данной сфере еще не сложилась в силу ее новизны, однако есть все основания полагать, что она столкнется с описанными в этой статье сложностями. Нет пока что ответа и на другой, более глобальный вопрос — в чем принципиальное отличие цифровых прав, как они есть в ГК РФ, от привычных нам объектов гражданских прав? Действительно ли есть необходимость выделять их в отдельную категорию? Пока что ответ на этот вопрос вызывает сомнения.

Литература:

1. <https://tass.ru/ekonomika/8694311> [дата обращения: 01.06.2021]
2. Родионов Л. А. К вопросу о правовой характеристике цифровых технологий в гражданском праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4–3. С. 188–190
3. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10
4. Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74.
5. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев, А. Генкин, С. Сарбаш, А. Асосков, А. Семенов, Р. Янковский, А. Журавлев, А. Толкачев, А. Камелькова, М. Успенский, Р. Крупинин, В. Кислый, М. Жужжалов, В. Попов, М. Аграновская // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

Правовая природа слияния как формы реорганизации коммерческих юридических лиц

Будякова Ксения Олеговна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье автор обращает внимание на проблему отсутствия в ГК РФ легального определения слияния как формы реорганизации юридического лица. В связи с данным обстоятельством автором анализируются сформировавшиеся в доктрине подходы к пониманию слияния на современном этапе развития гражданского законодательства.

Ключевые слова: реорганизация, юридическое лицо, слияние, создание, правопреемство.

К числу традиционных форм реорганизации можно с уверенностью отнести такую форму, как слияние. Об этом, в частности, свидетельствует первая российская реорганизация 1797 г., завершившаяся созданием Русско-американской компании для освоения Аляски, ГК РСФСР 1923 г., ГК РСФСР 1964 г. [4].

Особенности законодательной техники, использованной в ГК РФ, позволяют утверждать о наличии затруднений у законодателя с точки зрения формулирования легальных определений отдельных терминов. Не является исключением также использование в п. 1 ст. 57 ГК РФ термина «слияние». Однако

какой-либо расшифровки понятия слияния как формы реорганизации юридического лица законодатель в ГК РФ не приводит, кроме упоминания в п. 1 ст. 58 ГК РФ об отношениях правопреемства. Однако это вовсе не означает, что легального определения термина «слияние» нет в иных нормативных правовых актах. В частности, в ст. 52 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» под слиянием обществ с ограниченной ответственностью понимается «создание нового общества с передачей ему всех прав и обязанностей двух или нескольких обществ и прекращением последних»; в ст. 16 Федерального закона «Об акционерных обществах» слиянием обществ призна-

ется «возникновение нового общества путем передачи ему всех прав и обязанностей двух или нескольких обществ с прекращением последних»; в ст. 30 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» слиянием унитарных предприятий признается «создание нового унитарного предприятия с переходом к нему прав и обязанностей двух или нескольких унитарных предприятий и прекращением последних». Анализ специальных законов не позволяет с уверенностью говорить, что соответствующие специальные законы вносят ясность в юридическую сущность слияния или формулируют его признаки.

История становления института слияния свидетельствует, что в дореволюционный период слияние рассматривалось как способ прекращения юридического лица. Например, П. Цитович в своей монографии отмечал, что «один из поводов и способов прекращения компаний есть слияние. Такое слияние, — оно возможно лишь по взаимному договору (конвенции) сливающихся компаний, — может быть произведено двояко:

а) через поглощение. При поглощении одна компания присоединяет себе другую с ее акционерами, с ее активом и пассивом, принимает на себя ее требования и долги.

б) через объединение. При объединении обе компании совместно прекращаются, они ликвидируются и, в силу договора о слиянии, составляют новую компанию, быть может, с новой формой, непохожею на формы объединяющихся компаний, и с новой оседлостью [3, с. 186].

Обращаясь к современной правовой доктрине, следует отметить, что учеными предпринимается попытка осмыслить термин «слияние». При этом часть авторов рассматривает слияние в контексте действующего законодательства. Так, слияние рассматривается как форма реорганизации юридических лиц, в результате которой несколько (два и более) реорганизуемых юридических лиц прекращают свое существование, создается одно новое юридическое лицо, к которому переходят все права и обязанности прекративших существование юридических лиц в том виде, в котором они существовали к моменту перехода; вновь созданное юридическое лицо становится универсальным правопреемником прекращенных юридических лиц [5]. Другие авторы предпринимая попытку определить слияние через формулирование цели. Например, Т. Д. Аиткулов называет слияние способом реорганизации, направленным на объединение прав и обязанностей двух и более лиц [1]. Указанный подход не вводит в научный оборот специальные признаки слияния, т.к. объединение прав и обязанностей можно встретить при такой форме реорганизации как присоединение. Третьи авторы вводят такой признак слияния, как консолидация капиталов хозяйствующих субъектов [3, с. 190; 2, с. 149].

Отсутствие легального определения слияния привело к тому, что Верховным Судом РФ сформулировано понятие данной формы реорганизации. Согласно п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» при слиянии все права и обязанности каждого из участвующих в слиянии юридических лиц переходят к вновь возникшему юридическому лицу в порядке универсального правопреемства вне зависимости от состав-

ления передаточного акта и его содержания. Анализируя объем документов, подтверждающих правопреемство в ходе слияния организаций, Арбитражный суд Поволжского округа в Постановлениях от 11.08.2015 N Ф06-4695/2012, Ф06-26589/2015 по делу N А55-15009/2010 указал: при слиянии никакой неопределенности относительно субъекта не возникает ввиду его единичности; имущество лица как совокупность прав и обязательств, ему принадлежавших, переходит к правопреемнику как единое целое, причем в этой совокупности переходят все отдельные права и обязательства, принадлежавшие на момент правопреемства правопреемнику, независимо от того, выявлены они к этому моменту или нет; указанные обстоятельства с учетом универсального правопреемства свидетельствуют об отсутствии препятствий для осуществления процессуального правопреемства при непредставлении передаточного акта.

Таким образом, в учебной литературе и судебной практике рассматривается только один аспект слияния — аспект его рассмотрения через призму отношения правопреемства. И вот здесь обращает на себя конструкция формулирования термина «слияние». Слияние и в законодательстве, и науке раскрывается через термин «создание». В связи с этим обоснованно поднимается проблема, насколько такой критерий, как создание, является признаком реорганизации. Вполне обоснованным представляется позиция А. В. Габова, который пишет, что «буквальное прочтение законов показывает, что реорганизация как самостоятельный феномен, по сути, исчезает, а заменяется другим — созданием, и говорить надо уже не о реорганизации, а о создании» [4]. Обращаясь к анализу ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», следует обратить внимание, что законодатель разделяет процедуру создания и реорганизации юридического лица, тем самым раскрывает слияние через создание и фактически признает, что слияния как формы реорганизации нет.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что в доктрине гражданского права, начиная с XIX века, ведется дискуссия относительно правовой природы слияния. Сложились два основных подхода к пониманию слияния: как способа прекращения и способа реорганизации юридического лица. В современном гражданском законодательстве именно второй подход воспринят законодателем. Однако отсутствие легального определения слияния в ГК РФ приводит к обратному выводу. В частности, формулирование в законодательстве слияния через создание приводит к внутреннему противоречию с понятием реорганизации. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости внесения ясности в понятие слияния на уровне ГК РФ посредством формулирования следующих признаков.

- 1) слияние характеризуется прекращением существования всех участвующих в нем хозяйствующих субъектов;
- 2) результатом слияния является возникновение нового субъекта гражданских правоотношений, который будет обладать всеми правами и обязанностями реорганизуемых в форме слияния юридических лиц;
- 3) в результате слияния происходит консолидация капиталов хозяйствующих субъектов, имеющих экономически стабильное развитие.

Литература:

1. Аиткулов, Т. Д. Некоторые аспекты правового регулирования слияния и присоединения акционерных обществ в праве Российской Федерации и ФРГ // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. ст. / Под ред. проф. М. И. Брагинского. М.: НОРМА, 2002. Вып. 4 // Режим доступа [КонсультантПлюс]. — Загл. с экрана.
2. Беялова, А. М. Слияние и присоединение как консолидирующие формы реорганизации юридических лиц / А. М. Беялова. — Текст: непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 6. — С. 146–149.
3. Березина, Ю. Г. слияние и присоединение как консолидирующие формы реорганизации юридических лиц: историко-правовой и современный аспекты / Ю. Г. Березина. — Текст: непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. — 2011. — № 5. — С. 185–190.
4. Габов, А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М.: Статут, 2014 // Режим доступа [Консультант Плюс]. — Загл. с экрана.
5. Корпоративное право: Учебник отв. ред. И. С. Шиткина. Статут, 2019 // Режим доступа [Консультант Плюс]. — Загл. с экрана.

Институт необходимой обороны в уголовном праве зарубежных стран

Вахрушева Кристина Витальевна, студент
Тюменский государственный университет

В статье проанализированы положения действующего уголовного законодательства зарубежных стран в части норм, регламентирующих институт необходимой обороны. Рассмотрены условия, при которых необходимая оборона считается правомерной.

Ключевые слова: необходимая оборона, право на необходимую оборону, самозащита.

Институт необходимой обороны всегда занимал важную нишу в уголовно-правовых исследованиях. На сегодняшний день данная тенденция также не утратила своей актуальности, поскольку институт необходимой обороны находится в тесной связи с общественными отношениями, которые неустанно меняются и прогрессируют в своем развитии. В настоящее время, когда Россия выбрала путь, направленный на реформирование действующего законодательства в соответствии с нормами международного права, считаем, что интересным будет анализ института необходимой обороны в зарубежных странах.

Институт необходимой обороны берет начало еще с древних времен. К примеру, римские юристы и писатели оставили много определений права на необходимую оборону, но какой-то четкой теории, системного учения эти определения не давали. Римское право не определяло, в чем заключается невиновность в действиях необходимой обороны, но устанавливало, что если человек совершает действия, которые в подобных обстоятельствах любой честный и сознательный человек должен совершать, то несмотря на любые последствия, его нельзя признать виновным.

В Древнем Риме необходимая оборона признавалась естественным правом, присущим человеку. Также он отмечает, что в законах Ману, уже встречается понятие необходимой обороны, где указано, что «любой может без колебания убить нападающего на него убийцу, будет ли это его учитель, ребенок, старик или брахман. А по египетским законам оборона была не только правом, но и обязанностью относительно третьих лиц. Так, смертная казнь назначалась тому, кто видел убийство и не защитил, имея на то возможность. В случае невозможности по-

мочь потерпевшему он должен был донести об этом судебной власти, при невыполнении чего подлежал телесному наказанию — трехдневному лишению пищи [1, с. 73].

Институт необходимой обороны существует в законодательстве зарубежных стран и в современный период.

Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии, принятый в 1871 г., содержит главу «Необходимая оборона и крайняя необходимость» и определяет юридическую природу необходимой обороны как обстоятельства, исключающего ответственность ч. 2 п. 32 УК ФРГ закрепляет понятие необходимой обороны: «это защита, которая требуется для того, чтобы отразить наличное противоправное нападение на себя или кого-либо другого» [1, с. 74]. Уголовное законодательство Германии так же, как и нормы российского права, предусматривает две группы условий правомерности необходимой обороны: относящие к посягательству и относящиеся к защите.

Глава II раздела II Книги 1 Уголовного кодекса Франции 1992 г. называется «Основания наступления уголовной ответственности или ее смягчения». Иначе говоря, необходимая оборона относится к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность. В это же время сам институт необходимой обороны называется «институт правомерной защиты» [6, с. 117].

Сравнивая институты необходимой обороны во французском и немецком уголовном праве, можно сделать вывод, что хотя он и отличается по названию содержащегося в УК Российской Федерации, однако принципы и признаки данного института довольно похожи, как в зарубежном законодательстве, так и в отечественном.

Так, в УК Франции четко прослеживается реализация права на необходимую оборону, значительное внимание уде-

лено признакам правомерности необходимой обороны, заметная роль отводится судебной практике. Также французский законодатель ставит вопрос защиты собственности; такая защита будет правомерной при соблюдении ряда условий: 1) она допускается только при посягательстве на собственность, которое уже началось, и не допускается при угрозе такого посягательства (в отличие от защиты лица); 2) посягательство, которое началось, должно быть преступлением или проступком; 3) для защиты собственности не допускается причинение смерти нападающему; 4) защита должна быть «строго необходимой» (если же лицо имело возможность не причинять вреда нападающему, а могло обратиться в правоохранительные органы и т.д., оно обязано воспользоваться такой возможностью).

Сравнивая американское законодательство с российским по закреплению института необходимой обороны С. И. Мионов отмечает, что в Америке придается большое значение институту необходимой обороны при защите права собственности. Он отмечает, что при защите недвижимого имущества разрешается прибегнуть даже к смертельной физической силе, если лицо разумно считает, что она необходима для предупреждения или прекращения поджога. Для защиты движимого имущества лицо имеет право использовать обычную физическую силу, если оно разумно считает, что это необходимо для предупреждения или прекращения кражи или попытки нанесения вреда имуществу [2, с. 61].

В России правовой режим имущества не пользуется таким уровнем уголовно-правовой защиты. Так, в частности, даже поджог имущества не считается тяжким преступлением и за его осуществление без отягчающих обстоятельств, в соответствии с ч. 2 ст. 167 УК РФ, предусмотрена ответственность до пяти лет лишения свободы. Итак, американское законодательство по институту необходимой обороны является более понятным «обычному» гражданину при его применении и предоставляет ему гораздо больше инициатив для защиты своих имущественных прав [2, с. 62].

По-разному определяют правовое основание необходимой обороны в законодательстве об уголовной ответственности других стран.

Уголовный кодекс Республики Беларусь признает основанием необходимой обороны общественно опасное посягательство (как и в России) [3, с. 108].

Уголовный кодекс Грузии таким основанием определяет противоправное посягательство. В законодательстве Грузии существует вообще странная ситуация. В Части 1 ст. 28 УК Грузии определяются основания для необходимой обороны. А ч. 4 этой статьи превышением пределов необходимой обороны признается его явное несоответствие характеру и опасности. непонятно, что именно признается основанием необходимой обороны? Возможно, грузинский законодатель использует эти термины как синонимы. На наш взгляд, такая конструкция соответствующей статьи является не очень удачной [4, с. 100].

Законодательство об уголовной ответственности Литовской республики в качестве правового основания необходимой обороны признает опасное посягательство, которое уже началось или непосредственно угрожает лицу [5, с. 102]. То есть за-

конодатель этой страны устанавливает не просто основание — опасное посягательство, но и временные границы его действия.

В законодательстве Франции основанием выступает необоснованное посягательство. Определены конкретные виды такого посягательства: 1) оно осуществляется путем взлома, насилия или обмана, ночью в жилище; 2) кража или грабеж, соединенный с применением насилия [6, с. 155].

Что же касается условий защиты по законодательству ФРГ, то они таковы: это должна быть защита от посягательства в ответ на действия лица; защита должна заключаться в причинении вреда тому, кто совершает покушение; защита должна быть направлена на прекращение посягательства, если оно уже началось, или на его предотвращение, если существует реальная угроза такого посягательства; защита должна соответствовать виду и тяжести посягательства. При этом выделяют следующие признаки защиты, как пригодность и необходимость. Пригодной является защита, которая является средством для прекращения посягательства, причем без угрозы своим интересам. Защита соответствует признаку необходимости в том случае, если он является самым щадящим средством защиты от посягательства [9, с. 391]

Уголовное законодательство таких стран, как Латвия, Болгария, Чехия, Швеция, Дания, Голландия признает как основание необходимой обороны само нападение. Но это может быть нападение или угроза нападения, непосредственное противоправное нападение, нападение, которое угрожает или продолжается, преступное нападение, незаконное нападение, непосредственное незаконное нападение.

Например, УК Швеции содержит исчерпывающий перечень таких нападений. Необходимая оборона возможна: от нападения в отношении лица или собственности, которое началось или должно начаться; от нападения лица, которое с применением насилия или угрозой применения насилия препятствует установлению владения собственностью; от нападения лица, которое незаконно вторглось в комнату, дом, двор или судно [7, с. 36].

Австралийский законодатель отказался от общего основания необходимой обороны. В законодательстве определены случаи, когда лицо имеет право на самооборону. Лицо действует в состоянии самообороны, если оно верит, что такое поведение является необходимым: для защиты себя или другого лица; для предотвращения или пресечения незаконного лишения свободы в отношении себя или другого человека; для защиты собственности от незаконного изъятия, уничтожения, повреждения или вторжения; для предотвращения уголовно-наказуемого нарушения границ владения или помещения; для удаления с участка земли или помещения лица, совершающего уголовно наказуемое нарушение границ владения. Это поведение является разумной реакцией на обстоятельства, которые осознает соответствующее лицо [8, с. 82].

Таким образом, законодательство большинства стран мира рассматривают необходимую оборону как социально полезное действие, что вполне естественно, потому что субъективное право на самооборону является одним из самых важных способов борьбы с преступностью. Кроме того, необходимая оборона служит эффективным инструментом для предупреждения

преступлений, в связи с тем, что преступника может больше напугать отпор жертвы, чем вероятность осуждения. Институт необходимой обороны выполняет профилактическую

функцию в некоторой степени, поскольку угроза быть убитым или раненым непосредственно на месте посягательства является весьма устрашающим обстоятельством для преступника.

Литература:

1. Вереина, М. И. Институт необходимой обороны в уголовном праве зарубежных стран / М. И. Вереина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 45 (335). — С. 73–75.
2. Миронов С. И. Необходимая оборона по уголовному праву Англии и США: Особенности регулирования / С. И. Миронов // Государство и право. — 2002. — № 6. — С. 61–67.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. — 474с.
4. Уголовный кодекс Грузии. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. — 409 с.
5. Уголовный кодекс Литовской республики. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. — 470 с.
6. Уголовный кодекс Франции. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. — 650 с.
7. Уголовный кодекс Швеции. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. — 320 с.
8. Уголовный кодекс Австралии. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. — 388 с.
9. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие / Под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. — М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2003. — 576 с.

Особенности тактики следственного осмотра по делам о незаконной охоте

Воробьева Ирина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент;
Крюкова Виктория Геннадьевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор выделяет и раскрывает особенности тактики следственного осмотра по делам о незаконной охоте.

Ключевые слова: незаконная охота, тактика следственного осмотра, криминалистика.

При совершении незаконной охоты браконьеры применяют огнестрельное оружие, в связи с чем перед органами дознания и предварительного следствия возникает ряд специфических задач, для решения которых необходимо участие в следственных действиях, в данном случае, при совершении незаконной охоты, осмотр места происшествия с участием специалистов криминалистов в области судебной баллистики. Привлечение их к этому следственному действию обусловлено спецификой вопросов, которые возникают при установлении обстоятельств совершенного преступления, выявление, фиксация и изъятие следов применения огнестрельного оружия.

Особенность таких обзоров заключается в том, что в этом следственном действии подлежит большая территория, выстрел или выстрелы, которые произведены с большого расстояния, значительное количество предметов, подлежащих осмотру и систематизации, сложность при обнаружении и изъятии следов выстрела и других вещественных доказательств, имеющих отношение к совершенному событию. При осмотре места происшествия с применением огнестрельного оружия решаются следующие задачи: установление обстоятельств и места совершенного преступления, изъятие картечи, пуль, гильз и других составных частей патрона, выявление основных и дополнительных следов выстрела, а также изъятия огнестрельного оружия и его частей.

Информация, полученная в результате осмотра места происшествия, помогает установить факт обстоятельств и места применения огнестрельного оружия, тип, вид, а также направление и дистанцию выстрелов, и количество единиц оружия, которое применялось при незаконной охоте. При незаконной охоте с применением огнестрельного оружия на месте происшествия остаются гильзы, пули, дробь, картечь, пыжи-контейнеры, а также следы выстрела на различных преградах: деревьях, ветвях, тушках животных и птиц. Особенностью осмотра места происшествия в этих случаях является сложность поиска данных объектов, обнаружение которых нередко связано с определенными трудностями. Важными ориентирами при поиске являются повреждения от них. В некоторых случаях при возможном попадании пули в снег, песок, почву, траву, воду следует применять металлоискатель.

Нередко при попадании в твердые препятствия, дерево, кости, пуля может полностью или частично разрушаться. Это характерно для гладкоствольного огнестрельного оружия в которой применяют свинцовые пули (Бренеке, Майера, Совестра, Фостера, Полевая и другие), а также для нарезного оружия, в которой применяют пули со свинцовым наконечником (Туг, Селор-Белот, Бренеке-Туг и другие). При поиске пуль, картечи следователь, дознаватель, специалист-баллист применяют метод визирования, который используют для определения места откуда был совершен выстрел, только в противоположном на-

правления. Обнаружение пули и гильзы на месте происшествия возможно при применении ее моделирования.

В мысленных моделях следователь, дознаватель «создает картину» события и с их помощью осуществляется оценка доказал и строятся версии. В качестве тактического приема моделирования события выступает мысленное моделирование совершенного события по расследованию незаконной охоты. Моделирование механизма преступления и личности преступника составляет психологический процесс, опирающийся на материальные источники информации. Мысленное моделирование совершенного события как тактический прием помогает выявить новые факты и определенные несоответствия механизма незаконной охоты.

При действительном отражении события преступления воображаемая модель должна совпадать с информацией, обнаруженной на месте происшествия. Но если между ними возникают противоречия и несоответствия, то ситуация осмотра места происшествия на первоначальном этапе расследования была определена неправильно. Интересной может быть система тактических приемов при неполном отражении события преступления, включающий такие приемы, как анализ отдельных следов и предметов, их признаков и места расположения, использование мысленной реконструкции отдельных элементов события. Обнаружения гильз на месте происшествия требует моделирования обстоятельств применения огнестрельного оружия, места, откуда был произведен выстрел, его направления и вероятного типа оружия [3].

После выстрела гильза, как правило, выбрасывается из оружия на некоторое расстояние от места, откуда был произведен выстрел, назад, вперед, справа или слева от стреляющего. На месте происшествия чаще всего остаются гильзы от автоматического или полуавтоматического оружия. Реже находят гильзы в случаях применения огнестрельного оружия. Это зависит от того, перезарядилось ли ружье для следующего выстрела. Для поиска гильз важно установить место, откуда были осуществлены выстрелы, при этом анализируются и исследуются огнестрельные повреждения на преградах, следы обуви, устанавливаются расстояние, с которого был произведен выстрел, выполняют визирование.

Если установлено место и направление выстрелов, следует использовать информацию о направлении и дистанцию их выбрасывания из оружия. В случае применения гладкоствольного оружия при незаконной охоте, в отличие от нарезного, есть то, что снаряд в ней — дробь или картечь, которые оставляют на поврежденных объектах относительно на большой плоскости. Гильзы в таких случаях браконьеры редко оставляют на месте происшествия. Дробь и картечь в основном остаются в пораженном объекте и обнаружить их можно по следам повреждений. При осмотре места происшествия важно собрать по возможности не только пораженный объект, а и препятствия, находящиеся поблизости от него. Это дает возможность построить реальные версии совершенного события.

Современные требования борьбы с преступностью требуют максимального привлечения специалистов к осмотру места происшествия и специалистов егерской службы, которые имеют высокий профессиональный уровень, умеют находить

следы правонарушителя, а также транспортных средств и раненых животных. Решение этих вопросов предполагает необходимость изучения типовых ситуаций при осмотре места происшествия, которые в криминалистике распределяют на три группы:

- место события с четко выявленным центром;
- место происшествия с обнаруженными узлами ситуаций;
- ситуация, в которой нет выявленных информационных точек.

Место происшествия и его материальная обстановка являются отражением последствий совершенного преступления. Место совершения преступления — богатейший источник информации, и в большинстве случаев раскрытие преступлений целиком зависит от того, в полной ли мере использован этот источник. Но источник этой информации не всегда одинаково отражает само событие преступления. В зависимости от характера отражения на месте совершенного события незаконной охоты могут происходить ситуации, когда событие преступления имеет фактическое отражение. В этом случае у дознавателя, следователя нет сомнений относительно характера события и лиц, совершивших его.

Достаточная информация с места происшествия позволяет сделать вывод о ее действительной принадлежности. Уже на первом этапе расследования незаконной охоты возможно решить, какие объекты надо осматривать, что связано с характером происшествия и его значением. Но информация о совершенном преступлении не является всегда полноценной и благодаря работе следователя, дознавателя при взаимодействии с работниками егерской службы позволяет восстановить полную картину произошедшего события. Эта информация на месте происшествия имеет разную степень отражения. Если отражение неполное, оно не передает тех изменений, которые произошли при незаконной охоте и на основе которых можно судить об отраженном объекте.

В этом случае его неполнота может быть существенной. Но если отражение недостаточно точно передает все возможные изменения, то такая неполнота несущественна и может компенсироваться доказательной информацией из других отражений доказательств.

Наличие недостаточной информации на месте происшествия связана с такими аспектами:

- в процессе совершения преступления событие не полностью отобразилась на месте;
- после совершенного преступления возникают изменения в окружающей среде следов вещественных доказательств.

В связи с вышеназванным определяется система тактических приемов осмотра места происшествия. Следователь, дознаватель имеет определенную информацию на первичном этапе расследования незаконной охоты по заявлению о совершенных преступлениях от лесничих, егерей, охотников и показаний отдельных лиц. Следователь, дознаватель при выезде на место происшествия имеет определенное представление о событии преступления. Это представление может быть неточным, фрагментарным, но оно существует, и поэтому внимание дознавателя, следователя сосредоточено на определенном со-

бытии он продумывает различные варианты его возможного совершения.

На месте происшествия цель следователя, дознавателя как можно больше обнаружить следов преступления и вещественных доказательств и определить принадлежность доказательств к совершенному событию. При этом важное значение приобретает анализ отдельных следов человека, оружия, транспортных средств, следов выстрела. Место события является отражением прошлого, которое может быть познано при изучении окружающей обстановки и вещественных доказательств рациональным путем. В связи с тем, что следователь, дознаватель наблюдает место совершенного преступления при помощи чувственного познания в восприятии различных материальных следов незаконной охоты, он анализирует различные признаки и свойства предметов и следов, время их возникновения на месте происшествия, связи объектов, структуру предметов и следов для изучения их групповой принадлежности, идентификационные качества следов с целью определения возможности отождествления объектов, которые их образовали, возможность возникновения следов от одного или разных участников расследуемого преступления, связи следов между собой и расследуемым событием, механизм их образования, причины отсутствия определенных следов и предметов или их свойств и признаков [4].

Анализ отдельных следов на месте происшествия является той первой ступенью, которая помогает установить причины, связи между ними и определенную зависимость следов между собой. Выявление одних следов, отдельных частей или признаков должно указывать на поиск других предметов или следов. Наблюдения одних материальных следов незаконной охоты требует умения прогнозировать наличие других материальных следов совершенного преступления. Таким образом, использование тактического приема, который заключается в анализе отдельных следов на месте происшествия, дает возможность выделить более широкий круг следов-предметов, имеющих отношение к определенному преступлению, определить зависимости между ними, и не брать во внимание следы, которые не имеют отношения к событию. В связи с этим важное значение имеет моделирование совершенного события, где дознавателем, следователем воспроизводится «следовая картина» совершенного преступления, осуществляется оценка вещественных доказательств и строятся версии.

Но при незаконной охоте чаще всего применяется реконструкция как способ мнимого восстановления дознава-

телем, следователем следовой картины преступления для получения полной информации и установления причины связей между вещественными доказательствами. Реконструкция возможна после тщательного анализа следов на месте происшествия и предоставляет возможности в предположении относительно отдельных ее элементов, позволяет мнимо восстановить отдельные детали механизма преступления, проследить связи и зависимости между имеющимся или отсутствием других элементов прошлого события.

В случае незаконной охоты не всегда можно наблюдать полное отражение события. Первичная информация об этом поступает от граждан, лесничих, егерей. Такая информация отличается по характеру, содержанию и объему. Она может иметь исчерпывающую информацию о том, что происходило, а может быть и неполной, отрывочной и даже противоречивой. Отсутствие явного отражения на месте совершенного преступления предполагает необходимость использования тактического приема, заключающегося в анализе первичных данных с общей картиной места происшествия. Такое сопоставление предоставляет дознавателю, следователю возможность объективно определить место совершенной незаконной охоты и локализацию следов преступления.

В этом отношении важно использование такого тактического приема, как привлечение к участию в осмотре места происшествия лиц, сообщивших о совершенном преступлении. Эти лица могут оказать существенную помощь дознавателю, следователю в определении границ места происшествия, обнаружении отдельных следов и предметов или признаков их уничтожения. При участии в осмотре они могут давать объяснения относительно тех или иных следов, а также механизма совершенного преступления и обращать внимание дознавателя, следователя на те или иные предметы, их признаки и особенности, которые они считают существенными [5].

При совершении незаконной охоты следует анализировать признаки уничтожения следов на месте происшествия. Надо всегда предусматривать возможность трансформирования объектов осмотра, следов и других вещественных доказательств, а потому надо осуществлять поиск не только в первоначальном виде, но и в измененном, для чего надо знать, какие изменения они претерпели. Эти изменения со следами могут происходить как результат воздействия действий преступника или влияния природных условий в виде осадков или изменения погодных условий. В этом случае происходит уничтожение или изменение следов преступления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 08.12.2020) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» <https://rg.ru/2012/10/31/postanovlenie-dok.html>
3. Шаталов А. С. Вопросы модернизации частных криминалистических методик расследования преступлений. Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 1 (19). С. 64
4. Шайдуллина Э. Д. Вопросы процессуального закрепления заключения специалиста как средства доказывания по уголовному делу I Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформиро-

вания: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка. Орел, 2016. С. 407

5. Чурилов С. Н. Криминалистические характеристики как научно-эмпирическая основа частных методик расследования. Изв. ТулГУ. Сер.: Эконом. и юрид. науки. 2016. № 2. С. 60

Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью

Горбунова Анна Сергеевна, студент;
Хохлова Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В данной статье рассматриваются вопросы, возникающие при квалификации преступлений по ст. 111 УК РФ, анализируются ошибки при квалификации данного преступления. В связи с проблемами квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью существует необходимость дополнительного теоретического и правового осмысления как состава преступления, так и квалифицирующих признаков рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, отличие преступлений, причинение смерти по неосторожности, убийство, квалифицирующие признаки, проблемы, тяжкий вред

Problems of qualification of deliberate infliction of serious harm to health

This article examines the issues that arise when qualifying crimes under Art. 111 of the Criminal Code of the Russian Federation, errors in the qualification of this crime are analyzed. In connection with the problems of qualifying the deliberate infliction of grievous bodily harm, there is a need for additional theoretical and legal understanding of both the corpus delicti and the qualifying features of the crime in question.

Keywords: deliberate infliction of grievous bodily harm, difference of crimes, negligent death, murder, qualifying signs, problems, grievous harm

Одним из наиболее опасных насильственных посягательств против здоровья человека является умышленное причинение тяжкого вреда его здоровью (ст. 111 УК РФ). Уголовным кодексом оно отнесено к категории тяжких преступлений (ч.ч. 1 и 2 ст. 111 УК РФ) и к особо тяжким (ч.ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ). Общественная опасность данного деяния заключается в том, что она посягает на конституционные гарантии человека и гражданина, такие как, неприкосновенность личности, охрану здоровья и медицинскую помощь, причинения человеку страданий, в ущерб его здоровью, а также на его неотъемлемое право — право на жизнь.

По закону для квалификации по ст. 111 УК РФ нужно установить умысел на причинение именно тяжкого вреда здоровью, но нельзя забывать и о том, что необходимо выявить причинную связь между деянием виновного и наступившими последствиями для потерпевшего, в виде тяжкого вреда здоровью.

В практике очень часто приходится разграничивать умышленное причинение вреда различной степени и неоконченное убийство. В современное время ученые пришли к выводу, что покушение совершается только с прямым умыслом, потому как убийство само по себе совершается только с определенным умыслом. Данное предположение основано на постановлении Пленума Верховного Суда РФ «о судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в нем говорится о том, что покушение на убийство может быть совершено только с прямым умыслом.

Считается, что покушение на убийство можно вменить виновному только в том случае, если в его действия прослеживается прямой конкретизированный умысел на причинение смерти потерпевшему. При любых других обстоятельствах деяния виновного должны быть квалифицированы по фактически наступившим последствиям.

Для определения конкретизированного умысла в практике пользуются теоретическим постулатом, который заключается в следующем, «Если доказано, что виновный избрал такой способ действий, при котором он предвидел неизбежность смерти потерпевшего, то это приводит к выводу, что виновный желал смерти потерпевшему, то есть действовал с конкретизированным умыслом на убийство». Обстоятельствами, по которым можно свидетельствовать, что виновный предвидел неизбежность смерти, следующие:

- 1) действия, которые сами по себе считаются опасными для жизни, например, угроза ножом или сталкивание с высоты;
- 2) фактическая возможность причинить потерпевшему смерть, например, наличие специальных навыков или умений;
- 3) осознанность, не случайность действий виновного, например, количество и сила ударов.

В качестве примера, можно рассмотреть такую ситуацию, когда виновный нанес потерпевшему четкий и целенаправленный удар молотком по голове. В данном случае, виновному можно вменить покушение на убийство, даже если виновный говорит о том, что он не желал наступления смерти потерпев-

шего, потому как совершенные им действия говорят об обратном.

При разграничении покушения на убийство и причинение вреда здоровью допускаются несколько распространенных ошибок:

Первой ошибкой является, что при квалификации виновному лицу действий как причинения вреда здоровью часто применяется лишь на основании, когда потерпевший остался жив, а виновный имея возможность продолжить свои действия, прекратил свои действия.

Вторая ошибка, можно сказать, вытекает из первой. В данном случае речь идет о совершении активных действия виновного, направленных на предотвращение смерти потерпевшего, причиненные ранее умышленными действиями. То здесь действия виновного принимают за добровольный отказ, а не за деятельное раскаяние.

Квалифицирующие признаки, указанные в ч.ч. 2 и 3 ст. 111 УК РФ, совпадают с аналогичными признаками убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ. Но особое внимание учёные обращают на проблему отграничения «умышленного причинения вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего» (ч. 4 ст. 111 УК РФ) от «убийства» (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Сходство данных преступлений заключается в том, что их объективная сторона и последствия полностью совпадают. Но основным отличием данных норм является то, что в ч. 4 ст. 111 УК РФ умысел виновного направлен на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего и смерть последнего наступает не по воли виновного, а под убийством уже понимается умышленное причинение смерти другому человеку. Из этого можно сделать вывод, что главным критерием разграничения этих составов является психическое отношение виновного к наступившим последствиям в виде смерти потерпевшего.

Анализ судебной практики показывает, что разграничение данных составов, вызывается разными причинами:

1) действия виновного квалифицируются по ч. 4 ст. 111 УК РФ, исходя из того, что в своих показаниях он говорит о том, что не желал смерти потерпевшему. Здесь, наряду с показаниями виновного нужно учитывать и другие обстоятельства, установленные по делу. Также нельзя забывать, что убийство может быть совершено с косвенным умыслом.

2) вопрос времени наступления смерти потерпевшего. Действия виновного квалифицируются как убийство, когда смерть потерпевшего наступила спустя небольшой промежуток времени, если же смерть наступила через несколько дней или недель, то действия виновного квалифицируются по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Из рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ при разграничении убийства и преступления по ч. 4 ст. 111 УК РФ следует, что необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств дела, а именно способа и орудия преступления, количества и силы ударов и даже место и обстановка происшествия.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021)

Не менее важно обратить внимание на то, что действия по ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершены по неосторожности по отношению к смерти потерпевшего, т.к. смерть наступает в результате действий, совершенных с прямым или косвенным умыслом при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что данные действия выражаются в форме преступного легкомыслия, виновный может предвидеть наступление смерти потерпевшего в результате совершаемых им действий.

Следует помнить, что наличие конкретизированного умысла в действиях виновного, данное преступление не может быть квалифицировано как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, а подлежит квалификации как убийство.

Проанализировав ч. 4 ст. 111 УК РФ можно прийти к выводу, что законодатель объединил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожное причинение смерти (ст. 109 УК РФ). Данные составы могут самостоятельно существовать, но при сочетании они образуют совершенно иное преступление со специфическим субъективным составом.

Эти преступления имеют схожий признак, это неосторожное отношение к наступившему последствию и виде смерти потерпевшего, но также имеется и отличие, которое заключается в свойстве умысла виновного лица при причинении тяжкого вреда здоровью. По ч. 4 ст. 111 УК РФ ответственность наступает при условии, что совершая противоправные деяния, виновный предвидел возможность причинения тяжкого вреда здоровью и желал подобный результат.

Ответственность по причинению смерти по неосторожности наступает, когда виновный при совершении противоправных действий не желал ни причинения тяжкого вреда здоровью, ни причинения смерти потерпевшему. Действия виновного должны быть такими, что их результатом их совершения потерпевшему причинен вред здоровью средней тяжести.

Из вышеуказанного можно сделать следующие выводы. При причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, квалификация деяния может быть следующей:

1) по ст. 105 УК РФ — когда имеется конкретизированный умысел на причинение тяжкого вреда здоровью с явными признаками опасности для жизни, которые приведут смерть потерпевшего;

2) по ч. 4 ст. 111 УК РФ — когда субъект мог предвидеть наступление смерти, но его умысел был направлен лишь на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а не на смерть потерпевшего;

3) по ст. 109 УК РФ — когда виновный не мог предвидеть возможность наступления смерти потерпевшего или предвидя возможность наступления серьезных последствий, но рассчитывал их избежать.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве»
4. Волошин П. Разграничение в судебной практике убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего причинение смерти по неосторожности / П. Волошин // Уголовное право. 2011. N
5. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография. М., 2012. С. 27.

Учет деловых качеств работника при заключении трудового договора

Горожанкина Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;
Орёл Алиса Дмитриевна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье автор рассматривает способы учета деловых качеств работника при заключении трудового договора.

Ключевые слова: трудовая функция, трудовой договор, деловое качество работника, вакантная должность, трудовая деятельность, личностное качество работника, работодатель, требование, Трудовой кодекс Российской Федерации.

Деловые качества работника играют важную роль при заключении трудового договора, так как они выполняют определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у кандидата профессионально-квалификационных качеств, а также личностных качеств работника.

Определение понятия «деловые качества» приводится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»: «Под деловыми качествами работника следует понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли)» [3].

Также в данном Постановлении указано, что работодатель имеет право предъявить к лицу, претендующему на вакантную должность или работу, и иные требования, обязательные для заключения трудового договора в силу прямого предписания федерального закона, либо необходимые в дополнение к типовым или типичным профессионально-квалификационным требованиям, с учетом специфики той или иной трудовой деятельности (например, владение деловым стилем переписки, владение определенными психологическими приемами).

В процессе подбора персонала работодатель вправе устанавливать любые процедуры, необходимые, с его точки зрения, для проверки деловых качеств кандидата, но только лишь те, которые регулированы трудовым или административным законодательством, другие же, за отсутствием специального правового регулирования, должны соответствовать лишь общим правовым требованиям о запрещении дискриминации, обеспечении неприкосновенности частной жизни, о защите персональных данных и пр.

Никакие интересы работодателя, устав организации или специфика кадровой политики не могут быть основанием для нарушения Конституции РФ. Из этого следует, что потенциальному кандидату открыто предъявляются требования к деловым качествам, которые обязательно соответствуют трудовому законодательству, а также необходимы для замещения вакантной

должности, но по факту существуют другие скрытые требования, предъявление которых противоречит закону.

Традиционно в ряду таких требований стоят: возраст кандидата (25–40 лет); личные качества (безответственность, отсутствие морально-этических норм, наличие в психике соискателя большого количества комплексов, искажений, затрудняющих общение, трудовую деятельность и управление работником); место жительства и прописка; пол; национальность и даже сексуальная ориентация.

Согласно статье 64 ТК РФ, «какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства (в том числе наличия или отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания), отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, не допускается, за исключением случаев, в которых право или обязанность устанавливать такие ограничения или преимущества предусмотрены федеральными законами. Запрещается отказывать в заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей. Запрещается отказывать в заключении трудового договора работникам, приглашенным в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя, в течение одного месяца со дня увольнения с прежнего места работы. По письменному требованию лица, которому отказано в заключении трудового договора, работодатель обязан сообщить причину отказа в письменной форме в срок не позднее чем в течение семи рабочих дней со дня предъявления такого требования [2]».

На стадии заключения трудового договора состояние здоровья кандидата на должность не относится к числу деловых личностных качеств. Статья 65 ТК РФ содержит перечень обязательных документов, которые работодатель вправе потребовать при заключении трудового договора. Также работодателю запрещено требовать у претендента документы, не предусмотренные

ТК РФ, федеральными законами, указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ. Однако, предъявление медицинского заключения о состоянии здоровья при приеме на работу предусмотрено ст. 213 ТК РФ только в отношении определенных категорий лиц (работники пищевой промышленности, педагогические работники и т.д.), поступающих на работу. Так что, устанавливая обязательные предварительные медицинские осмотры (при поступлении на работу), законодатель, в первую очередь, преследует цель выявления заболеваний, препятствующих выполнению определенных видов деятельности, перечень которых установлен нормативно в централизованном порядке, а не получение информации об общем состоянии здоровья работника (например, при заболеваниях опорно-двигательного аппарата запрещен тяжелый физический труд и т.д.).

При возникновении споров о наличии либо отсутствии дискриминирующих обстоятельств работодатель должен будет до-

казать, что его требования относительно деловых качеств (профессионально-квалификационных или личностных) работника вызваны исключительно спецификой трудовой функции, характером и условиями выполнения работы.

Вследствие этого, дать исчерпывающий перечень деловых качеств работника (профессионально-квалификационных и личностных) не представляется возможным, так как их набор обусловлен определенной трудовой функцией. А значит, можно ограничиться примерным открытым перечнем, оставляя возможность для адекватного предъявления требований в пределах работодательской компетенции.

Кроме того, в ТК РФ и иных нормативных актах, содержащих нормы трудового права, при употреблении категории «деловые качества» необходимо конкретизировать, о наборе каких характеристик работника идет речь — только ли о профессионально-квалификационных или обо всей совокупности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (изм. от 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: от 30.12.2001 N197-ФЗ (изм. и доп. от 30.04.2021 г.) // Новосибирск: Норматика, 2021. — 224 с.
3. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) /// «Консультант Плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/, свободный (дата обращения: 28.05.2021 г.).

Гражданское общество как неотъемлемая часть правового государства

Гречишкин Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Комбарова Елена Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье раскрываются понятия гражданского общества и правового государства, взаимосвязь и влияние друг друга при построении и развитии социального, демократического общества. Кроме того, в статье рассматриваются и анализируются основные функции гражданского общества. Также раскрываются идеи и цели правового государства, которое строится исходя из стремлений и интересов гражданского общества.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, государственная власть, сферы общественной жизни, диалектика взаимоотношений.

Civil society as an integral part of the legal state

Grechishkin Dmitry Sergeevich, student master's degree program

Scientific adviser: Kombarova Elena Valerevna, candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy

The article reveals the concepts of civil society and the rule of law, the relationship and influence of each other in the construction and development of a social, democratic society. In addition, the article considers and analyzes the main functions of civil society. Also, the ideas and goals of the rule of law, which is built on the basis of the aspirations and interests of civil society, are revealed.

Keywords: rule of law, civil society, state power, spheres of public life, dialectics of relationships.

На сегодняшний день абсолютное большинство европейских государств, а также Российская Федерация в качестве политического режима конституционно закрепляют де-

мократию, что неразрывно связано с установлением правового государства, которое в общественном сознании воспринимается как особый тип организации государственной власти,

возводимый на фундаменте права. Основная идея правового государства, выдвинутая в XVIII в. немецким философом И. Кантом, устанавливает концепцию постепенно развивающихся демократизма, суверенитета народа, как единственного источника власти, и в целом подчинение государства обществу. Говоря о данном явлении, нельзя не отметить его основной принцип — верховенство права, что в первую очередь означает господство закона. В ст. 15 Конституции РФ закреплено «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы» [1].

Сегодня Россия, хоть и провозглашена правовым государством, объективно говоря, все еще находится на пути становления такой политической власти, которая создает наиболее оптимальные условия для полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, осуществления последовательного ограничения государственной власти в целях недопущения ее злоупотреблений. Можно сказать, что наша страна создает свой образ правового государства, определяемый историей, тради-

цией и культурой, что и позволит российскому обществу стать поистине свободным и демократичным [2].

Правовое демократическое государство имеет одной из своих целей обеспечение необходимых условий для функционирования гражданского общества, являющегося неотъемлемым атрибутом конституционного государства [3]. В свою очередь наличие гражданского общества можно рассматривать как одну из основ построения страны, признающей верховенство права.

«Гражданское общество — это система негосударственных организаций, объединений, учреждений, институтов, политических партий, профессиональных и иных союзов, других неправительственных структур, взаимодействующих с официальной властью на равноправной основе. В идеале государство должно находиться под контролем гражданского общества, служить ему, а не наоборот. В принципе между ними должен быть конструктивный диалог». Иначе говоря, гражданское общество в различных своих проявлениях призвано выражать интересы и потребности индивидов в экономической, культурной и иных сферах.

Данный правовой институт существует как автономная единица, независимая от государственной власти и выступающая относительно нее в качестве направляющей силы, способной поставить под свой контроль государственный аппарат управления, заставив тем самым работать его во благо своих граждан, защищая их права и интересы. Это ли не первоочередная цель правового государства?

Однако нельзя делать ошибку, абсолютно противопоставляя гражданское общество государству. Исходя из того, что одна из

важных функций государства — это координация и регулирование общественных отношений, что по преимуществу достигается использованием правового механизма, то необходимо понимать, что государство, по сути, должно контролировать деятельность институтов гражданского общества, дабы не допустить нарушение правопорядка и создание угрозы безопасности. В том числе действия гражданского общества направлены на установление стабильности в обществе, поддержания достойного уровня жизни населения. Немаловажное значение приобретает структу-

рирование общественного мнения и информирование населения о ходе деятельности гражданского общества, которая во многом направлена на повышение правосознания населения, формирование правовой культуры. Работа соответствующих объединений граждан в итоге оказывает непосредственное влияние на содержание и ход проводимых реформ, в первую очередь, в со-

циальной и культурной сферах, так как государственные органы, принимая во внимание конкретную деятельность институтов гражданского общества, составляют полноценное понимание того, что на данный момент необходимо для удовлетворения потребностей граждан, какие проблемы должны стать первоочередными для скорого разрешения [4].

	Правовое государство	Гражданское общество
Политические силы	Партии, движения, которые представляют интересы граждан	
Содержание	Сфера реализации общезначимых интересов социальных групп	Сфера реализации повседневных интересов индивидов
Средства реализации	Конституция, власть, право	Убеждение, правовые и моральные нормы, традиции, обычаи
Основа	Политические институты, органы законодательной, исполнительной, судебной власти	Свободный индивид с неотъемлемыми правами и неполитические организации

Диалектика взаимоотношений гражданского общества и государства сложна и противоречива, поскольку между ними происходит своеобразное разделение организационно-управленческого труда. Гражданское общество как саморазвивающаяся система всегда ощущает давление со стороны государственной власти. В свою очередь государство не может эффективно развиваться без развития гражданского общества, которое контролирует действия политической власти. Государство и общество существуют в виде противоречивого непрерывного взаимодействия и взаимовлияния, характер и направ-

ленность которых в значительной степени зависят от уровня развитости гражданского общества и его институтов. Государство, в первую очередь, должно ориентироваться на интересы гражданского общества. Конфронтация интересов государства и гражданского общества является показателем неэффективности государственного управления и самого механизма государства. Одним словом, гражданское общество — питательная среда правового государства — заставляет государственную власть умерить свои желания, подчиниться законам, ею же принятым, и служить населению всей страны.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 декабря 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Теория государства и права. Курс лекций/под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.
3. Конституционное право России: учебник/Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин; 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
4. Рогожевский Е. И. Соотношение государства и гражданского общества [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-gosudarstva-i-grazhdanskogo-obschestva/viewer>.

Правовое регулирование доменного имени

Гринажук Евгения Эдуардовна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

На данном этапе развития общество очень тесно связано с телекоммуникационными и информационными технологиями, а в частности, сетью Интернет. В свою очередь, и сама «всемирная сеть» характеризуется внутренним прогрессом и это наблюдается ежедневно.

Естественно, что с усовершенствованием глобальной сети необходимо подтягивать и другие сферы жизни, где немаловажную роль играют законодательство и правовое регулирование.

Неудивительно, что все информационные технологии не предусматривают хаотичности. Вся информация о глобальной

сети содержится в определённых ячейках, то есть сайтах, они делятся на тематики, блоки и т.д. С каждым днем количество так называемых ячеек растёт, только по усредненным данным на 2020 год количество сайтов превысило 354,7 млн [6]. Как раз таки параметром поиска, выступает «адрес» сайта, что называется доменным именем.

Согласно пункту 15 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», доменное имя — обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов

в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещённой в сети «Интернет» [1].

Простыми словами можно сказать, что доменное имя — это символическое обозначение адресации сайтов.

Но несмотря на всемирную известность данного термина, отношения, возникающие в телекоммуникационной сети-Интернет, очень слабо регулируются законодательством, что стало причиной многих злоупотреблений, например, неправомерным использованием средств индивидуализации при регистрации адресных наименований. В последнее время распространение получил бизнес, связанный с регистрацией в качестве доменных имён неизвестных или малоизвестных компаний фирменных наименований и товарных знаков всемирно известных фирм [5].

Из-за правовой незащищённости доменные имена очень известных компаний используются в мошеннических целях.

В особенности обороты набирают зеркальные сайты. То есть создаются односторонние сайты, при этом доменные имена отличаются только одним символом. Таким образом, обыватель просто не может отличить ячейки, так как они схожи до степени смешения. Например, в 2010 году множество граждан РФ пострадало от зеркального сайта Сбербанка. Больше 10 млн рублей за пару часов было переведено мошенникам [7].

Со временем Сбербанк нашел способ защиты от тайпсквоттинга (регистрация доменных имен схожих до степени смешения). Банк просто начал выкупать сотни доменных имен с элементами sber.

На данном этапе развития нашего законодательства домен не является интеллектуальной собственностью. Поэтому можно предположить, что регистрация доменного имени не дает никаких прав на это имя.

Поэтому считаю необходимым определить и наделить доменное имя функцией индивидуализации товаров, работ, услуг юридических лиц.

Или чтобы защитить как-то свой бизнес, необходимо зарегистрировать домен как товарный знак. Так как согласно п. 5 ст. 1484 ГК РФ одним из способов использования товарного знака является размещение в сети Интернет, в том числе в доменном имени.

Также федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет доменное имя как «обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет» [1, 2].

Эта позиция наглядно прослеживается в решении и постановлении по делу о доменном имени «хайгер.рф», где указывается, что доменные имена фактически трансформировались в средство, исполняющее функцию товарного знака, который дает возможность отличать соответственно товары и услуги одних юридических и физических лиц от однородных товаров и услуг других юридических или физических лиц [4].

К примеру, если бы на тот момент Сбербанк зарегистрировал свое доменное имя как товарный знак, то законодательство бы защищало не только наименование банка, но и все варианты схожие до степени смешения.

Так в 2019 году компания «Крокус Интернэшнл», ранее зарегистрировавшая свой домен в качестве товарного знака (№ 345278), подала иск в суд против ООО «МТК Международная торговая компания». По решению суда был вынесен запрет на использование доменного имени socus-tiket.ru, а также суд постановил выплатить компенсацию в размере 100 000 тысяч рублей и расходы на госпошлину в размере 13 000 тысяч рублей (Судебное дело № А40–281733\2019) [8].

Это касается контекстной рекламы (так называемой рекламы по конкурентам) и социальных сетей. За нарушения использования товарного знака лицом, у которого отсутствуют исключительные права на этот товарный знак, можно в порядке общего судопроизводства взыскать штраф за незаконное использование товарного знака и получить компенсацию в размере до 5 млн руб. Также потребовать заблокировать сообщение и забрать права администрирования [3, ст. 1515].

Есть еще один распространенный способ обезопасить свое доменное имя от клонирования. При регистрации основного домена необходимо зарегистрировать несколько похожих доменных имен и таким образом риск мошенничества снизится вдвое.

Упоминание о доменных именах встречается и в п. 9 ст. 1483 ГК РФ, где устанавливаются ограничения в регистрации товарных знаков тождественных доменным именам: «Не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные... промышленному образцу, знаку соответствия, доменному имени, права на которые возникли ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака».

Делая вывод из всего выше написанного, приходится признать, что на сегодняшний день не существует четкого законодательного регулирования как отношений по поводу доменных имен и их регистрации в частности, так и отношений, так или иначе связанных с Интернет-пространством в целом.

В законодательстве лишь мельком указано, что термин «доменное имя» не чужд, так как у каждого органа государственной власти имеется сайт с соответствующими «названиями», или отображает необходимость унификации вида доменных имен территориальных подразделений органа государственной власти, или описывая исключительно технические аспекты функционирования доменных имен. Группа законов, таких как федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах», «Об инвестиционных фондах», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» употребляет термин единично в своих текстах, фиксируя существование прав подобного характера.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 г. N149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс»

2. Федеральный закон от 28.07.2012 г. N139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. N230-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018)
4. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 03.11.2011 г., постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 20.02.2012 г. по делу N А40–73876/11–12–626
5. Варфоломеева Ю. А., Интеллектуальная собственность в условиях инновационного развития: монография — М.: Изд.: ОСЬ-89, 2008 — С. 80.
6. Количество зарегистрированных доменов в интернете URL: <https://ict.moscow/research/kolichestvo-zaregistrirovannykh-domainov-v-internete/> (дата обращения 20.05.2021 г.)
7. Зеркальная ловушка. Российская газета 10 марта 2020 г. № 8104
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.11.2020 г. № 09АП-34983/2020-ГК по делу № А40–281733/19

Специфика полномочий прокурора в судебных стадиях российского уголовного процесса

Джабиев Мисир Иззатович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В данной статье мы будем рассматривать деятельность органов прокуратуры в судебных стадиях российского уголовного процесса.

Одной из основных функций органов прокуратуры является уголовное преследование, которое осуществляется на протяжении всего уголовного процесса как в досудебном, так и в ходе судебного производства. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» Прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции [5]. М. С. Строгович отмечал, что обвинение — это совокупность процессуальных действий, направленных на то, чтобы изобличить в совершении преступления привлеченное к уголовной ответственности лицо и обеспечить применение к нему заслуженного наказания [3 с.190]. Уголовное преследование М. С. Строгович считал, включает в себя: соби́рание доказательств, уличающих обвиняемого или устанавливающих отягчающие его вину обстоятельства, применении принудительных мер и действия прокурора, направленные на обоснование перед судом обвинения и необходимости применения наказания [3 с. 196].

Более подробно полномочия прокурора раскрываются в ч. 3 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса, которая предусматривает, что в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность [4].

Кроме вышесказанного, в УПК РФ существует фигура государственного обвинителя, о котором указано в ст. 119, ст. 246, ст. 273 УПК РФ и др. Если провести соотношение между понятиями прокурор и государственный обвинитель, то нам необхо-

димо обратиться к п. 6 ст. 5 УПК РФ, которая предусматривает, что государственный обвинитель — поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры [4]. Прокурор как участник уголовного процесса осуществляет надзор за соблюдением законов органами предварительного расследования с самых первых этапов досудебного производства. Можно сделать вывод, что в досудебной стадии уголовного процесса должностным лицом, осуществляющим надзор, является прокурор, а после утверждения обвинительного заключения или обвинительного акта в следующих этапах уголовного процесса на судебных стадиях приобретает статус государственного обвинителя. Необходимо отметить, одной из первоочередных задач прокурора является надзор за действиями и принимаемыми процессуальными решениями органов предварительного расследования. В случаях, если прокурор в процессе своей деятельности обнаруживает бездействие либо неверно выбранную тактику расследования преступления, обязан незамедлительно принять меры по координации деятельности сотрудников органов предварительного расследования, в форме соответствующих актов реагирования. В этом заключается, во-первых, функция уголовного преследования и, во-вторых, надзор за соблюдением законодательства в процессе уголовного судопроизводства.

В деятельности суда по отправлению правосудия по уголовным делам участвует прокурор, его миссия обозначена законодателем как миссия государственного обвинителя. Прокурор в судебном заседании оказывает содействие суду при решении основных вопросов, связанных с доказыванием, с установлением обстоятельств предмета доказывания, в результате чего выносится приговор. В науке это является спорным вопросом, действительно ли прокурор является государственным обви-

нителем? Действительно ли оправдано то, что прокурор выступает на стороне обвинения или выполняет государственную, правозащитную функцию, функцию гаранта законности, поэтому должен быть обозначен как представитель государства. Исходя из принципа состязательности и законности законодатель, употребляет термин государственный обвинитель, относит прокурора на сторону обвинения. Несмотря на это, я считаю необходимым обозначить то, что прокурор является представителем государства гарантом законности. Прокурор, являясь государственным обвинителем, не только поддерживает обвинение, но и как профессиональный участник судебного разбирательства способствует тому, чтобы в судебном заседании была установлена истина по уголовному делу. Судебное заседание выполняет миссию, которая обозначена в назначении уголовного судопроизводства, а именно защита прав и законных интересов потерпевшего от преступления, защита прав обвиняемого и в конечном итоге свершить правосудие.

При рассмотрении судом уголовного дела в особом порядке, то есть без проведения судебного следствия, при согласии обвиняемого, подсудимого с предъявленным обвинением необходимо обратить внимание на то, что может быть нарушен принцип законности, так как судебное следствие в данном случае не проводится. Достаточное количество уголовных дел проходит сегодня в судах России в особом порядке. Обвиняемый, подсудимый, во-первых, может согласиться с предъявленным обвинением и, во-вторых, признать себя виновным. Разумно и логично, когда происходит совпадение, т.е. признание вины и согласие с предъявленным обвинением, но нередко случаи, когда подсудимый не признает себя виновным по каким-либо причинам, но, тем не менее, согласен с предъявленным обвинением. Возникает спорная ситуация, но принято считать есть основание для рассмотрения дела в особом порядке, когда нет возражений при этом со стороны потерпевшего, прокурора и когда суд с этим соглашается. При рассмотрении судом уголовного дела в особом порядке задача прокурора упрощается, как государственного обвинителя он не участвует в исследовании доказательств, т.е. не задает вопросы свидетелям, потерпевшим, подсудимым не исследует материалы уголовного дела, доказательства, не заявляет собственных доказательств. Во всем остальном алгоритм участия прокурора как государственного обвинителя остается без изменений, он имеет право, как сторона обвинения в уголовном процессе заявлять отводы участникам процесса, в том числе и судье, заявлять ходатайства.

Государственное обвинение в начале судебного следствия, определяется следующим образом, прокурор зачитывает констатирующую часть обвинительного заключения, то в чем обвиняется подсудимый и зачитывает резолютивную часть, квалификацию данного деяния. После того, как обвинительный тезис представлен суду далее государственный обвинитель предлагает порядок исследования доказательств, последовательность допроса свидетелей, исследования материалов уголовного дела.

Для прокурора очень важная часть судебного разбирательства это судебное следствие, так как, являясь профессиональным участником уголовного процесса задает вопросы

другим участникам при необходимости заявляет ходатайства. От позиции прокурора, от его активности зависит, будет ли подтверждено обвинение или не будет подтверждено обвинение, будет ли подтверждено полностью то, что сформулировано органом предварительного расследования и утверждено прокурором в обвинительном заключении при направлении материалов дела в суд или же это обвинение подлежит изменению.

Государственный обвинитель имеет равный процессуальный статус по отношению к другим участникам уголовного судопроизводства, пользуется равными правами. Так, согласно ч. 5 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания [4].

Главная задача прокурора в суде заключается в представлении и исследовании доказательств стороны обвинения, в том числе изучение и обоснование несостоятельности аргументов подсудимого и его защитника. Краеугольным камнем в деятельности прокурора является публичный интерес, т.е. интересы государства в нее входят обеспечение верховенства закона, установление единой законности на всей территории Российской Федерации, в том числе защита интересов общества и государства. По мнению Т. Островской, государственного обвинителя, который профессионально и тактически верно выстроит своё участие в суде, сумеет эффективно, в рамках закона воздействовать на судей и доказать, что именно его позиция является правильной и объективной, можно с уверенностью называть гарантом соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве [2 с. 12].

Государственный обвинитель в судебном следствии излагает объем доказательств, которые уличают обвиняемого в совершении преступления, который был собран на досудебной стадии уголовного процесса, на данном этапе государственный обвинитель выстраивает позицию, которую он будет обосновывать на протяжении всего дальнейшего судопроизводства вплоть до постановления приговора.

Тактику представления доказательств в судебном заседании государственный обвинитель выбирает самостоятельно. К. А. Бабин отмечает, что «государственный обвинитель обязан использовать весь арсенал средств доказывания, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, для формирования доказательственной основы, которая позволит суду принять законное, обоснованное и справедливое решение по уголовному делу [1 с. 29].

Важный этап судебного разбирательства, когда прокурор выступает в прениях. Прокурор как гарант законности выполняет правозащитную функцию, поэтому в своей речи он должен, во-первых, представить общественную опасность содеянного, далее дать подробный анализ всех доказательств и при этом показать допустимость, относимость, достоверность и достаточность представленных доказательств, которые берутся в основу обвинения, чтобы все обстоятельства предмета доказывания были четко представлены, доказаны. Далее

прокурор должен обосновать квалификацию, квалификация должна соответствовать совершенному деянию, поэтому прокурор или предлагает согласиться с той квалификацией деяния, которая представлена органами предварительного расследования или предлагает её изменить в сторону смягчения. Безусловно, в речи государственного обвинителя важно показать обстоятельства, которые отягчают ответственность и обстоятельства, которые смягчают ответственность. Прокурор в своей речи обязан дать оценку характеристике личности подсудимого, те которые негативно характеризуют подсудимого и которые положительно характеризуют. Государственному обвинителю необходимо представить суду причины и условия, которые способствовали совершению преступления, необходимо ли принять меры для их устранения. Итак, прокурор по сути дела в своей речи проговаривает все важные вопросы, которые необходимо решить суду в совещательной комнате, которые затем будут положены в основу приговора. К этому относится признать или не признать виновным, какое наказание назначить по каждой из статей, а какое окончательное, если несколько инкриминировано деяний в совокупность. Если это лишение свободы, в колонии какого вида необходимо отбывать наказание, с какого срока исчислять наказание, засчитывать или не засчитывать в срок наказания время нахождения подсудимого под стражей в качестве меры пресечения под домашним арестом.

Очень важно понимать, что прокурор не надзирает за судом, он только как профессиональный участник уголовного процесса участвует в судебном разбирательстве и поэтому может суду предлагать свои варианты решения как представитель государства и сторона обвинения в состязательном судебном процессе, а решение по уголовному делу выносит суд. Суд связан с позицией прокурора в судебном разбирательстве по уголовным делам. Например, при отказе прокурора полностью от обвинения суд доводит разбирательство до конца, то

есть выслушивает позицию защитника и последнее слово подсудимого и удаляется в совещательную комнату, после чего выносит оправдательный приговор. Так как прокурор, являясь представителем государства и стороны обвинения отказался от предъявленного подсудимому обвинения, если частично отказался, в этой части суд прекращает уголовное преследование. Прокурор вправе переквалифицировать действия подсудимого на более мягкий состав преступления в судебном заседании, и данная позиция прокурора влияет на решение суда, соглашаясь с квалификацией, предложенной прокурором.

Одной из актуальных проблем современного уголовного процесса является оглашение протоколов допросов, не явившихся свидетелей и потерпевших, так как непосредственное исследование доказательств судом и сторонами обвинения и защиты сводятся к минимуму.

С учетом изложенного предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 281 УПК РФ изложив ее в следующей редакции: Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов не допускаются.

Таким образом, можно сделать вывод, что прокурор в судебных стадиях российского уголовного процесса в своей деятельности совмещает функцию государственного обвинения и надзор за соблюдением законодательства. Необходимо отметить, что миссия прокурора очень важна в судебном разбирательстве, так как от имени государства государственный обвинитель поддерживает обвинение в тоже время как прокурор представитель специализированной, федеральной структуры прокуратуры выполняет правозащитную функцию, обеспечивая в судебном разбирательстве соблюдение закона, выступая при этом гарантом законности.

Литература:

1. Бабин К. А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 34 с.
2. Островская Т. Н. Государственный обвинитель — Гарант соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве // Наука. Общество. Государство.— 2014.— № 1(5).— С. 1–13
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса.— М.: Наука, 1968. Т. 1.— 470 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Правовая система «Консультант Плюс», 2021.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // Правовая система «Консультант Плюс», 2021.

Меры прокурорского реагирования при выявлении нарушений при исполнении законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств

Дозморов Никита Михайлович, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Нормативно-правовая база, регламентирующая меры прокурорского реагирования, которые вправе принять надзирающий прокурор в случае выявления нарушений требований действующего законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств) регламентированы следующими нормативно-правовыми актами:

1) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1];

2) Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 [3];

3) Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [5];

4) Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.09.2011 № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» [6].

Также необходимо отметить, что порядок организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях установлен совместным приказом правоохранительных органов Российской Федерации, положениями которого и руководствуются указанные органы (а также и надзирающий прокурор — во время проведения соответствующих проверочных мероприятий) [4].

Комплексный анализ перечисленных нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод о существовании следующих мер прокурорского реагирования в анализируемой сфере.

1. *Требование устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия* (далее по тексту — требование). По поводу юридической природы требования в научной литературе до сих пор ведутся споры о том, является ли требование самостоятельной мерой прокурорского реагирования либо же является лишь составной частью любой другой меры прокурорского реагирования [10].

Так, П. А. Пригорща придерживается первой точки зрения и считает, что требование является самостоятельной мерой прокурорского реагирования, которая вносится надзирающим прокурором субъекту, уполномоченному устранить допущенные нарушения закона, и представляет собой определенное распоряжение об устранении данных нарушений [11]. Другой точки зрения придерживается А. Ю. Винокуров, полагающий, что соответствующее нормативное положение, содержащееся

в уголовно-процессуальном законодательстве, нельзя считать безусловным основанием для выделения требования в качестве самостоятельной меры прокурорского реагирования, и напротив, требование является лишь законодательно закрепленным полномочием надзирающего прокурора, которое может находить свое внешнее выражение лишь посредством содержания в иных мерах прокурорского реагирования (в частности — представления об устранении нарушений закона) [9].

Не углубляясь в размышления по вопросу истинной цели закрепления требования прокурора в уголовно-процессуальном законодательстве, анализ практики прокурорского надзора позволяет сделать однозначный вывод о том, что на сегодняшний день требование является самостоятельной мерой прокурорского реагирования, которая активно используется надзирающими прокурорами в борьбе с нарушениями требований действующего законодательства, выявленными в процессе прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (в том числе о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств).

2. *Представление об устранении нарушений закона*. Указанная мера прокурорского реагирования является наиболее универсальной в арсенале надзирающих прокуроров, в связи с чем ее применение в рамках прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях также не является исключением и активно применяется для противодействия нарушениям, допущенным соответствующими органами предварительного расследования.

Принципиальное отличие представления об устранении нарушений закона от требования заключается, как представляется, в следующем: требование содержит указание надзирающего прокурора по устранению нарушений, выявленных в рамках производства по какому-либо конкретному уголовному делу, а представление об устранении нарушений закона является наиболее целесообразным в случае выявления систематических нарушений требований действующего законодательства, допускаемых соответствующим органом предварительного расследования (в том числе при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях) и необходимости устранения обстоятельств, которые способствовали допущению выявленных нарушений.

Кроме того, как показывает практика прокурорского надзора, в представлении надзирающим прокурором практически всегда ставится вопрос о необходимости привлечения к ответственности виновных лиц, допустивших соответствующие нарушения (что касается требования, то в рамках применения

данной меры прокурорского реагирования вопрос о привлечении виновных лиц к ответственности практически не находит своего отражения).

3. Отмена незаконных и необоснованных постановлений органов предварительного расследования и нижестоящего прокурора также является одной из основных мер прокурорского реагирования, используемых в рамках прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Указанная мера заключается в вынесении прокурором соответствующего постановления, которое, в свою очередь, отменяет постановления соответствующего органа предварительного расследования (примером данной меры прокурорского реагирования может быть постановление надзирающего прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела).

Основаниями такой отмены может быть как прямое нарушение требований действующего законодательства, так и необоснованность вынесения соответствующих постановлений (например, недостаточно полное выявление необходимых обстоятельств, являющихся основанием для вынесения постановления).

Важно отметить, что надзирающий прокурор не просто отменяет незаконное или необоснованное постановление соответствующего органа предварительного расследования, но также излагает конкретные обстоятельства, которые, по его мнению, требуют дополнительной проверки, а также, как пра-

вило, предлагает конкретные способы осуществления такой проверки.

4. Вынесение мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. Указанная мера прокурорского реагирования используется лишь в крайнем случае — когда допущенные нарушения содержат в себе признаки какого-либо преступления, предусмотренного особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации (чаще всего такие действия содержит признаки злоупотребления должностными полномочиями либо превышения должностных полномочий) [2].

Перечисленные меры прокурорского реагирования являются не только основными, но и наиболее эффективными в процессе организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств) [7].

Вместе с тем, как показывает практика прокурорского надзора, перечисленные меры прокурорского реагирования не являются исчерпывающими в анализируемой сфере. В частности, возможно применение и некоторых иных мер прокурорского реагирования: предъявления иска либо заявления в суд (в том числе арбитражный), вынесение постановления о возбуждении дела об административном правонарушении [8].

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 28.05.2021);
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.05.2021);
3. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 28.05.2021);
4. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951/ (дата обращения: 28.05.2021);
5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212081/ (дата обращения: 28.05.2021);
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.09.2011 № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119859/ (дата обращения: 28.05.2021).
7. Байтемиров К. Б. Направления совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях // Юридический вестник ДГУ, 2020. — Т. 34. — № 2. — С. 145–150;
8. Богатова Е. В., Грачёва О. А. К вопросу о процессуальном оформлении итогов проведенной прокурором проверки исполнения законов органами дознания и предварительного следствия // Вестник СГЮА, 2019. — № 4. — С. 182–188;
9. Винокуров, А. Ю. Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия // Адвокат, 2008. — № 4. — С. 13–16;
10. Коломеец, Е. В. Требование об устранении нарушений закона как самостоятельный акт прокурорского реагирования в уголовном досудебном производстве // Вестник Омской юридической академии, 2017. — Т. 14. — № 2. — С. 66–71;
11. Пригорща, П. А. К вопросу о понятии и сущности требования как акта прокурорского реагирования современной прокуратуры // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал, 2011. — № 1. — С. 84–86.

Особенности правовой природы пожертвования как отдельного вида договора дарения

Егоров Глеб Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Сергачева Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся правовой природы договора пожертвования, как отдельного вида договора дарения, выделены отличия между договором пожертвования и договором дарения. Обращаясь к примерам из судебной практики, автором выявляются особенности реализации норм, регулирующих отношения пожертвования, в части определения цели использования предмета договора пожертвования.

Ключевые слова: договор дарения, договор пожертвования, общепользная цель, жертвователь, одаряемый.

Features of the legal nature of donation as a separate type of a donation contract

Egorov Gleb Valeryevich, student master's degree program

Scientific adviser: Sergacheva Olga Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor

Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article discusses issues related to the legal nature of a donation agreement as a separate type of donation agreement, highlights the differences between a donation agreement and a donation agreement. Referring to examples from judicial practice, the author identifies the peculiarities of the implementation of the rules governing donation relations, in terms of determining the purpose of using the subject of the donation agreement.

Keywords: donation agreement, donation agreement, general useful purpose, donor, donee.

Савва Морозов, Павел Третьяков... Имена наших соотечественников-меценатов известны всему миру. Добрые дела, пожертвования на пользу окружающих, общества, благотворительность всегда почитались в нашей стране. И сегодня эта деятельность является в России ценной.

Институт пожертвования получил динамичное развитие, вследствие этого его законодательная основа требует более глубокого изучения. В наши дни так же, как и ранее, пожертвование определяется как разновидность дарения. Тем не менее, одно из этих понятий имеет существенные отличия от другого. Какие именно? К ним относятся следующие:

- в предмете договора — при пожертвовании он более узкий, т.к. не включает в себя освобождение от обязанности, что возможно при дарении;
- в субъектном составе — в пожертвовании он ограничен законом и является исчерпывающим, кроме того, не имеет юридического значения личное отношение одаряемого к жертвователю;
- в наличии специфичной цели у сторон договора пожертвования—имущество должно использоваться по определенному назначению;
- отношения пожертвования являются односторонними, поскольку устанавливаются только обязанности одаряемого [2, с. 76].

Итак, наличие общепользной цели является обязательным в пожертвовании. Однако неточность понимания такой цели становится ключевой проблемой правовой природы пожертвования как отдельного вида договора дарения (ст. 582 ГК РФ) [1]. ГК РФ не дает четкой дефиниции «общепользной цели», в федеральном законодательстве она имеет расширительное толкование [5], поэтому между процессуалистами ведется дискуссия о том, чем считать общепользную цель по отношению к возникшему праву собственности одаряемого.

К.Б. Новиков утверждает, что, когда одаряемым является государство, жертвователь может не указывать конкретное назначение использования имущества, так как государство само по себе существует на благо общества с целью удовлетворения общественных интересов и потребностей [4, с. 12]. Значит, можно сделать вывод, что у дарителя нет права обязывать государство следовать определенному способу реализации пожертвования, поскольку деятельность некоммерческих организаций, государственных и муниципальных образований уже по своей сути и в силу закона направлена на обеспечение общих потребностей.

При этом жертвователь при определении общепользной цели в отношении имущества все же ограничен нормами закона. Допустим, при пожертвовании земельного участка сельскохозяйственного назначения или жилого помещения нельзя установить цели использования, отличные от их основного назначения [3, с. 405]. При этом ошибочно считать, что одаряемый полностью ограничен при реализации абсолютно-вещного права на имущество целью жертвователя, поскольку законом возможно использование имущества не по определенной договором цели с согласия жертвователя или по решению суда (например, в случае смерти гражданина или ликвидации юридического лица). Несмотря на то, что п. 5 ст. 582 ГК РФ предусмотрена возможность отмены пожертвования в случае использования имущества не по назначению, данная норма представляется недостаточно полной, и необходимо регламентировать в норме закона прямое указание на судебный порядок отмены пожертвования.

Как отмечалось, в договоре пожертвования должны быть указаны цели, которые полезны для общества, которые предполагаются для ограниченного круга лиц, то есть для лиц определенной профессии, возрастной категории, жителей опре-

деленной территории, участников какой-либо организации, иначе пожертвование превратится в дарение. Использование благополучателем имущества не в указанных договором пожертвования целях зачастую является предметом иска.

Так, например, суд расторг договор пожертвования, поскольку было установлено нецелевое использование религиозной организацией пожертвованных благотворительным фондом (жертвователем) денежных средств при отсутствии письменного согласия жертвователя на использование пожертвования в иных, не предусмотренных договором целях [6].

Существует и противоположная судебная практика. Так, например, ООО (жертвователь) обратилось в суд с требованием об отмене пожертвования объектов недвижимости по договору, мотивируя это тем, что после передачи недвижимого имущества по договору оно будет использовано в интересах Вооруженных сил РФ (цель), а именно: будет организован центр обслуживания и ремонта самолетов (порядок использования). Однако Минобороны РФ (одаряемый), используя спорное имущество в указанных договором целях, самостоятельно избрало

порядок использования. Суд пришел к выводу, что требования ООО не подлежат удовлетворению, так как отмеченные обстоятельства не являются основанием для отмены пожертвования и для расторжения договора [7]. В удовлетворении требования было отказано, поскольку не было установлено нецелевое использование имущества.

Следовательно, в договоре пожертвования должна быть закреплена конкретная общепользная цель, при этом жертвователь, указывая её, не может устанавливать порядок использования пожертвованного имущества.

Подводя итог всему изложенному, можно сделать вывод: хотя договор пожертвования и является одним из видов договора дарения, в нём имеются специфические, особенные, свойственные только ему черты. При этом его правовое регулирование сегодня трудно считать до конца совершенным. В данном направлении необходимо продолжать научные исследования, ибо роль пожертвований в современной жизни велика: они осуществляются как в интересах отдельного человека, так и для блага общества в целом.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Зыбина О. С., Толстова А. В. Некоторые особенности договора пожертвования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 1 (42). С. 73–76.
3. Казанцев М. Ф. Проблема подвластности абсолютных вещных отношений гражданско-правовому договорному регулированию // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2008. № 8. С. 402–419.
4. Новиков К. Б. Пожертвование как отдельный вид договора дарения: особенности регулирования в правоприменительной практике // Современная наука. 2016. № 2. С. 11–13.
5. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.06.2017 № Ф09–2638/17 по делу № А07–18159/2016. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант Плюс».
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.10.2014 № Ф07–8073/2014 по делу № А44–131/2014. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант Плюс».

Специфика применения правил искового производства при рассмотрении процедур по установлению размера требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве)

Егоров Виктор Викторович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье анализируется правовая природа дел о несостоятельности (банкротстве) применительно к процедуре установления размера требований кредиторов, выявляются особенности производства по установлению требований в делах о несостоятельности (банкротстве) в соотношении с исковым производством.

Ключевые слова: особое производство, исковое производство, производство по делам о несостоятельности (банкротстве), процедура установления размера требований кредитора.

В юридической литературе присутствует большое количество работ, посвященных исследованию проблемы определения правовой природы дел о несостоятельности (бан-

кротстве). Изложенные в доктрине различные точки зрения процессуалистов, определяющие правовую природу дел о несостоятельности (банкротстве), а также их место в системе арби-

тражного судопроизводства, можно подразделить на три подхода.

В соответствии с первым подходом дела о несостоятельности (банкротстве) относятся к делам особого производства ввиду отсутствия спора о праве. А. В. Попов указывает, что «условием возбуждения дела является невозможность получить от должника причитающиеся платежи при наличии предусмотренных признаков банкротства. Защита интересов заявителей осуществляется путем установления юридического факта — признания должника банкротом» [1, с. 56]. В. Ф. Попондопуло также отмечает, что дела о несостоятельности (банкротстве) относятся к группе дел особого производства [2, с. 49–57].

Конституционный Суд Российской Федерации, в абз. 1 п. 1 постановления от 12 марта 2001 г. № 4-П указывал, что в делах о несостоятельности (банкротстве) арбитражные суды устанавливают юридический факт неплатежеспособности должника, что влечет возникновение обязательств должника по платежам своим кредиторам, требования по которым удовлетворяются по особым правилам конкурсного производства [3].

В свою очередь М. Л. Скуратовский [4, с. 285] предлагает относить дела о несостоятельности (банкротстве) к отдельному виду судопроизводства, аргументируя наличием специфического порядка их рассмотрения. По мнению данного автора, специфика дел о несостоятельности (банкротстве) заключается в том, что рассмотрение дел направлено в первую очередь на урегулирование конфликта, возникшего вследствие неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов, на защиту интересов множества участников конфликта и поддержания экономической стабильности, а не на разрешение спора или установление факта, имеющего юридическое значение. Данного подхода, определяющего дела о несостоятельности (банкротстве) к самостоятельному виду производства, придерживается Е. Е. Уксусова, предлагая рассматривать данную категорию дел через призму специального судебного порядка, имеющего самостоятельное место наряду с неисковыми порядками, установленными АПК РФ для тех или иных категорий подведомственных арбитражным судам гражданских дел [5, с. 110].

Третий подход предлагает относить дела о несостоятельности (банкротстве) к смешанному виду производства. И. П. Бакланова [6, с. 13] в ходе исследования правовой природы банкротства указывает на то, что не следует ограничиваться одним обстоятельством, заключающимся в установлении арбитражным судом правового факта несостоятельности должника, так как для данного вида судопроизводства характерны и иные обстоятельства. Так, например, И. В. Зуева [7, с. 45] отмечает, что для производства по делам о банкротстве характерны черты искового производства.

Разрешая вопрос о правовой природе дел о несостоятельности (банкротстве) М. В. Телокина резюмирует, что разрешение дел о несостоятельности (банкротстве) направлено не на разрешение экономического спора, а на установление факта неплатежеспособности в результате проведения сложных процедур, в том числе связанных с осуществлением ряда материальных и процессуальных действий, а также с рассмотрением определенных споров. Таким образом М. В. Телокина указы-

вает, что дела о несостоятельности (банкротстве) не могут быть отнесены ни к исковому, ни к особому производству, а являются самостоятельной разновидностью процесса [8].

Для всестороннего раскрытия проблемы определения правовой природы дел о несостоятельности (банкротстве) необходимо обратить внимание на точку зрения Д. Ю. Зуева, в соответствии с которой производство по данной категории дел представляет собой комплексный вид судопроизводства, целостное единство исковых процедур, процедур особого производства и административных процедур [9, с. 190–208]. Д. Ю. Зуев отмечает, что использовать такой критерий как наличие или отсутствие спора о праве для дифференциации исковых процедур и процедур особого производства затруднительно, так как данный критерий претерпевает изменения в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Например, заявление о признании должника банкротом, может приобретать признаки как особого производства, если заявление о признании должника банкротом подает непосредственно должник, так и искового производства, в случае обращения кредитора с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом).

Предлагаем подробнее рассмотреть процедуру установления размера требований кредиторов к должнику с позиции, определяющей дела о несостоятельности (банкротстве) к смешанному производству.

Как отмечает Т. В. Сахнова судебная процессуальная процедура — это та процедура, которая подпадает под все признаки гражданской процессуальной формы и является частным случаем ее выражения, законодательно относительно обособленным [10, с. 14].

Следует указать, что в юридической литературе присутствуют диаметрально противоположные точки зрения, касающиеся раскрытия правовой природы процедуры установления размера требований кредиторов.

Б. С. Бруско обращает внимание на то, что сущность искового производства заключается в защите нарушенных или оспоренных прав, а именно в возникновении материально-правового спора о праве, однако целью установления размера требований кредиторов является не спор, а соблюдение законных интересов кредитора как участника в деле о несостоятельности. При этом автор отмечает, что должник может и не выставлять возражения по поводу законности и обоснованности требований кредитора. В случае если должник или иное участвующее в деле лицо возражают по поводу установления размера требований отдельного кредитора и, соответственно, не видят оснований для включения его в реестр, можно говорить о возникновении спора, связанного с установлением фактических обстоятельств дела [11, с. 57].

Е. Ю. Алексеева [12, с. 39–45] придерживается противоположной точки зрения, в соответствии с которой автор выявляет исковые критерии применительно к требованию кредитора об установлении размера требования в производстве по делам о несостоятельности (банкротстве).

Между должником и кредитором при установлении требования может возникнуть спор о праве, который подлежит разрешению судом, причем по концепции российского законода-

тельства в рамках производства по делу о несостоятельности (банкротстве), как указывает Т. П. Шишмарева, в специальной квазиисковой процедуре [13, с. 46–50], урегулированной ст. 71, 100 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве).

Однако кредиторами могут быть предъявлены и бесспорные требования, как не оспариваемые должником, так и такие, по которым спор между должником и кредитором уже разрешен судом и имеется судебное решение, вступившее в законную силу, которое не исполнялось или исполнено не в полном раз- мере.

Установление требования кредитора означает проверку обоснованности требования и наличие юридических осно- ваний для включения требования в реестр требований креди- торов.

Как указывает Верховный Суд РФ наличие возражений на требование кредитора об установлении требований не является основополагающим фактором, определяющим правовую сущ- ность производства об установлении требований, так как на суде, рассматривающем вопрос о включении требований в ре- естр, лежит самостоятельная обязанность более тщательной проверки данных требований, в первую очередь, в целях пре- дотвращения включения в реестр недобросовестных креди- торов либо кредиторов с фиктивной задолженностью, что в итоге может привести к негативным последствиям в виде уменьшения процента голосов на собрании и снижению доли удовлетворения независимых добросовестных кредиторов с реальными требованиями [14].

Важно обратить внимание на высказанную Верховным Судом РФ [15] позицию, согласно которой рассмотрение заяв- ления о включении требования в реестр, решает те же вопросы, что и при взыскании долга в общеисковом порядке, так как суд проверяет обоснованность денежного требования, то есть уста- навливает, имеется ли у должника неисполненное обязатель- ство перед кредитором. В случае вынесения судом определения о признании требования кредитора обоснованным задействи- ется механизм принудительного исполнения соответствующе- го судебного акта специально уполномоченным лицом — ар- битражным управляющим, сходный с механизмом взыскания денежных средств путем передачи исполнительного документа судебному приставу-исполнителю. Следовательно, заявление кредитора о включении его требования в реестр требований кредиторов должника по своему значению аналогично иско- вому заявлению, а определение о включении данного требо- вания в реестр — судебному решению об удовлетворении иска о взыскании денежных средств.

Важность данной правовой позиции заключается в том, что в случае подачи конкурсным кредитором заявления об отказе от требования, заявленного в деле о банкротстве, приведет к не- возможности предъявления им иска к должнику по тому же са- мому требованию. При этом следует различать отказ кредитора от заявления о включении его требования в реестр требований кредиторов должника и отказ кредитора от заявления о при- знании должника банкротом, так как подача кредитором хо- датайства об отказе от заявления о признании должника бан- кротом свидетельствует лишь о его нежелании сохранить за собой статус заявителя. Последствием прекращения производ-

ства влечет для кредитора утрату возможности повторно ини- циировать дело о банкротстве, но не влечет отказ от матери- ально-правового требования к должнику, которое может быть предъявлено в рамках иного процесса.

Также следует рассмотреть соотношение искового произ- водства и производства по установлению требований в делах о несостоятельности (банкротстве).

В пункте 27 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 [16] разъяснено, что все исковые заявления о взыскании с должника долга по денежным обязательствам и обязательным платежам, за исключением текущих платежей, поданные в день введения наблюдения или позднее во время любой процедуры банкротства, подлежат оставлению без рассмотрения на осно- вании п. 4 ч. 1 ст. 148 АПК РФ.

Таким образом, последствия введения процедур банкрот- ства наступают со дня оглашения резолютивной части опре- деления о введении в отношении должника соответствующей процедуры.

Если исковое заявление о взыскании с должника долга по денежным обязательствам или обязательным платежам, за ис- ключением текущих платежей, было подано до даты введения наблюдения, то в ходе процедур наблюдения, финансового оз-доровления и внешнего управления право выбора принад- лежит истцу: либо по его ходатайству суд, рассматривающий его иск, приостанавливает производство по делу на основании ч. 2 ст. 143 АПК РФ, либо в отсутствие такого ходатайства этот суд продолжает рассмотрение дела в общем порядке.

При этом установленное пунктом 28 Постановления № 35 право истца избирать порядок рассмотрения его требования (в искомом порядке и в деле о банкротстве) действует только в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и внеш- него управления. Открытие же конкурсного производства ли- шает истца такого права выбора, так как до введения в отно- шении должника конкурсного производства сохраняется возможность восстановления его платежеспособности и пре- кращения производства по делу ввиду погашения всей за- долженности, включенной в реестр требований кредиторов. В такой ситуации вынесенное в искомом порядке судебное ре- шение будет подлежать исполнению в общем порядке, пред- усмотренном Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Если же в отношении должника открыто конкурсное произ- водство, то исполнение судебного акта, вынесенного по требо- ванию кредитора, будет осуществляться в процедуре банкрот- ства, и потому целесообразно рассмотрение такого требования именно в рамках этого дела для предоставления всем заинте- ресованным лицам возможности возражать против включения требования в реестр (п. 3 ст. 100 федерального закона «О несо- стоятельности (банкротства).

Следует признать, что проблема определения правовой при- роды дел о несостоятельности (банкротстве) является одной из наиболее сложных в теории арбитражного процесса, ввиду преобладания различных точек зрения разрешения данного во- проса и отсутствия какого-либо единства мнений.

Считаем обоснованным придерживаться подхода, опре- деляющего производство по делам о несостоятельности (бан-

кредитора) к комплексному судопроизводству, содержащим различные виды судебных процедур.

Таким образом применительно к требованию кредитора об установлении размера требования в производстве по делам о несостоятельности (банкротстве) в результате обобщения положений, разработанных доктриной, и анализа сложившейся судебной практикой, можно заключить, что требования о включении в реестр требований кредиторов должника имеют общеисковую природу.

Также следует отметить Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35, который разрешает ряд процессуальных во-

прос конкуренции искового производства и производства по установлению требований кредиторов, которая фактически приводит к разграничению общего и специального порядка рассмотрения. До введения процедуры несостоятельности (банкротства) любой кредитор вправе разрешать споры с должником в индивидуальном исковом судопроизводстве, однако в период производства по делу о несостоятельности (банкротстве) действует конкурсный иммунитет, предполагающий обязанность соблюдения предписаний прохождения процедуры установления их требований в соответствии с положениями федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Литература:

1. Попов А. В. Особенности судебного процесса по делам о банкротстве // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2004. № 3. С. 56.
2. Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 49–57.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2001 № 4-П // Собрание законодательства РФ. 19.03.2001. № 29. Ст. 1138.
4. Арбитражный процесс: Учебник / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, М. Л. Скуратовский и др.; отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд. перераб. и доп. М.: Статут. 2017.
5. Укусова Е. Е. Специальный характер правового регулирования судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве) // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 110.
6. Бакланова И. П. Особое производство в арбитражном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.15.— Екатеринбург. 1999. С. 13.
7. Зуева И. В. Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) // Вестник ФАС Западно-Сибирского округа. 2005. № 2. С. 45.
8. Телюкина М. В. Комментарий к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс». 2003.
9. Зуев Д. Ю. Специфика применения правил искового производства в делах о несостоятельности (банкротстве) // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4. С. 190–208.
10. Сахнова Т. В. Процедурность цивилистического процесса: Методология будущего // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1. С. 14.
11. Бруско Б. С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М.: Волтерс Клувер. 2006. С. 57.
12. Алексеева Е. Ю. Об исковости в производстве по делам о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 7. С. 39–45.
13. Шишмарева Т. П. Защита прав кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 46–50.
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2020 № 305-ЭС19–21315 по делу № А40–58702/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2020 № 305-ЭС19–21315 по делу № А40–58702/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
16. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 // Вестник ВАС РФ. № 8. Август. 2012.

Проблемы определения процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве

Ермоченко Олег Евгеньевич, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Данная статья направлена на изучение дискуссионных как в теории, так и на практике, вопросов определения процессуальной функции следователя в уголовно судопроизводстве России. Исследуются различные подходы к определению и содержанию уголов-

но-процессуальной функции следователя. Автор указывает на необоснованность отнесения следователя к стороне обвинения. Приводится позиция, согласно которой верной и оправданной с точки зрения задач уголовного судопроизводства функцией следователя является расследование уголовного дела.

Ключевые слова: следователь, сторона обвинения, уголовно-процессуальная функция, расследование, уголовное преследование.

Problems of determining the procedural function of an investigator in criminal proceedings

Ermochenko Oleg Evgenievich, student master's degree program
Baikal State University (Irkutsk)

This article is aimed at studying the controversial issues both in theory and in practice, the definition of the procedural function of the investigator in criminal proceedings in Russia. Various approaches to the definition and content of the criminal procedure function of the investigator are investigated. The author points to the unfounded attribution of the investigator to the prosecution. The position is given, according to which the investigator's function is correct and justified from the point of view of the tasks of criminal proceedings.

Keywords: investigator, prosecution, criminal procedure function, investigation, criminal prosecution.

Уголовно-процессуальный кодекс 2001 г. четко определил функции участников современного уголовного судопроизводства России путем отнесения их в отдельные главы. В соответствии с уголовно-процессуальным законом следователь в настоящее время является участником стороны обвинения. Подобными действиями по определению функции следователя и отнесению его к стороне обвинения законодатель активизировал дискуссию в научном мире о том, каково же функциональное назначение деятельности следователя при производстве по уголовному делу.

Противоречия в том, что следователь в действительности выполняет функцию обвинения, обнаруживаются при анализе его полномочий, некоторые из которых не согласуются с закрепленной законодателем за ним функцией. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ, определяющей предмет доказывания при производстве по уголовному делу, следователь обязан установить все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в том числе исключающие преступность и наказуемость деяния и влекущие освобождение от уголовной ответственности и наказания. Таким образом уголовно-процессуальный закон задал ученым и практическим работникам вопросы о том, в чем заключается реальное назначение деятельности следователя и каким должен быть его оптимальный правовой статус, в соответствии с выполняемой им функцией.

Этимологической основой понятия «следователь» является слово «след», которое, согласно Толковому словарю В. И. Даля, означает «признак, примету чего-либо прошлого» [1, С. 1314]. В свою очередь, «следить» означает «идти по следам, искать или преследовать по приметам, наблюдать, узнавать обо всем, что до этого предмета относится», а «следствие — это следование; розыск по делу». Поэтому буквальный смысл слова следователь — «идущий по следам, преследующий по приметам».

Возникновение и официальное закрепление процессуального статуса следователя в истории уголовного судопроизводства России восходит к середине XVII в., а именно Указ от 8 июня 1860 г., когда Император Александр II утвердил «Учреждение судебных следователей», а также «Наказ судебным следователям».

Новым этапом в формировании процессуального статуса следователя стало принятие Устава уголовного судопроизводства (УУС), в котором были изложены четкие правила производства предварительного следствия, в том числе посредством регламентации прав и обязанностей следователя, который на тот момент являлся самостоятельной процессуальной фигурой. Согласно УУС, «судебный следователь предпринимает собственной властью все меры, необходимые для производства следствия, за исключением тех, в которых власть его положительно ограничена законом» (ст. 264 УУС). В этот период следователь являлся полностью самостоятельным в выборе тактики расследования и принятии необходимых мер: самостоятельно возбуждал уголовные дела, производил следственные действия, назначал производство экспертиз, предъявлял обвинение, определял меру пресечения и момент окончания следствия [2, С. 105].

УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. не утратили некоторые процессуальные формы УУС, что, с позиции законодателя, являлось обоснованным и целесообразным. В соответствии с уголовно-процессуальным законом РСФСР происходило формирование нового советского типа следственной власти. Первоначально дознание и предварительное следствие сводились к единому уголовному розыску, производимому по делам, не вызывающим сложности при их расследовании, органами дознания под наблюдением следователя, а по более сложным — следователем под надзором прокурора.

Принятие Основ уголовного судопроизводства Союза ССР (1958 г.) привело к началу нового этапа в развитии советского предварительного следствия и уголовно-процессуальных кодексов. В 1956–1960 годах в ходе переосмысления достижений сталинского строительства правоохранительной системы шла дискуссия о правовой организации предварительного расследования. Она привела к созданию очередной модификации следственной власти, которая с определенными техническими доработками, заменой процедурных деталей, перестановками внутри следственной власти (формирование следственных аппаратов в основных силовых структурах, переделкой сфер влияния (подследственности уголовных дел) и пр.) благополучно просуществовала до наших дней [3, С. 408].

В настоящее время в соответствии с п. 41 ст. 5 УПК РФ следователем является должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

В целях совершенствования норм, регулирующих процессуальное положение следователя, требуется четко понимать, что должен делать следователь, какую роль играет данный участник уголовного процесса при реализации задач судопроизводства. Анализ правового статуса следователя в уголовном процессе является отражением предварительного расследования, его основополагающих начал.

В настоящее время процессуальный статус следователя в уголовном судопроизводстве России представляет собой закрепленное нормами уголовно-процессуального права положение данного участника уголовного судопроизводства, проявляющееся в таких элементах его деятельности, как функция (основное направление уголовно-процессуальной деятельности), полномочия, гарантии их осуществления, а также в его ответственности и процессуальной самостоятельности. Элементы состава уголовно-процессуального статуса следователя постоянны, но его содержание зависит от выполняемой следователем функции.

Следователь — основной игрок досудебной стадии уголовного процесса, процессуальный статус которого состоит из нескольких составляющих. Важнейшей из них, на наш взгляд, является выполняемая при производстве по уголовному делу следователем функция.

Вместе с тем, в уголовно-процессуальной литературе существует позиция, согласно которой следователь в своей деятельности осуществляет сразу несколько связанных друг с другом функций.

Так, Ф.Н. Фаткуллин пишет: «Необходимо выделять семь процессуальных функций следователя — обвинение, защиту, разрешение дела, предупреждение преступлений, воспитание, участие общественности, обеспечение возмещения ущерба» [4, С. 62–63].

А.П. Гуляев считает, что к функциям следователя относятся: рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях, исследование обстоятельств дела, обвинение, ограждение граждан от необоснованного обвинения, обеспечение возмещения материального ущерба и исполнение приговора в части конфискации имущества, пресечение и предупреждение преступлений, розыск обвиняемых, разрешение уголовных дел [5, С. 7].

При наделении следователя одновременно тремя или более функциями, он утрачивает черты самостоятельного участника процесса, имеющего присущую только ему позицию к ходу и исходу дела [6, С. 67]. Как совершенно справедливо отмечал Л.Д. Кокорев: «Для решения вопроса о процессуальных функциях конкретных участников процесса, необходимо проанализировать, каким основным направлениям процессуальной деятельности соответствует деятельность участников процесса, выраженная в их «процессуальном интересе»» [7, С. 79].

Таким образом, в научном мире нет единого мнения касательно вопроса о функции следователя. Ряд ученых предлагают детализировать функциональную деятельность следователя,

выделяя различное количество функций, вторые придерживаются позиции, при которой в содержание функции следователя входит только основное направление его деятельности.

Вне зависимости от функции, которую осуществляют дознаватель, следователь, прокурор, судья, их деятельность должна быть направлена на реализацию целей и задач всего уголовного судопроизводства в целом, а именно: защита прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения его прав и свобод.

Вопрос об определении уголовно-процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве России на протяжении многих лет остается одним из самых дискуссионных. Данная проблема существует как в теории, так и у правоприменителей.

В дореволюционный период ученые-процессуалисты России считали, что на следователя возложено выполнение функций обвинителя и защитника. В его обязанности входили поиск и закрепление как обвинительных, так и оправдательных доказательств. Его положение было более беспристрастным, в связи с чем следователя не относили к стороне обвинения. Далее, в советский период, отмечалось, что при производстве по уголовному делу следователь выполнял функцию уголовного преследования. Его деятельность сводилась к привлечению гражданина к уголовной ответственности и изобличению обвиняемого. В настоящее время у процессуалистов нет единого мнения относительно процессуальной функции следователя. Наиболее распространены два подхода к определению осуществляемой следователем функции: первый — следователь осуществляет функцию расследования уголовного дела, второй — следователь осуществляет обвинительную функцию.

А.П. Гуляев писал: «Познание функций в деятельности следователя позволяет наиболее полно представить роль следователя в выполнении задач уголовного судопроизводства, содержание, его деятельности, определить закономерности и потребности правового регулирования данного вида деятельности» [8, С. 85]. Правильное определение функций в уголовном судопроизводстве необходимо для точного установления статуса отдельно взятого участника уголовного процесса, и закрепления его процессуального положения.

Закрепление в УПК РФ лишь функций обвинения, защиты и разрешения дела не соответствует фактическому количеству процессуальных функций. При производстве по уголовному делу следователь, помимо осуществления уголовного преследования, реабилитации необоснованно подвергнувшегося уголовному преследованию лица, также устанавливает все истинные обстоятельства произошедшего события, в целях соответствия назначению уголовного судопроизводства.

Нахождение следователя среди участников уголовного процесса со стороны обвинения: «Уже заранее психологически настраивает следователя на обвинительный уклон, который приводит к тому, что в результате односторонней деятельности следователя происходит существенное нарушение прав и законных интересов граждан». — пишет А.П. Гуськова [9, С. 60].

Представители первого подхода отмечают, что следователь в уголовном процессе выполняет самостоятельную функцию

предварительного расследования, которая не является ни обвинительной, ни оправдательной. Основные элементы функции расследования — всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела.

В соответствии со вторым подходом следователь, организуя раскрытие преступлений, возбуждая уголовное дело, осуществляя сбор обвинительных доказательств, выполняет своё главное предназначение — осуществляет функцию уголовного преследования. Основной целью функции уголовного преследования является установление наличия в действиях лица преступного поведения и закрепление вывода о наличии или отсутствии оснований для привлечения лица к уголовной ответственности путем формулирования законного и обоснованного обвинительного тезиса, либо констатации факта отсутствия такого основания.

Так, А. А. Власов считает, что «только функция расследования уголовного дела обусловлена задачами уголовного процесса, стоящими перед следователем, и дает возможность ему решить их» [10, С. 18]. С. А. Шейфер, поясняя, почему следователь не должен выступать в уголовном процессе на стороне обвинения, уточняет, что следователь «не может не испытывать состояния внутренней раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, субъектом уголовного преследования, обязанным собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства, а с другой, — исследователем, вынужденным опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, несовместимые с обвинением» [11, С. 35].

Следователь не обвиняет, он расследует факт, который оценивается как содержащий признаки преступления. Вместе с тем, следователь обязан расследовать объективно, полно и всесторонне, собирая как обвиняющие, так и оправдательные доказательства, как отягчающие, так и смягчающие вину. В данных условиях нельзя относить следователя к стороне обвинения.

Положения современного уголовно-процессуального законодательства, определяющие следователя в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, не соответствуют фактически осуществляемой им при производстве по уголовному делу процессуальной функции. Процессуальное назначение деятельности следователя проявляется в выполнении им собственной функции — функции расследования уголовного дела, которая не является ни обвинительной, ни оправдательной, и в качестве элементов которой выступают всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела и доказывание. Результатом данной деятельности является выдвижение и обоснование обвинительного или оправдательного вывода, сформулированного в соответствующем решении.

Разумнее наделить следователя основной конституционно значимой функцией расследования уголовного дела, и выделить данного участника уголовного судопроизводства в отдельную главу УПК РФ. На наш взгляд, таким образом можно не допустить обвинительного уклона в его деятельности.

Литература:

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — репринт. восп. изд. 1880–1882 г. — Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — 2720 с.
2. Смолькова И. В. Участники современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И. В. Смолькова, отв. ред. Р. В. Мазюк. — Москва: Юрлитинформ, 2017. — 347 с.
3. Александров А. С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации / А. С. Александров // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 2. — С. 405–411.
4. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор / Ф. Н. Фаткуллин. — Казань: Издательство Казанского университета, 1965–532 с.
5. Гуляев А. П. Процессуальные функции следователя / А. П. Гуляев. — Москва: Юрид. лит., 1981. — 192 с.
6. Лавдаренко Л. И. Функция следователя в российском уголовном процессе: проблемы реализации, перспективы развития: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л. И. Лавдаренко. — Владивосток, 2001. — 215 с.
7. Кокорев Л. Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Л. Д. Кокорев. — Воронеж, 1975. — 41 с.
8. Гуляев А. П. Совершенствование правового регулирования деятельности следователя: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. — Москва, 1988. — 234 с.
9. Гуськова А. П. К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 3. — С. 59–62.
10. Власов А. А. Полномочия следователя в советском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Москва, 1979. — 236 с.
11. Шейфер С. А. Российский следователь — исследователь или преследователь? / С. А. Шейфер // Российская юстиция. — 2010. — № 11. — С. 34–37.

Уголовно-правовая характеристика разбоя

Ершова Ольга Петровна, студент;

Хохлова Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

Преступления против собственности являются одними из самых распространенных. Разбой — это преступление, которое является одним из наиболее опасных видов преступлений этой группы, сопряженное с фактором насилия. Поскольку оно посягает не только на собственность потерпевшего, но и на жизнь и здоровье личности. В статье рассматриваются элементы состава преступления и его основные признаки, предусмотренные ст. 162 УК РФ. А также является ли применение насилия, использование оружия или предметов, схожих с ним и причинение тяжкого вреда здоровью и опасного для жизни потерпевшего, определяющим фактором при квалификации данного преступления.

Ключевые слова: разбой; преступления против собственности; хищение имущества; состав преступления; квалификация; разбойные нападения.

Criminal law characteristics robbery

Crimes against property are among the most common. Robbery is a crime that is one of the most dangerous types of crimes of this group, associated with the factor of violence. Because it encroaches not only on the property of the victim, but also on the life and health of the individual. The article considers the elements of the corpus delicti and its main features provided for in Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation. And also whether the use of violence, the use of weapons or objects similar to it and causing serious harm to the health and life-threatening of the victim, is a determining factor in the qualification of this crime.

Keywords: robbery; crimes against property; theft of property; corpus delicti; qualification; assaults.

Разбой является наиболее опасной формой хищения в группе преступлений против собственности. В структуре имущественных преступлений разбойные нападения на граждан занимают значительное место. В последние десять лет наблюдается тенденция роста таких общественно опасных деяний.

Разбой — это сложное, многообъектное преступление, поскольку при его совершении преступник посягает не только на чужое имущество, но и на здоровье потерпевшего, чаще всего причиняя ему вред различной степени тяжести. Основной, то есть непосредственный объект — это определенная форма собственности, а дополнительный — здоровье человека.

Согласно ч. 1 ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации — «разбой есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» [1].

Объективная сторона этого правонарушения представляет собой действие в виде нападения, цель которого представляет собой завладение собственностью другого лица. Нападение — это внезапное применение насилия в отношении потерпевшего, которое выражает агрессивную интенсивность действий виновного.

Насилие при совершении данного общественно опасного деяния является способом завладеть или удержать изъятое имущество пострадавшего. Под насилием, опасным для жизни или здоровья, понимается насилие, повлекшее причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности [2].

Угроза его применения должна быть реальной, а значит она должна содержать в себе действительную опасность его совершения. А также наличной, то есть создающей опасность немедленного применения насилия, если потерпевший откажется выполнять требования нападающего. При любом стечении обстоятельств применение силы является посягательством на личность человека, поскольку оно несёт в себе опасность для жизни и здоровья пострадавшего. Таким образом, законодатель защищает, прежде всего личность, а не собственность, на которую направлено посягательство. По этой причине разбойное нападение является деянием, за которое установлены наиболее строгие санкции, по сравнению с другими преступлениями против собственности.

Субъективная сторона разбойного нападения представляет собой вину в форме прямого умысла, главной целью которой является завладением чужой собственностью. Осознание вины совершенных деяний включает представление субъекта, во-первых, о характере тех ценностей, на которые направлено вмешательство. Во-вторых, о содержании действия, с помощью которого это происходит. И, в-третьих, о фактических обстоятельствах, при которых совершается преступление. Предвидеть последствия своих действий — значит предвидеть последствия определенного характера и степени тяжести. Но при этом виновный может вовсе и не представлять конкретных особенностей развития причинно-следственной связи. Важно учитывать то, что виновный несет ответственность не только в соответствии с реально наступившими вредными последствиями, но и в соответствии с направленностью умысла.

Корыстная цель при совершении правонарушения заключается в том, чтобы дать преступникам фактическую возмож-

ность владеть, использовать и распоряжаться имуществом принадлежащим другим лицам, как своим собственным. То же самое происходит и при обращении похищенного в пользу других лиц. Отсутствие корыстной цели в данном смысле исключает квалификацию завладения чужой собственностью, как разбоя.

Субъект преступления — это физическое, вменяемое лицо, достигшее на момент совершения общественно опасного деяния 14-летнего возраста.

Лицо, которое совершило правонарушение в состоянии невменяемости, не подлежит уголовной ответственности, согласно ч. 1 ст. 21 Уголовного Кодекса РФ. Это значит, что оно не могло осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий или бездействий и руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного психического расстройства, слабоумия, или иного болезненного состояния.

Хотелось бы отметить, что разбой во многом отличается от других форм хищения. Например, по конструкции состава преступления хищения являются материальными, а разбой имеет усеченный состав. Момент окончания правонарушения имеет важное значение как в теоретическом, так и в практическом смысле. От этого будет зависеть признание хищения оконченным либо прерванным на стадии покушения, наличие добровольного отказа от его совершения, правильность юридической оценки содеянного и другое. Возможность совершения покушения на усеченные составы, в частности, на разбой является предметом спора в уголовно-правовой науке [4, с. 156].

Разбой следует признавать оконченным с момента нападения с целью хищения чужого имущества, то есть до начала действий, направленных на изъятие. Ответственность за такое деяние наступает и в тех случаях, когда из-за внезапно изменившейся обстановки или активного сопротивления пострадавшего имущество не могло быть изъято.

Уголовная ответственность, согласно ч. 2 ст. 162 Уголовного кодекса РФ, наступает за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Группа лиц по предварительному сговору — это группа лиц, которые заранее договорились о совместной преступной деятельности. Такая группа должна иметь общие признаки соучастия. В ней должно быть не менее двух лиц, являющихся субъектами уголовного права, которые действуют совместно, умышленно и согласованно. По форме оно должно быть только соисполнительство, так как соучастие с законным распределением ролей не образует данного квалифицирующего признака разбоя. Соисполнительство может быть совершено в двух видах. При параллельном, совместном исполнении все члены группы параллельно во времени и пространстве, полностью или частично выполняют объективную сторону хищения. При последовательном — объективная сторона преступления делится между участниками группы на несколько этапов и каждый из них выполняет свой этап.

Все участники правонарушения будут привлечены к ответственности по ч. 2 ст. 162 УК РФ, как соисполнители, если их намерения охватывали применение оружия или предметов, ко-

торые могли бы быть использованы в качестве таковых, даже если бы они были применены одним из них.

Под их использованием следует понимать:

- 1) нанесение с их помощью легкого, среднего или тяжкого вреда здоровью, или лишение жизни человека;
- 2) использование их вредных свойств, когда по не зависящим от воли виновного причинам, реальный вред здоровью или жизни для пострадавшего не наступает;
- 3) использование этих предметов для психического насилия, например демонстрация оружия.

Данный квалифицирующий признак не образуется, если в процессе разбойного нападения было использовано некачественное оружие, его имитация или же изделия, которые конструктивно схожи с ним.

Однако учитывая, что потерпевший субъективно воспринимает нападение как реально угрожающее жизни и здоровью, то такое нападение должно квалифицироваться как разбой, предусмотренный ч. 1 ст. 162 УК РФ [5, с. 162].

Наряду с этим, если данными предметами причиняется вред, который является опасным для жизни или здоровья пострадавшего, то это можно рассматривать как разбой, связанным с применением других предметов, используемых в качестве оружия.

По своим конструктивным особенностям оружие подразделяется на: огнестрельное, холодное, метательное, пневматическое, газовое и сигнальное. Необходимо отметить, что оно не относится к предметам, сертифицированным как изделия бытового и промышленного назначения, спортивные снаряды, которые конструктивно схожие с оружием.

Определяющим фактором для квалификации разбойного нападения является вооруженный способ совершения правонарушения.

Согласно ч. 3 ст. 162 Уголовного кодекса предусматривается уголовная ответственность за разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище или в крупном размере.

Разбой с незаконным проникновением в жилище представляет повышенную опасность, как в связи с процедурой совершения, так и с учетом типичных особенностей лица, совершившего общественно опасное деяние. Поскольку повышенная опасность этого преступления связана с тем, что в жилом помещении обычно хранятся наиболее ценные вещи граждан, то вторжение в жилище может нанести серьезный ущерб потерпевшей стороне.

Повышенную опасность, хоть и в меньшей степени, представляет разбой с проникновением в нежилое помещение или иное хранилище ценностей. Потому как преступник посягает на имущество, в отношении которого собственник принял определенные меры для обеспечения его сохранности.

Разбой, совершенный в крупном размере — это деяние, при котором стоимость похищенных вещей превышает 250 тысяч рублей. При определении размера похищенного, необходимо исходить из его действительной стоимости на момент совершения противоправного деяния. Если сведения о цене отсутствуют, то его стоимость может быть определена экспертами.

Часть 4 ст. 162 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за разбой, совершенный: организованной

группой; в особо крупном размере; с причинением тяжкого вреда здоровью.

Организованная группа имеет следующие признаки: устойчивость, наличие организатора (руководителя), заранее разработанный план совместной преступной деятельности и распределение функций между членами группы.

Разбой, совершенный в составе группы, представляет еще большую опасность, так как взаимодействие членов группы значительно упрощает совершение преступления и может провоцировать более острое проявление агрессии в отношении жертвы [3, с. 78].

Разбоем в особо крупном размере признается преступление, при котором стоимость похищенного имущества равна одному миллиону рублей и более. Точное определение стоимости похищенного имеет решающее значение для правильной квалификации вида хищения.

Разбой с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего — присутствует в случаях, когда такой вред причиняется в целях облегчения завладения собственностью, либо в процессе её захвата для преодоления сопротивления пострадавшего или сразу после захвата имуществом для его удержания.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. — N25. — С. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета от 18 января 2003 г. — N9 (специальный выпуск).
3. Геворкян Э.Н. Разбой как состав преступления. Проблемы квалификации и правоприменения // Молодой ученый. — 2019. — № 17 (255). — С. 76–78.
4. Кокин Д.М. Значение предмета преступления для квалификации деяния как разбоя. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — № 2 (82). — С. 153–160
5. Уголовное право в вопросах и ответах: учебное пособие / отв. ред. А. И. Рарог. — Москва: Проспект. — 2016. — 336 с.

Правовой режим контроля и надзора за предпринимательской деятельностью

Захарова Александра Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент;

Бойкова Анастасия Витальевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В государственном регулировании предпринимательской деятельности особое место отдается контрольной деятельности как самому эффективному методу регулирования деятельности субъектов предпринимательства.

Наука административного права выделяет два вида контрольной деятельности — государственный контроль и надзор. Государственный контроль осуществляется исполнительной властью и является одной из форм реализацией ее функций. Государственный надзор, напротив, носит систематический характер и осуществляется подведомственными, специализированными субъектами с целью обеспечения безопасности граждан, организаций и общества в целом.

Тяжкий вред здоровью бывает двух видов: опасный и не опасный для жизни человека, но классифицируемый как тяжкий. Особенность тяжести вреда здоровью заключается в том, что к ним относятся те повреждения, которые в нормальном течении обстоятельств заканчиваются смертью потерпевшего или создают реальную её угрозу. Еще одна особенность заключается в том, что такой вред, особенно при оказании своевременной квалифицированной медицинской помощи, может иметь благоприятный исход. Поэтому опасность для жизни в момент ее возникновения устанавливается исходя из реальной угрозы смерти потерпевшего.

Поскольку разбой входит в состав группы преступлений против собственности, то решающим является направленность на завладение чужим имуществом. А посягательство на личность при совершении правонарушения выступает средством завладения собственностью. Сущность разбойного нападения заключается в стремлении преступника завладеть чужим имуществом, путем применения насилия к потерпевшему. Из этого можно сделать вывод, что таким образом, определяется одновременно вмешательство данного правонарушения в отношении собственности и личности.

Согласно науке, отличие контроля от надзора сводится к следующим наиболее характерным чертам:

а) органы надзора (в том числе прокурорского) выполняют свои функции и полномочия в отношении тех объектов, которые им организационно не подчинены; органы контроля — в основном в отношении организационно подчиненных и в некоторых случаях в отношении неподчиненных объектов;

б) в процессе контроля могут применяться меры дисциплинарного воздействия в отношении виновных лиц; в процессе же административного надзора применяются меры административного воздействия к физическим и юридическим лицам;

в) органы контроля занимаются проверкой различных сторон деятельности подконтрольных объектов; органы административного надзора проверяют соблюдение специальных правил на поднадзорных им объектах.

Мероприятия по контролю проводятся на основании распоряжения (приказа) органа государственного контроля (надзора). В рамках государственного контроля и надзора государственные органы и должностные лица проводят как плановые, так и неплановые проверки.

С точки зрения предмета предпринимательского права наибольший интерес представляет непосредственный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности.

К непосредственному контролю за предпринимательской деятельностью следует отнести, например, контроль лицензирующим органом соблюдения лицензиатом лицензионных требований и условий.

Непосредственный государственный контроль за предпринимательской деятельностью предусмотрен при международных автомобильных перевозках.

Одним из характерных примеров непосредственного контроля за предпринимательской деятельностью является валютный контроль. Его цель — обеспечение соблюдения валютного законодательства при валютных операциях.

В целях защиты прав и законных интересов предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля принят специальный Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. N294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». [1, с. 5]

Данным Федеральным законом устанавливаются:

- порядок организации и проведения проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей органами, уполномоченными на осуществление государственного контроля (надзора), муниципального контроля;
- порядок взаимодействия органов, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора), муниципального контроля, при организации и проведении проверок;
- права и обязанности органов, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора), муниципального контроля, их должностных лиц при проведении проверок;
- права и обязанности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, меры по защите их прав и законных интересов.

Анализ практики применения законодательства при осуществлении государственными органами своих контрольных полномочий показывает, что есть большое количество ошибок и недочетов, допускаемых должностными лицами при планировании и производстве мероприятий по контролю за дея-

тельностью субъектов предпринимательства. Так, например, органы прокуратуры часто выявляют случаи, когда на предпринимателей возлагаются дополнительные обязанности, не предусмотренные законодательством. Иногда создаются административные барьеры, которые ограничивают деятельность предпринимателей, а также мешают реализовывать свои права.

Анализ судебной практики говорит о превышении надзорными органами своих полномочий при проведении контрольных мероприятий, а именно:

- 1) несоответствие вида проверки ее объекту;
- 2) несоответствие вида проверки ее предмету;
- 3) выдача обязательных для исполнения предписаний, которые содержат требования, не соответствующие действующему законодательству. [2, с. 5]

Например, при проведении органами пожарного контроля внепланового надзора за соблюдением ранее выданных предписаний, они выходят за рамки проверок фактов исполнения требований ранее выписанных предписаний, расширяя предмет проверок путем включения в него проведение дополнительных проверок, а также выдача предписаний соблюдения иных обязательных требований пожарной безопасности. Нарушение состоит в самом предмете проверки, так как изначально предметом проверки являлось контроль за соблюдением ранее выданного предписания. А в данном случае, помимо ранее выписанного предписания, органы пожарного контроля проверяют и иные обязательные требования.

Таким образом, для каждой проверки предпринимателя должно быть мотивированное основание, которое требует установление соответствующего предмета проверки.

В практике встречаются такие виды нарушений как отсутствие основания проведения внеплановой проверки, нарушение сроков и времени проведения проверки, требование лишних документов и непредставление акта проверки.

Говоря о контроле, то он может проводиться над валютными операциями, налоговыми и пенсионными отчислениями, проверки лицензий и разрешений и т.д. Государственный контроль, также может проводиться за страховыми взносами, банковскими операциями, экологический контроль.

Учитывая, что сфера правоотношений, которые возникают по поводу осуществления органами исполнительной власти контрольно-надзорных полномочий шире, а степень латентности допускаемых должностными лицами этих органов нарушений законодательства достаточно высока можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день со стороны государства не приняты исчерпывающие меры по обеспечению соблюдения законных прав и интересов предпринимателей и юридических лиц. А условия в правовой среде для развития предпринимательства при осуществлении ими экономической малого и среднего бизнеса в настоящее время деятельности не созданы. [2, с. 5]

Литература:

1. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. N294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008 г. № 52 (часть I). Ст. 6249; 2019 г. № 23 ст. 2905

2. Кондраков, Н. П. Основы малого и среднего предпринимательства: Практическое пособие / Н. П. Кондраков, И. Н. Кондраков. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. — 446 с.
3. Сергеев, А. П. Основы бизнеса (предпринимательства) (для бакалавров) / А. П. Сергеев. — М.: КноРус, 2013. — 440 с.

Исторический путь развития государственного финансового контроля в России

Землянская Анна Сергеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В целях установления закономерностей развития той или иной нормы или комплекса норм законодательства в правовой науке существует историко-правовой метод познания, который в результате предполагает не только исторический экскурс. Как выразился по данному вопросу социолог Кагарлицкий Б. Ю. — «Понять прошлое означает быть способным преодолеть его. В конечном счете, речь идет о том, чтобы уметь изменить настоящее» [2].

Изучение материалов по истории права показывает, что история развития государственного финансового контроля берёт своё начало в XI веке, с упоминанием в первом своде законов (Русская Правда) права князей (высших должностных лиц) на денежный контроль, из этих начал, однако, возможно установить лишь общую цель данного контроля — обеспечение справедливого финансового баланса между общинами и государством в целом. В дальнейшем, с приходом к власти Ивана III и формированием системы государственных органов — «Приказов», среди них появляется специальный для финансового контроля счетный приказ, но относительно четкая его правовая фиксация (по организации деятельности и функциям) закрепляется указом Алексея Романова от 10.03.1656, которым учреждается государственный орган — Счетный приказ (также встречается в литературе под названием Приказ Счета Большой казны), функции которого сводились к учету доходов и расходов государства с ведением соответствующих документов, контролю расходов и доходов на местах. При Счетном приказе, «обособленным подразделением» существовал так называемый Столовый приказ, к компетенции которого относился учет расходов на царский стол.

Существенное реформирование государственного устройства проводимое Петром I, сопровождавшееся упразднением приказов и учреждением нового вида государственных органов — коллегий, затронуло также и сферу государственного финансового контроля, Счетный приказ был преобразован в Ревизион-Коллегию, функции которой были аналогичными функциям Счетного приказа, однако данный орган был наделен большей самостоятельностью (прямым подчинением Императору), поскольку прежний опыт финансового контроля с разделением функций (непосредственный учет велся приказом, канцелярией, а высшая ревизия полезности осуществлялась Сенатом — высшим органом законодательной и исполнительной власти на тот период), показал свою низкую эффективность. Но и на данном этапе о полной независимости ревизионного органа нельзя сделать однозначный вывод. Необходимо отме-

тить, что на данном историческом этапе наряду с функционированием Ревизион-Коллегии была учреждена и функционировала Камер-Коллегия, к компетенции которой, кроме прочего, относился контроль за сборами (прообраз налоговой службы).

Важно отметить, что одновременно с учреждением и реформированием названных органов финансового контроля государство определило отношения в данной сфере и как объект уголовно-правовой охраны, — нарушения в области финансов («денежные преступления») стали считаться уголовно наказуемыми деяниями, с достаточно серьезными санкциями (наряду с насильственными преступлениями). При этом, судя по изменениям в области контроля и наказания за такие преступления с течением времени данная область не только не переставала быть актуальной, но занимала всё большее внимание высшей власти [1].

В дальнейшем, вплоть до XIX века, система органов государственного финансового контроля претерпевала некоторые изменения, которые существенных изменений в их деятельности не привнесли. Самым значительным из таких изменений возможно назвать введение в подчинении «центральной» Ревизион-Коллегии подчиненных подразделений на местах.

Государственными реформаторами XIX века [3] в качестве основного недостатка в системе функционирования органов государственного финансового контроля низкий уровень их независимости, в связи с чем, по инициативе М. М. Сперанского было принято решение о наделении беспрецедентно широкими полномочиями контрольно-счетных органов (в тот период — Ревизия государственных счетов), что повлияло на степень независимости и по оценкам исследователей повысило эффективность деятельности таких органов [4]. Важно отметить, что в указанный период в деятельность органов государственного финансового контроля впервые внедряется принцип гласности — с 1862 года роспись государственных доходов и расходов стала ежегодно публиковаться. Помимо постоянного стремления к усовершенствованию государственного финансового контроля установлением большей степени независимости соответствующих органов (внедрением принципа несменяемости контролеров, усилением социальной защиты должностных лиц), для достижения данной цели в начале XX на разрешение стали ставиться концептуальные задачи. В частности, Дума заявила о необходимости приближения контроля за контрольно-счетными органами, заявляя о необходимости оценивать не столько правильность расчетов (цифр), сколько целесообразность расходов, их контроль при

осуществлении хозяйственной деятельности. С приходом советской власти и полным преобразованием государственного устройства подверглась изменениям и система финансового контроля в стране. Среди многочисленных преобразований, наиболее существенным и принципиальным автор считает распределение контроля в данной сфере, которым, в первую очередь, была наделена партия, но наряду с ней был внедрен народный контроль, что негативно влияло на его качество. Одним из основных недостатков системы советского государственного контроля ученые считают его ориентирование лишь на выявление нарушений, тогда как достижению эффективности расходования государственных средств внимания практически не уделялось, что логично, поскольку время показало и не эффективность плановой модели государственной экономики, которая также не могла обеспечить эффективности и достижения поставленных задач [5]. Следующий этап в развитии российского государства и права, который ознаменовался распадом Советского союза, принёс кардинальные изменения в государственной экономике, сфере собственности, финансового рынка, налогов и проч. Некоторые принципы и вопросы государственного финансового контроля оговорены во вновь принятой Конституции России от 12.12.1993, однако по оценкам исследователей они были недостаточно детальными.

Анализируя мнения учёных, занимающихся исследованиями в области финансового права, а также нормативно-правовые акты, образующие правовую базу регулирования финансовых отношений в Российской Федерации, а также научные исследования в данной области прежде всего необходимо отметить, что сегодня проблемы реализации финансовой политики, условно, но достаточно четко разделены в зависимости от направления (налоги, бюджет, инвестиции, ценовая политика и проч.), при этом степень глубины и проработанности проблемы также зависит от соответствующего направления.

Вывод об основных проблемах реализации финансовой политики России на современном этапе делаем исходя из исследований, приведенных, например, А. В. Захаряном в статье «Финансовая политика в России на современном этапе» (журнал «Экономика и предпринимательство», 2018 № 11 (100)), В. Г. Когденко в учебном пособии «Краткосрочная и долгосрочная финансовая политика», Е. А. Фоминой в статье «Влияние финансовой глобализации на денежно-кредитную политику России» (журнал «Евразийский ученый журнал», 2018 № 9 (124)), а также некоторых других и, частично, подборки диссертаций (о которых речь пойдет в задании № 2).

Так, к основным проблемам в указанной сфере, на сегодняшний день относятся недостатки в системе налогообложения, рассогласованность в регулировании и реализации бюджетов различного уровня страны, неэффективное распоряжение государственным имуществом, нестабильность курса рубля по отношению к другим валютам, также учеными отмечается отсутствие целостности в кредитно-денежной политике страны.

Литература:

1. История Отечества с древнейших времен до наших дней: Энциклопедический словарь / сост. Б. Ю. Иванов, В. М. Карев и др. — М.: Большая Российская Энциклопедия, 2010 год;

Что касается налоговой системы в стране, то проблемой в данном случае, конечно, является не достаточный уровень эффективности сбора налогов, а также неравномерность данного процесса,— тогда как крупнейшие налогоплательщики имеют возможность посредством использования несовершенства законодательства (отдельных пробелов или недоработок) уклоняться то налогообложения, более мелкие субъекты бизнеса практически «задушены» налогами, и затруднены в извлечении достойной прибыли. При этом всем, бюджет нуждается в дополнительных поступлениях, которые можно восполнить, в том числе, путём сбора налогов, которые повышаются и для субъектов уклоняющихся, и для добросовестных. Но для справедливости необходимо отметить, что в последнее время Российская политика в сфере налогообложения стала перенимать зарубежные тенденции в части деофшоризации отечественных капиталов, в части ужесточения контроля в данной области, обявляя декларировать такие доходы (так, Федеральным законом от 04.11.2014 № 325-ФЗ Россией ратифицирована Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25 января 1988 года, измененную Протоколом от 27 мая 2010 года, подписанную от имени Российской Федерации в городе Канны 3 ноября 2011 года).

Относительно ситуации, складывающейся в области федеральной и региональной бюджетной политики, наибольшее значение имеет отсутствие сбалансированности. Согласно обзору федерального информационного агентства «РБК» (<https://www.rbc.ru/economics/12/02/2020/5e4281299a79471b4769c391>), 2019 год каждый третий регион России окончил со значительным дефицитом бюджета и данный показатель по сравнению с 2018 годом возрос более, чем на 50%. Вновь назначенный премьер-министр М. Мишустин уже ведет работу по направлению сбалансированности бюджетов, отдаёт распоряжения о направлении дополнительной материальной поддержки. Также в последние годы активно обсуждаются вопросы о консолидации бюджетов нескольких регионов для усиления их «жизнеспособности» вне поддержки за счёт федерального бюджета. На примере наших регионов, такая политика могла бы выразиться в объединении субъектов — Тюменской области, как более сильного в финансовом плане региона и Курганской области, как более дефицитного.

В целом правительством и ведомствами, осуществляющими деятельность в сфере финансов, постоянно ведется деятельность по усовершенствованию правового и внутриведомственного регулирования, противодействию злоупотреблениям и преодолению возникающих в реализации финансовой политики проблем. Считаем необходимым отметить, что любая деятельность государственных масштабов должна осуществляться комплексно, например, не только путём усовершенствования отраслевого законодательства, но и активному противодействию коррупции в структурах, относящихся к финансовой деятельности.

2. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм. Эксмо. 2009. С. 7
3. Кассихина В. Е., М. М. Сперанский, его роль в развитии и становлении российского государства и права // Научно-практический журнал «Государство и право в XXI веке». 2017. № 2/2017. С. 4–12.
4. Лушникова М. В., Лушников А. М. Наука финансового права на службе государству: российские государственные деятели и развитие науки финансового права (историко-правовой очерк). Ярославль, 2010. С. 69–71.
5. Тарасов А. М., Государственный контроль в советский период: его сущность и этапы развития // Записки горного института. 2003. № 154. С. 281–287.

Особенности реализации и обеспечения права каждого на медицинскую помощь в Российской Федерации и зарубежных странах

Карзова Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Тверской государственной университет

Статья посвящена компаративистскому анализу и исследованию реализации права каждого на медицинскую помощь в Российской Федерации и зарубежных странах. Дана характеристика моделям здравоохранения, их особенности, преимущества и недостатки.

Ключевые слова: право на медицинскую помощь, реализация права, здоровье человека, Конституция РФ, международное право, правовая система государства, компаративный анализ, модель здравоохранения.

Право на оказание доступной и качественной медицинской помощи является одним из важнейших прав человека, которое должно регламентироваться и обеспечиваться каждым государством мира. Такое право выступает гарантией эффективной реализации всех конституционных прав граждан. Обязанность государств развивать систему обеспечения права на медицинскую помощь для населения предусмотрена в различных международных актах.

В статье 25 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., провозглашено: «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи» [2].

Статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах устанавливает, что участвующие в Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Меры, которые должны быть приняты участвующими в Пакте государствами для полного осуществления этого права, включают мероприятия по обеспечению сокращения детской смертности, здорового развития ребенка, предупреждение и лечение эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними, создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни [13].

Таким образом, международные акты, устанавливая основные социальные гарантии, закрепляют, в том числе, и право каждого на медицинскую помощь и предусматривают обязанность государств — членов соответствующих международных договоров обеспечивать возможность реализации гражданами прав в сфере охраны здоровья и медицинской помощи.

Используя компаративистский метод исследования, рассмотрим основные черты, особенности реализации и обеспечения

права каждого на медицинскую помощь в Российской Федерации и в некоторых зарубежных странах.

Проанализируем для начала правовое регулирование. В Российской Федерации право каждого на медицинскую помощь гарантировано в статье 41 Конституции РФ [1], которая закрепляет взаимосвязь рассматриваемого права с правом на охрану здоровья, характеризует медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения как бесплатную и закрепляет основы государственной политики в сфере здравоохранения. Также в Российской Федерации действует Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4], который устанавливает правовые и организационные основы реализации права на медицинскую помощь.

В зарубежных странах правовое обеспечение права на медицинскую помощь различается. В Преамбуле Конституции 1946 г. Франции закреплено только право на охрану здоровья вместе с другими социальными правами: на материальное обеспечение, отдых и досуг. В статье 20 Основного закона Федеративной республики Германия от 23 мая 1949 г. установлено, что Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством [9]. Вместе с тем, в Основном законе ФРГ отсутствуют нормы, принципы относительно реализации гражданами права на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Реализация права на медицинскую помощь осуществляется в зависимости от исторически сложившейся модели здравоохранения, действующей в том или ином государстве. В современных условиях государства опираются на свою модель здравоохранения и решают вопросы с поиском баланса финансирования отрасли, повышению качества медицинской помощи путем внедрения новых медицинских технологий, борьбой с наиболее распространенными заболеваниями и пандемией. На практике существуют три основные модели здравоохранения: 1. Бюджетная 2. Социально-страховая 3. Частная.

Бюджетная модель здравоохранения характеризуется тем, что основным источником финансирования служит государственный бюджет, а именно налоговые поступления. Государство тем самым практически полностью покрывает медицинские услуги для всего населения и управляет системой оказания медицинской помощи через создание государственных лечебных учреждений.

Наиболее ярким примером бюджетной модели является система здравоохранения, действующая в Великобритании, где действует Национальная служба здравоохранения (англ. National Health Service — NHS), предоставляющая широкий спектр медицинских услуг, лекарственных препаратов бесплатно. На здравоохранение выделяется определенная процентная сумма средств от национального дохода. 9,8% — вот ее показатель в Великобритании. Все полученные средства формируются в центральном бюджете и распределяются сверху вниз по управленческой вертикали [7].

В Великобритании также действует сбалансированная система возмещения стоимости лекарственных препаратов амбулаторного отпуска, включающая соплатеж (7,85 фунтов стерлингов за один рецепт). Некоторые категории лиц имеют льготы по соплатежам, а граждане, не достигшие 16 лет, студенты очных отделений до 19 лет, граждане старше 60 лет и инвалиды войны полностью освобождаются от соплатежей за лекарства.

При сравнении модели здравоохранения Великобритании и Российской Федерации можно выделить схожие черты. В Российской Федерации также гарантируется бесплатная медицинская помощь в соответствии с Программой государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам [5] ежегодно утверждаемой Правительством РФ, закрепляющей перечень видов заболеваний при которых медицинская помощь оказывается бесплатно. Кроме того, для отдельных групп населения (участники ВОВ, инвалиды, дети первых трех лет жизни) лекарственные средства при амбулаторном лечении отпускаются по рецепту врача бесплатно.

Следующей моделью здравоохранения является социально-страховая модель, при которой финансирование осуществляется из взносов работодателей и работников на медицинское страхование. В Европе социально-страховая модель наиболее развита в Германии и Франции, но также используется и другими странами, включая Нидерланды, Австрию, Бельгию, Швейцарию, Канаду и Японию.

В Германии страхование является универсальным для всего населения, легально находящегося на территории. Все работающие граждане (в т.ч. такие группы населения, как пенсионеры), которые зарабатывают менее US \$5,422.80 в месяц или менее US \$65,074.00 в год с 2012 года в обязательном порядке на бесплатной основе охватываются SHI (негосударственными фондами медицинского страхования (так называемые «больничные кассы» (statutory health insurance scheme SHI), в т.ч. неработающие члены их семей (супруги и дети). Граждане, чей валовый доход превышает указанные пределы: государственные служащие, самозанятые лица могут самостоятельно выбирать: вступать в систему SHI на возмездной основе (таких 75%) или приобретать программы добровольного медицинского страхования (им обладают около 10% населения) [10].

Однако подоходные налоги на социальное страхование в Германии составляют в среднем около 15% и основаны на принципе солидарности: здоровые за больных, богатые за бедных, молодые за старых. Налоги на медицинское страхование взимаются предприятием с заработной платы и отчисляются больничным кассам как с рабочих (служащих), так и с работодателей в равном размере; в настоящее время это около 7,5% от дохода рабочего (служащего) [11]. Работодатель или пенсионный фонд добавляет остальные 7,3%, так что совокупный максимальный размер составляет US \$759 в месяц. При этом система обязательного медицинского страхования покрывает практически все необходимые услуги, лекарства и медицинские изделия, а соплатежи населения составляют незначительную долю.

Система здравоохранения, утвержденная в Германии, считается одной из лучших в мире в связи с высоким уровнем организации, качеством оказываемой медицинской помощи, финансированием государства (11,2% ВВП), использованием высокотехнологичного медицинского оборудования, что является подтверждением обеспечения доступной и качественной медицинской помощи.

Если сравнивать с системой здравоохранения Российской Федерации, то также действует система обязательного медицинского страхования, взносы по медицинскому страхованию оплачиваются из фонда заработной платы работодателем, и в 2020 году на обязательное медицинское страхование отчисление с зарплаты работника составляет 5,1% [12].

Особенностью частной модели здравоохранения является отсутствие единой системы государственного медицинского обслуживания или страхования. Медицинская помощь предоставляется преимущественно на платной основе, за счет частного страхования или за счет потребителя медицинских услуг. Государство финансирует только медицинские услуги для малообеспеченных слоев населения, пенсионеров и безработных.

Самым ярким примером использования данной модели является опыт ее использования в Соединенных Штатах Америки, где отсутствует национальная система здравоохранения, охватывающая все население. Тем самым гарантии государства распространяются на ограниченный круг граждан. Основу системы здравоохранения страны составляет платная медицина при доминирующей роли частного медицинского страхования. Государственное медицинское страхование доступно отдельным категориям населения в рамках федеральных и смешанных федерально-штатных программ, таких, например, как Медикейр (Medicare) и Медикейд (Medicaid).

В США около 84% граждан имеют медицинскую страховку: 64% — застрахованы работодателем, 9% — самостоятельно, 27% — в рамках государственных программ [6].

Существенная доля населения (50 млн человек, или 16%) не охвачена никакими видами медицинского страхования [8]. Это связано с высокой стоимостью страховки, которая растет в динамике быстрее заработной платы.

Для американской модели здравоохранения характерны высокие темпы роста уровня затрат на здравоохранение. На здравоохранение тратится более 17% ВВП, но доля государства в финансировании здравоохранения не достигает 50% за счет частного медицинского страхования. Однако при самых больших в мире расходах на здравоохранение показатели каче-

ства медицинской помощи, продолжительность жизни и здоровья населения отстают от показателей других развивающихся стран при меньших расходах на здравоохранение, что говорит о неэффективности практикующей модели здравоохранения.

Отметим, что в современных системах здравоохранения постоянно идут процессы реформирования, заключающиеся как в изменениях финансирования сферы здравоохранения, так и в различном сочетании всех моделей здравоохранения. Ни одна из моделей здравоохранения не существует нигде. Несмотря на германскую социально-страховую модель, государство выделяет существенные средства на здравоохранение из бюджета страны. В Великобритании не все потребности NHS финансируются из общих налоговых поступлений: за их счет

формируется 76% ее бюджета. Остальные 24% покрываются взносами работодателей и работников на медицинское страхование (19%), а также прочими взносами и сборами (5%) [8].

Таким образом, несмотря на закрепление в Основном законе государства некоего права, на практике оно может быть реализовано по-разному, как эффективно, так и с существенными проблемами. Опыт Германии подтверждает тот факт, что недостаточно одного лишь законодательного закрепления, необходимо эффективно финансировать отрасль здравоохранения, соблюдая баланс при взаимодействии государства со всеми участниками медицинских правоотношений. Для Российской Федерации для решения наиболее актуальных проблем необходимо увеличение финансирования сферы здравоохранения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2020 г. № 2299 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // СПС КонсультантПлюс.
6. Ковалева И. П. Особенности системы здравоохранения и рынка медицинского туризма США // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития 2015. № 20. С. 165–171.
7. Лановик В. А., Тагиева Н. В. Национальная система здравоохранения Великобритании // Академическая публицистика 2019. № 3. С. 194–197.
8. Максимова Л. В., Омеляновский В. В., Сура М. В. Анализ систем здравоохранения ведущих зарубежных стран // Медицинские технологии. Оценка и выбор 2014. № 1(15). С. 37–45.
9. Окуньков Л. А. Конституции государств Европы. В 3 т. — Т. 1. / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. — М., 2001. — 528 с.
10. Панов А. В., Миселёва М. А. Системы здравоохранения: международный опыт // Главный врач: хозяйство и право. 2013. № 5. С. 18–24.
11. Резников Д.-А. Организация медицинской помощи больным в Германии. Принципы и основы страховой медицины // Вестник современной клинической медицины. 2010. № 2. С. 66–72.
12. Все отчисления в фонды в 2020 году // URL: <https://ppt.ru/art/nalogi/v-fondi>
13. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

К вопросу о процессуальной сущности пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам

Ким Валерий Вячеславович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор рассматривает актуальные вопросы процессуальной сущности пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Ключевые слова: гражданский процесс, новые и вновь открывшиеся обстоятельства.

Пересмотр по новым или вновь открывшимся обстоятельствам — это самостоятельная, факультативная, исключительная стадия гражданского процесса [2, с. 585].

Стадию пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам можно охарактеризовать следующими признаками:

- пересмотр судебных актов, уже вступивших в законную силу;
- пересмотр судебных актов любых инстанций (первой, апелляционной, кассационной, надзорной);
- пересмотр возможен только по основаниям, предусмотренным законом;
- пересмотр по новым или вновь открывшимся обстоятельствам — это самоконтроль суда, так как судебный акт пересматривается тем же судом, который его принял.

Тот факт, что пересмотр судебного решения по новым или вновь открывшимся обстоятельствам осуществляется как судом как первой, так и вышестоящих инстанций, представляется достаточно противоречивым. Если пересмотр осуществляется судом первой инстанции, то можно говорить о том, что суд первой инстанции выполняет функции проверки решения, вступившего в законную силу, которые в принципе не свойственны суду первой инстанции.

Если пересмотр осуществляется судами кассационной или надзорной инстанции, то суды кассационной и надзорной инстанции осуществляют функции оценки новых доказательств в деле, которая не предусмотрена для соответствующих судов.

Ряд авторов изучали «возобновление» производства по делу [2; 5; 7]. Исходя из их позиций, о возобновлении производства по делу речь идет тогда, когда решение отменено и суду предстоит рассмотреть дело заново. То есть, в таком случае это уже не стадия пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а последствия этой стадии — возобновление производства по делу, которое может осуществляться

только в том случае, если стадия пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам завершается отменой ранее вынесенного решения.

Р.К. Петручак подразделяет производство по пересмотру судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам на два этапа:

- установление обстоятельств, которые являются новыми или вновь открывшимися;
- новое рассмотрение дела [6, с. 9].

По мнению автора, рассмотрение заявления о пересмотре судебных актов — это не сам пересмотр, поскольку на первом этапе судебный акт не пересматривается. На первом этапе лишь устанавливается наличие или отсутствие оснований для пересмотра.

Необходимо сказать, что в соответствующих рассуждениях можно увидеть некоторое противоречие. По мнению Р.К. Петручак, производство по пересмотру дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам делится на два этапа, и при этом один из этапов «не является пересмотром [6, с. 21]».

Основной вопрос сводится к следующему — что пересматривается: судебный акт или само дело? Конечно, на первом этапе пересматривается спорный судебный акт, поскольку в рамках пересмотра необходимо установить наличие или отсутствие новых или вновь открывшихся обстоятельств, а также разрешить вопрос об отмене судебного акта или об оставлении его в силе. То есть второго этапа — пересмотра дела — может и не быть в случае, если решение оставлено в силе и судебный акт не отменен.

Таблица 1. Пересмотр дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам

I этап (обязательный)	Пересмотр судебного акта. Цель этапа: разрешение вопроса о необходимости отмены судебного акта
II этап (факультативный)	Пересмотр дела после отмены решения с использованием новых или вновь открывшихся обстоятельств

«Факультативность» выделенного второго этапа обусловлена тем, что данный этап осуществляется только в тех случаях, когда заявителю удалось убедить суд в наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств и судебный акт в результате рассмотрения заявления отменен, а суду предстоит заново рассмотреть дело. Таким образом, стадией пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам следует считать только первый этап — пересмотр судебного акта с целью разрешения вопроса о необходимости отмены судебного акта и возобновлении рассмотрения дела по существу.

Началом для искажения изначально присущей данному институту правовой природы от критериев, которые позволяли отличать его от проверочных производств, специально предназначенных для устранения судебных ошибок, по мнению В.М. Жуйкова, стало расширение с конца 1980-х гг. XX века судебной подведомственности, приведшее к включению в сферу судебного контроля постановлений иных (несудебных) органов [4, с. 13]. Г.А. Жилин, кроме того, отмечает, что позднее отступление допустил и Конституционный Суд РФ в отношении постановлений Президиумов

Высшего Арбитражного и Верховного Судов, чтобы обеспечить в конституционно значимых целях устранение судебной ошибки в условиях, когда обжалование этих судебных актов в других процедурах невозможно ввиду отсутствия вышестоящей судебной инстанции [3, с. 104]. Заметим, что в настоящее время термин «подведомственность» из ГПК РФ исключен.

Таким образом, стадией пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам следует считать только пересмотр судебного акта с целью разрешения вопроса о необходимости отмены судебного акта и возобновлении рассмотрения дела по существу.

О возобновлении производства по делу речь идет тогда, когда решение отменено и суду предстоит рассмотреть дело заново. То есть, в таком случае это уже не стадия пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а последствия этой стадии — возобновление производства по делу, которое может осуществляться только в том случае, если стадия пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам завершается отменой ранее вынесенного решения.

Литература:

1. Ахмедов С.М. Производство по пересмотру судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в системе пересмотра судебных актов в арбитражном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4, 15;
2. Гражданский процесс / Под ред. В. В. Яркова. 9-е изд. М., 2014. С. 585.
3. Жилин Г. А. К вопросу о правовой природе пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам // Закон. 2014. № 7. С. 104–114
4. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. С. 13–60.
5. Петрова И. А. Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском и арбитражном процессах: сравнительно-правовой аспект: Дис... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 40;
6. Петручак Р.К. Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9–10.
7. Филатова М. А. О процессуальных механизмах исполнения постановлений Европейского суда по правам человека // ВВАС РФ. 2013. № 9. С. 44–45.

Понятие конфликта интересов: теоретические аспекты, правовой механизм урегулирования и зарубежный опыт

Коновалов Савелий Алексеевич, студент

Научный руководитель: Ермакова Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Актуальность исследуемой темы очевидна, поскольку одним из наиболее важных механизмов по предотвращению коррупции является недопущение конфликта интересов в государственных структурах Российской Федерации.

Кроме того, важна необходимость наличия института по урегулированию конфликта интересов в государственных структурах Российской Федерации в связи с ее международными обязательствами, которые вытекают из Конвенции ООН по противодействию коррупции. Согласно названной конвенции каждое государство-участник должно стремиться к проведению политики, предупреждающей возникновение конфликта интересов в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы [1, с. 34].

В настоящее время Федеральный закон от 25.12.2008 N273-ФЗ «О противодействии коррупции» составляет правовую основу регулирования института конфликта интересов. В соответствии с ним под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, предусматривающую обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) [2].

Под личной заинтересованностью служащего, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей, понимается возможность получения служащим при исполнении должностных (служебных) обязанностей доходов в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц [2].

Исходя из исследования, проведенного независимой комиссией по противодействию коррупции ОЭСР, можно выделить следующие виды конфликта интересов:

- потенциальный конфликт интересов;
- выявленный или наблюдаемый конфликт интересов;
- фактический конфликт интересов. [3, с. 24].

Потенциальный конфликт интересов характеризуется наличием у должностного лица своего личного интереса, который может поставить его в такое положение, при котором данный интерес входит в конфликт с его публичным долгом. Таким образом, уже можно идентифицировать личную заинтересованность лица. Однако нельзя утверждать, возникнет ли ситуация конфликта интересов в будущем, поскольку в настоящем времени ее не существует.

Наблюдаемым конфликтом интересов принято признавать ситуацию, когда он только проходит стадию зарождения, подразумевается. Это выражается в принятии государственными служащими при исполнении своих должностных обязанностей неверных, неэффективных решений. Таким образом, существует определенная доля вероятности, что именно личные интересы должностного лица служат первопричиной таких его действий.

Под фактическим конфликтом интересов понимается уже существующий прямой конфликт между личным интересом публичного должностного лица с одной стороны и общественным долгом, и служебными обязанностями, — с другой [3, с. 26–27].

Субъектами урегулирования и предотвращения конфликта интересов в государственных структурах Российской Федерации могут выступать:

- государственный служащий;

- представитель нанимателя (работодатель);
- комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликтов интересов;
- правоохранительные органы РФ.

Надзор за исполнением федерального законодательства, в том числе и законодательства о противодействии коррупции, осуществляется органами прокуратуры Российской Федерации.

Кроме того, прокурорами в рамках проведения надзорной деятельности выявляются факты конфликта интересов на государственной и муниципальной службе.

Например, за неисполнение требований законодательства об урегулировании конфликта интересов по представлению прокурора г. Нижнего Новгорода был уволен в связи с утратой доверия начальник одного из отделов УФССП России по Нижегородской области. Проведенная проверка установила, что по его указанию были окончены с актом о невозможности взыскания и без взыскания сумм исполнительного сбора пять исполнительных производств в отношении должника — коммерческой организации, учредитель и директор которой ранее работал в органах ФССП России и находился в дружеских отношениях с названным должностным лицом. Также начальник данного отдела, воспользовавшись своими должностными полномочиями, продал супруге своего друга жилой дом и земельный участок со льготными условиями оплаты в виде рассрочки на 10 лет [4].

Многие зарубежные страны разработали специализированные законы и подзаконные нормативные правовые акты, которые позволяют реализовать на практике механизм выявления и разрешения конфликта интересов.

Так, в Канаде с 2006 года вступил в действие Закон, регулирующий вопросы, связанные с ситуацией конфликта интересов. Для реализации его положений было необходимо введение должности комиссара по конфликту интересов и этике. Предпринятые действия позволяют свести к минимуму случаи использования административного ресурса со стороны членов Кабинета министров, Парламента Канады, председа-

телей и членов совета директоров государственных предприятий в личных целях, противоречащих должностным обязанностям.

Привлекает внимание положение, содержащееся в законе Канады «О Конфликте интересов» о том, что за нарушение отдельных пунктов указанного акта предусмотрена выплата штрафа в размере, не превышающем 500 долларов. При этом его размер будет определяться с учетом истории всех предыдущих нарушений, совершенных должностным лицом в соответствии с вышеназванным законом в течение пятилетнего периода, который предшествовал совершению нарушения [5].

В заключение следует отметить, что снижение качества выполнения должностных функций государственным служащим, предпочтение реализации частных интересов в ущерб публичным выступают главным следствием конфликта интересов.

Качественному осуществлению государственных полномочий способствует предупреждение и урегулирование уже возникшего конфликта интересов.

Кроме того, именно конфликт интересов, поражая нравственные, организационные и правовые основы государства, выступает в качестве угрозы для института государственной службы в Российской Федерации. При конфликте интересов:

- предпочтение отдается частным интересам в ущерб государственным;
- не соблюдается основной принцип-требование к государственной службе — принцип законности;
- происходит нарушение принципов равенства и прозрачности в пользу частных интересов государственных служащих, которые в силу своего должностного положения обладают секретным и привилегированным доступом к публичным ресурсам, используя это в своих целях.

Таким образом, принятие в Российской Федерации специализированного закона, предусматривающего детальную процедуру урегулирования конфликта интересов, а также строгий надзор за его соблюдением, позволит снизить возникновение таких ситуаций к минимуму.

Литература:

1. Ильяков А. Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления / А. Д. Ильяков. — Текст: непосредственный // Современное право. — 2016. — № 4. — С. 32–36.
2. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2021: [принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года: одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года]. — Москва, 2021. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
3. Нисневич Ю. А. Конфликт интересов как потенциальная угроза возникновения коррупции / Ю. А. Нисневич. — Текст: непосредственный // Общественные науки и современность. — 2014. — № 3. — С. 23–31.
4. Российская Федерация. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Памятка для служащих «Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе». URL: https://genproc.gov.ru/anticor/anticor-legal-education/reminders/memo_2/ (дата обращения: 17.05.2021). — Текст: электронный.
5. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/> (дата обращения: 30.04.2020). (дата обращения: 17.05.2021). — Текст: электронный.

Содержание брачного контракта по законодательству России и зарубежных стран

Краева Елена Юрьевна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В настоящее время особое значение в законодательстве Российской Федерации (далее — РФ) и в законодательстве зарубежных стран уделяется договорным началам семейных правоотношений, в частности, брачному договору.

По действующему законодательству РФ брачным контрактом признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения [1, ст. 40].

В соответствии с Семейным кодексом РФ (далее — СК РФ) в брачном договоре могут регулироваться только имущественные отношения супругов. Содержание брачного контракта может быть многообразным, супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности и установить режим долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов, как в отношении имеющегося, так и в отношении будущего.

В Европе и США брачный контракт пользуется популярностью, нежели в России. На Западе брачный контракт заключается в среднем 70% вступающих в брак пар. Тем не менее по всему миру наблюдается тенденция увеличения количества заключаемых брачных контрактов, ведь процесс раздела имущества очень трудоемкий и сложный, а в случае развода брачный договор позволяет данный процесс облегчить.

По данным Федеральной нотариальной палаты количество заключенных в России брачных договоров за 2020 год увеличилось на 26% и составило более 142 тысяч обращений. Брачный контракт регулирует исключительно имущественные отношения, в нем нельзя прописать санкции за измену или рукоприкладство, как устанавливать график ведения домашнего хозяйства или выгула собаки. Также, брачный договор обязательно должен быть удостоверен нотариусом, именно он помогает парам или будущим супругам подобрать наилучший вариант оформления взаимных имущественных отношений, и составляет текст договора.

В отличие от РФ, во многих зарубежных странах в содержании брачного контракта могут включаться разные условия. Например, в брачном контракте в США не запрещается регулировать личные неимущественные отношения. Стороны по своему усмотрению могут включить условия в контракт о том, кто несет обязанности по дому или любые другие. Основным требованием является: быть в письменной форме и подписанным в присутствии свидетелей.

В брачном договоре Республики Беларусь возможно определить методы и формы воспитания совместных детей размер алиментов на них. А также порядок общения с ними отдельно проживающего родителя в случае расторжения брака [2]

В брачном договоре Италии могут быть предусмотрены права и обязанности третьего лица, например кредитора одного

из супругов, данные которого включаются в договор. Особенностью заключения брачного договора в Италии является то, что он должен быть зарегистрирован в местном органе власти.

По законодательству Франции брачный контракт составляется до заключения брака и вступает в силу с момента регистрации брака, а также обладает таким признаком публичности, что означает доступность для заинтересованных лиц. Брачный договор необходимо нотариально заверить и предоставить справку от нотариуса в мэрию. Так как брачный контракт заключается до регистрации брака, каждый супруг сохраняет право на собственное имущество, которое было им нажито до вступления в брак. Это условие распространяется и на личные долги и обязательства. Брачный контракт может быть изменен или расторгнут в любое время по требованию одного из супругов или по их обоюдному согласию, а также по рению суда если суд сочтет содержащиеся в нем условия несправедливыми [3].

Брачный договор в РФ является механизмом добровольного регулирования имущественных прав и обязанностей супругов. Данный инструмент позволяет супругам избрать предпочтительный для них режим своего имущества, исходя из интересов семьи.

Брачный контракт, согласно СК РФ, основывается на принципах равенства участников гражданских отношений свобода договора, обеспечение восстановления нарушенных прав, судебная защита неприкосновенность собственности, добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений.

В целом, во всем мире брачный договор понимается примерно одинаково. Это соглашение, составленное в письменной форме, содержащее определенные условия. Отличается лишь содержание этих условий. Основной целью заключения брачного договора является свобода выбора супругами тех правоотношений, которые они могут закрепить в рамках такого соглашения [4, ст. 84].

Одним из важных положений при заключении брачного контракта считается пункт о свободе выбора права применения. При применении российского права супруги могут устанавливать режим совместной, долевой или раздельной собственности. В случаях с иностранным правом — типовые режимы иностранного законодательства.

Важно отразить в тексте брачного договора законодательство какого государства будет применяться, это может быть право страны, гражданином которого является один из супругов или где зарегистрировано его имущество, так и право иного государства.

Брачный контракт представляет собой диспозитивное основание в семейном праве. Во многих зарубежных странах обеспечен свободный доступ заинтересованных лиц для ознакомления с содержанием брачного договора, в России суще-

ствуется тайна брачного контракта. Англосаксонская правовая семья позволяет регулировать брачным договором как имущественные, так и неимущественные отношения супругов. В романо-германской правовой семье регулируются только имущественные отношения. Необходимо отметить, что брачные

контракты в мире имеют общие, так и специфические черты, которые необходимо учитывать в стране его заключения. Брачный контракт — это лишь эффективный инструмент, с помощью которого регулируются имущественные, а иногда и неимущественные отношения супругов.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 04.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 278-З (в ред. от 18.12.2019) «О браке и семье» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2040
3. Смирнова Е. В. Брачный договор с участием иностранного элемента по российскому и зарубежному законодательству / Е. В. Смирнова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2013. — № 156.
4. Лапаева А. В. Брачный договор как способ защиты прав супругов в международном пространстве / А. В. Лапаева // ПРАВО: история и современность. — 2019 — № 2. — С. 80–87.

Проблемы оперативного управления имуществом государственных и муниципальных учреждений

Кудряшов Дмитрий Михайлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Никиташина Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В данной статье рассмотрены проблемы оперативного управления имуществом государственных и муниципальных учреждений, сущность оперативного управления, а также предложены пути решения данных проблем.

Ключевые слова: оперативное управление, право оперативного управления, вещное право, государственная муниципальная собственность.

Право оперативного управления дает возможность публично-правовому образованию эффективно реализовывать управленческие функции по отношению к переданному имуществу, не использовать дополнительные административные рычаги воздействия.

По мнению А. В. Коновалова: «Смысл закрепления собственником определенного имущественного комплекса за субъектом ограниченного вещного права заключается в желании собственника переложить все хлопоты по введению имущества в экономический оборот на другого субъекта» [3, с. 58].

Право оперативного управления по своей природе является способом реализации права государственной и муниципальной собственности, сочетающим в себе принципы административного и гражданского права, из которых оно сложное и противоречивое изнутри.

Оперативное управление — это промежуточное звено в цепочке «государственно-правовое образование — учреждение». Объясняется это тем, что он обеспечивает право владения, пользования переданным имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями его деятельности, по назначению этого имущества и, если иное не предусмотрено законом, распоряжаться своим имуществом с согласия собственника этого имущества.

Ввиду этого права в системе прав собственности мы находим его незначительное место по отношению к правам собственности.

Однако, учитывая общий объем государственной и муниципальной собственности в экономике Российской Федерации, сразу становится понятным ее практическое значение, равно как и нежелание законодательной власти в ближайшее время кардинально пересмотреть это понятие в существующей правовой системе.

По мнению С. А. Сеницына, «невозможно признать однородной складывающуюся картину в решении вопроса о понятии и признаках вещных прав на современном этапе развития науки гражданского права. Диаметральная противоположность высказанных точек зрения простирается от рассуждений о принципиальной необходимости закрепления развернутого регулирования вещных прав и нормативного определения их признаков до совершенно различного определения признаков вещных прав» [4, с. 45].

В соответствии с п. 1 ст. 299 ГК РФ, у учреждения возникает право оперативного управления имуществом, в отношении которого собственником принято решение о закреплении его за учреждением, с момента, когда произошла передача имущества, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или решением собственника.

Однако, сам момент передачи объектов недвижимого имущества является моментом, когда возникает право оперативного управления. Данное утверждение подтверждается нормами ст. 216 ГК РФ, согласно которым право оперативного управления относится к вещным правам лиц, которые не яв-

ляются собственниками, оно подлежит государственной регистрации. С учетом п. 2 ст. 8 ГК РФ, право на имущество, которое должно пройти государственную регистрацию, возникает с момента регистрации соответствующих прав на него.

Таким образом, факт возникновения права оперативного управления после регистрации соответствующих прав юридически обоснован.

В современном российском законодательстве право оперативного управления представляет собой достаточно развитую и устоявшуюся правовую структуру.

Отметим такой проблемный момент, который присутствует в существующей структуре права оперативного управления, как отсутствие субсидиарной ответственности собственника имущества, поскольку как автономные, так и бюджетные учреждения несут ответственность по своим обязательствам перед всеми, кто имеет право на оперативное управление. управление активами вне зависимости от типа учреждения и сферы деятельности.

Отсутствие субсидиарной ответственности, конечно, защищает публично-правовое лицо от потенциальных финансовых рисков, если оно не выполняет свои обязательства. В то же время организация ограничена во взаимодействии с потенциальными кредиторами.

Следует отметить, что законодатель готов пожертвовать частными интересами ради общественной защиты, что противоречит принципу равноправия субъектов гражданско-правовых отношений.

В целях совершенствования права оперативного управления необходимо разработать и внедрить виды субсидиарной ответственности по типам организаций с учетом сферы дея-

тельности, что подтверждается Концепцией развития гражданского права Российской Федерации.

По мнению Е. А. Суханова: «...реформа вещного права является необходимым назревшим шагом на пути развития и совершенствования правового оформления рыночных преобразований. Переход к полноценной системе ограниченных вещных прав, которая могла бы удовлетворить участников гражданского оборота в основанном именно на вещном праве (максимально стабильным и защищенном) режиме пользования чужим имуществом, необходим» [5, с.38].

Таким образом, мы приходим к выводу, что структура права оперативного управления развивается в направлении, заданном Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации.

В ближайшее время необходимо усовершенствовать законодательство с учетом субсидиарной ответственности по долгам субъекта права управления, дифференцируя по видам, с учетом деятельности компании, если нет реальной возможности сумма, присужденная учреждением, это требование должно быть взыскано с собственника имущества. Эти меры повысят эффективность деятельности учреждений без потери функционального контроля над их деятельностью со стороны публично-правового образования.

Существуют разные взгляды на правовую природу закона об оперативном управлении. Одна из них — позиция ученых относительно принадлежности права оперативного управления как совокупности норм гражданского и административного права. Другие понимают оперативное управление как разновидность гражданского права, связанного с правами собственности.

Литература:

1. Ахметьянова, З. А. Вещное право: Учебник. / З. А. Ахметьянова. — Москва: Статут, 2011—360 с.
2. Бородач, М. В. О некоторых принципиальных подходах к разработке научного определения права публичной собственности / М. В. Бородач // Государство и право. — 2015. — № 9 — С. 54.
3. Коновалов, А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. / А. В. Коновалов. — Санкт-Петербург, 2001—58 с.
4. Сеницын, С. А. Вещное право: традиции, новеллы, тенденции развития С. А. Сеницын // Журнал Российского права. — 2014. — № 9 — С. 86.
5. Суханов, Е. А. Проблемы вещного права в современном российском праве Е. А. Суханов // Журнал Российского права. 2016. № 4 — С. 38.

Конституционный Суд в судебной системе Российской Федерации

Курочкина Ксения Сергеевна, студент

Научный руководитель: Ермакова Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Актуальность данной темы очевидна, поскольку Конституционный суд является одним из важнейших элементов судебной системы Российской Федерации.

В любом государстве, которое называет себя демократическим, в основе правопорядка всегда стоит конституция, которая имеет правовую форму и как закон обладает верховной

юридической силой. Но в силу сложного и постоянно меняющегося правового регулирования современных общественных отношений необходим постоянный контроль в области соблюдения Конституции. Отсюда следует, что само обилие правовых норм и значительное число правоустанавливающих органов публичной власти таят в себе возможность её нару-

шения. Функция такого контроля возлагается обычно на суды, причем во многих странах — на специальные конституционные суды.

Формирование правового государства в России требует соединения двух противоположных тенденций: укрепления властной вертикали и развития элементов самоуправления, прежде всего, повышения самостоятельности и независимости судебной власти, как одного из важнейших элементов политической системы современного общества. Судебный конституционный контроль — один из важных элементов системы разделения властей, благодаря которому работает механизм, обеспечивающий верховенство Конституции и единство правотворческой и правоприменительной практики на всей территории России.

В России сегодня правопорядок основан на Конституции, принятой референдумом 12 декабря 1993 года, но Конституционный Суд как орган конституционного контроля был учрежден и создан еще раньше. Хотя Конституционный суд в России сравнительно молод. В СССР с 1989 года функции Конституционного суда были возложены на союзный Комитет конституционного надзора СССР. 12 июля 1991 года законом РСФСР «О конституционном суде» был создан республиканский Конституционный суд РСФСР, избранный Съездом народных депутатов РСФСР 30 октября 1991 года. И что примечательно, это произошло до принятия Конституции РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации — это высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. [1] Его основной задачей является охрана Конституции РФ, несмотря на то, что она осуществляется в той или иной мере всеми государственными органами и включает в себя контроль за ее соблюдением и обеспечение соответствия ей законов и нормативно-правовых актов. Конституционный Суд призван защищать основы конституционного строя, а также основные права и свободы человека и гражданина. В его компетенцию также входит обеспечение и утверждение верховенства Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ является федеральным органом государственной власти и имеет следующие характеристики:

- создается и действует от имени государства;
- порядок его создания и деятельности определяется Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательным актом;
- — обладает собственной компетенцией; характеризуется организационной обособленностью и самостоятельностью;
- является составной частью государственной структуры, единой системы органов государственной власти Российской Федерации;
- принимает обязательные к исполнению решения, которые при необходимости подкрепляются принудительной силой государства.

Конституционный Суд Российской Федерации состоит из одиннадцати судей, включая Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и его заместителя. Судьи Конституционного Суда Российской Федерации назначаются на должность Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации правомочен осуществлять свою деятельность при наличии в его составе не менее восьми судей. [2]

Решение любой из палат является решением Конституционного Суда. Персональный состав палат определяется путем жеребьевки, при этом состав палат не является неизменным — он должен изменяться не реже чем каждые три года. Для руководства деятельностью Конституционного Суда сами судьи из своего состава на заседании избирают Председателя, заместителя Председателя и судью — секретаря Конституционного Суда сроком на три года. Полномочия этих должностных лиц Конституционного Суда РФ можно обозначить как организационно-управленческие: в заседаниях Суда при рассмотрении конкретных дел они обладают теми же процессуальными правами, что и другие судьи. В палатах Конституционного Суда РФ постоянных председателей нет — обязанности председательствующего на заседаниях палаты исполняют судьи, входящие в состав соответствующей палаты, поочередно. Председатель и заместитель Председателя Конституционного Суда РФ не могут входить в состав одной палаты.

В компетенцию КС РФ входит рассмотрение следующих категорий дел:

1. Дела о соответствии Конституционных нормативных актов Конституции Российской Федерации
 - а) Федеральные Законы, нормативные акты Президента, Правительства, Государственной Думы и Совета Федерации
 - б) Конституция, уставы, законы и иные нормативные акты субъектов РФ
2. Дела о соответствии Конституционных международных договоров, не вступившим в законную силу
3. Дела о соответствии Конституционных договоров:
 - а) РФ и её субъектов
 - б) отдельных субъектов РФ
4. КФ РФ разрешает споры о компетенции между федеральными органами государственной власти, а также между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, и, конечно, между органами государственной власти субъектов РФ
5. В юрисдикцию КФ РФ входит толкование Конституции.
6. Конституционный Суд даёт заключение о конституционности законов, применяемых или подлежащих применению по жалобам о нарушении конституционных прав и свобод граждан
7. Он регулирует право законодательной инициативы
8. Конституционный Суд даёт заключение о законности порядка выдвижения обвинения против Президента РФ в совершении государственной измены и иного тяжкого преступления

Важной особенностью компетенции Конституционного Суда Российской Федерации является то обстоятельство, что этот орган решает только вопросы права, т.е. рассматривая вопрос

о соответствии закона или иного акта Конституции. Суд определяет его соответствие по форме и содержанию, по субъекту и процедуре принятия, по компетенции органа, принявшего акт. Суд не исследует фактических обстоятельств и не рассматривает, как часто думают, политических вопросов, хотя многие его решения имеют не только юридическое, но и политическое значение.

Место Конституционного Суда в судебной системе страны в значительной степени определяется обязанностью остальных судов обратиться с запросом о проверке конституционности закона в том случае, если судьи приходят к выводу о несоответствии закона Конституции РФ, примененного или подлежащего применению в рассматриваемом ими деле. Таким полномочием суды обладают при рассмотрении любых дел — гражданских, уголовных и отнесенных к компетенции судов дел об административных правонарушениях, а также при производстве в любой судебной инстанции, и тогда, когда выносятся судебные решения по делу в первой инстанции, и при пересмотре судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Хотя в отличие от контроля по жалобам граждан, по за-

просам судов проверяется конституционность закона, подлежащего применению в деле, а не уже примененного.

Правовая природа решений Конституционного Суда РФ предопределяется их общеобязательным и прецедентным характером. Решения Конституционного Суда РФ обязательны не только для заявителей и органа, издавшего акт, признанный неконституционным, но и для всех государственных органов, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц; они окончательны, не подлежат обжалованию и вступают в силу немедленно после провозглашения. Решение Конституционного Суда РФ действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила постановления Конституционного Суда РФ о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта.

Как одна из ветвей судебной власти, Конституционный Суд — единственный орган, наделенный правом осуществлять судебный контроль за соответствием нормативных актов органов законодательной и исполнительной власти Конституции РФ.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «О Конституционном Суде Российской Федерации» статья 1.
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»

Проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу

Кюлмамедова Лейла Байрам кызы, студент магистратуры
Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

В данной научной статье рассматриваются и анализируются проблемы, которые могут возникнуть при применении норм действующего уголовно-процессуального закона, регламентирующих применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого при производстве по уголовному делу.

Делается вывод о необходимости соответствующих разъяснений со стороны Верховного суда РФ применительно к отдельным мерам пресечения, которые избраны по судебному постановлению.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, следователь, прокурор, судья.

Problems of applying a preventive measure in the form of detention

Kulmamedova Leila Bayram kyzy, student master's degree program
Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University

This scientific article examines and analyzes the problems that may arise when applying the norms of the current criminal procedure law governing the use of a preventive measure in the form of detention in relation to a suspect or accused in criminal proceedings.

It is concluded that the Supreme Court of the Russian Federation needs appropriate explanations in relation to certain preventive measures that were chosen by a court decision.

Keywords: preventive measure, detention, investigator, prosecutor, judge.

Вопросы о применении меры пресечения можно отнести к одним из дискуссионных. Сложность вызывает поиск

разумных пределов вмешательства государства и его властных механизмов в сфере личных интересов, прав и свобод граждан.

Что касается мер пресечения, при избрании и применении такой меры как заключение под стражу ограничиваются конституционные права гражданина, такие как право на личную неприкосновенность, свободу, беспрепятственное перемещение, право выбора места жительства и т.д. [1].

В любом случае меры пресечения применяются в частности к лицам еще не признанным судом виновными в совершении того или иного деяния, и поэтому должны носить соразмерный и исключительный характер [2]. Именно властные полномочия компетентных должностных лиц должны являться гарантией защиты прав личности от незаконного, а также необоснованного ограничения прав и свобод.

На данный момент сложившаяся правоприменительная практика за несколько лет свидетельствует о том, что заключение под стражу применяется довольно-таки часто.

Рассмотрев данные судебной статистики на сайте Судебного Департамента РФ можно прийти к выводу, что в 2016 году количество удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу стабильно высокий, если сравнить прошедшими годами, но 2020 это количество существенно уменьшилось.

Так за 2016 год по РФ было рассмотрено 136 296 ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, из них было удовлетворено 123 296, или 90% (для сравнения в 2019 году рассмотрено 94 633, из них было удовлетворено 81 262 или 85%; в 2020 году рассмотрено 91 700, из них было удовлетворено 78 951 или 86% соответственно), исходя из этого можно прийти к выводу, что за последние два года применение данной меры пресечения уменьшилось.

Для сравнения: в 2017 году количество удовлетворенных ходатайств 126 383, или 89%, превышает показатели 2016 года [3].

Обоснованность постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в научных трудах неоднократно было подвержено критике [4].

Исходя из прямого указания ст.ст. 29 и 101 УПК РФ заключение под стражу избирается исключительно по решению суда.

Итак, Верховным судом РФ разъяснен порядок применения норм УПК РФ, тем самым акцентируя внимания на том, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должны быть такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, которые указаны в ст. 97 УПК РФ.

Как правило, следователи и дознаватели перечисляют основания для избрания меры пресечения, перечисленные в ст. 97 УПК РФ, но в постановлении сведения о наличии этих оснований не приводятся. Судья ограничивается общим указанием, а именно тем, что представленные материалы изучены и этого достаточно для принятия решения. Тем самым в большей мере игнорируя постановление Верховного суда РФ о том, что указанные основания в статье 97 УПК РФ должны подтверждаться достоверными доказательствами и сведениями.

В большей степени судьи не исследуют доказательства исходя из неудачной формулировки Верховного суда РФ, согласно которой суд не должен вторгаться в вопрос о виновности.

Исходя из анализа судебной практики можно прийти к выводу, что судьи в постановлениях делают вывод о наличии оснований для избрания меры пресечения, в дальнейшем указывая на обстоятельства, исходя из которых, по их мнению, обвиняемый должен быть заключен под стражу.

Но, к сожалению, анализ доказательств, подтверждающих такой вывод в постановлении, как правило, не приводится.

Вице-президент ФПА Генри Резник в своём выступлении рассмотрел вопрос об избрании меры пресечения и обратил внимание на то, что на практике судьи не исследуют доказательства, прикрываясь формулировкой, сказанной выше.

По словам Г. Резника, хоть суд и не должен в вопрос о виновности, но обязан проверить обоснованность выдвинутого обвинения, так и предположения о том, что обвиняемый может скрыться.

Но, к сожалению, на практике судьи уходят от соблюдения таких условий. По его мнению, нужен состязательный мини-процесс о допустимости заключения под стражу, в котором можно было бы проверить аргументы обвинения и который исключил бы немотивированное затягивание расследования преступления, зачастую используемое в качестве инструмента давления на обвиняемого. Так же, по его мнению, в избрании меры пресечения следует усилить роль прокурора.

Эксперты неоднократно отмечали, что заключение под стражу — самая строгая мера пресечения, которая максимально ограничивает права граждан на свободу и личную неприкосновенность.

Зачастую следователи указывают в ходатайстве такой вывод, как «иным способом воспрепятствует производству по делу». Зададимся вопросом, каким таким «иным» способом? Ведь это слово означает в УПК, что следователь и суд вправе аргументировать свои решения обстоятельствами, которые не вошли в стандартный перечень, и что он не является исчерпывающим, а не для того чтобы данную формулировку автоматически переносили в ходатайство или судебное постановление.

Таким образом, рассмотрение судом постановления, следователя, дознавателя о ходатайстве, об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должна быть такой, чтобы максимально обеспечить обоснованное решение судом, а также соблюдение прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого).

По итогам вышеизложенного можно предложить усовершенствование процедуры избрания меры пресечения так, чтобы соблюдался принцип презумпции невиновности. Что в дальнейшем позволит снизить число лиц, заключенных под стражу в ходе предварительного расследования. Так же повысить роль прокурора в избрании и продлении меры пресечения, усилить прокурорский надзор для выявления нарушений на этапе судопроизводства.

Литература:

1. Фоминых С. А. Актуальные вопросы применения заключения под стражу как меры пресечения // Право и практика. 2013 № 2. С. 161–162.

2. Гольцов А. Т. Заключение под стражу в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / А. Т. Гольцов. — Москва, 2006. — 22с.
3. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016–2020 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> — дата обращения: 25 мая 2021 г).
4. Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. — 25с.

Основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу

Кюлмамедова Лейла Байрам кызы, студент магистратуры
Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

Статья посвящена рассмотрению оснований заключения под стражу и проблем, связанных с применением данной меры пресечения. Статья 22 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность, в связи с этим мера пресечения в виде заключения под стражу должна быть применима в исключительных случаях, и тем самым не должна допускать незаконного и необоснованного избрания этой меры.

Ключевые слова: мера пресечения, основания избрания меры пресечения, заключение под стражу, подозреваемый, обвиняемый, права и свободы гражданина, суд.

On the issue of the violation of human rights in the application of preventive measures in the form of detention

On the issue of the violation of human rights in the application of preventive measures in the form of detention
Kulmamedova Leila Bayram kyzy, student master's degree program
Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University

The article is devoted to the consideration of the grounds for detention and the problems associated with the application of this preventive measure. Article 22 of the Constitution of the Russian Federation establishes the right of every person to freedom and personal inviolability in this regard, a preventive measure in the form of detention should be applied in exceptional cases, and thus should not allow illegal and unjustified election of this measure.

Keywords: preventive measure, grounds for choosing a preventive measure, detention, suspect, accused, rights and freedoms of a citizen, court.

Избрание и применение меры пресечения в уголовно-процессуальной науке всегда оставались в поле зрения ответственных ученых.

Весомый вклад в разработку общетеоретических положений уделено в трудах таких ученых как В. И. Громов, К. Ф. Гущенко, А. П. Гуляев, А. Д. Бойков, В. Г. Даев и др.

Представленные работы содержат многочисленные идеи по вопросам института мер процессуального пресечения, которые являются основой теоретической базы для дальнейшей разработки проблем применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Необходимо отметить, что заключение под стражу — наиболее суровая из всех мер пресечения, представляет собой меру государственного принуждения и осуществляется государственными органами. Неслучайно эта мера пресечения указана последней среди других мер пресечения, так как применение данной меры пресечения ограничивает права граждан на свободу и личную неприкосновенность [1].

Но благодаря этой мере пресечения можно предотвратить в дальнейшем противоправные действия со стороны подозре-

ваемого (обвиняемого), а именно оказанное им давление на свидетелей и сбору доказательств.

Данная мера пресечения согласно УПК может быть избрана только при наличии достаточных оснований.

Статья 97 УПК устанавливает основания, по которым следователь, дознаватель и суд вправе избирать меру пресечения в виде заключения под стражу при условии наличия у этих должностных лиц достаточных оснований для возможности наступления таких обстоятельств, как:

1) подозреваемый (обвиняемый) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;

Сама по себе тяжесть обвинения не говорит о том, что лицо может скрыться, и это не может являться единственным и достаточным основанием для заключения под стражу, подчеркивает ВС.

Вывод о том, что фигурант дела попытается сбежать, по мнению следователей, чаще всего обоснован тем, что у него отсутствует постоянное место жительства, регистрация, приобретен билет за рубеж, а так же в любой субъект РФ, наличие недвижимого или иного имущества на территории другого го-

сударства или субъекта Российской Федерации, может скрыть следы после совершения преступления.

Анализ исследуемой судебной практики показал, что данное обстоятельство применяется судами в 100% случаев.

В случае, если подозреваемый (обвиняемый) скрылся от органов следствия и был официально объявлен в розыск, следователь вправе обратиться в суд с ходатайством об избрании в отношении этого лица меры пресечения в виде заключения под стражу. В этом случае судебное заседание будет проходить без участия подозреваемого (обвиняемого).

2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

В этом случае следователь обязан предоставить суду копии постановлений о возбуждении уголовного дела в отношении этого лица, заверенные надлежащим образом, а также копии допросов других свидетелей или подозреваемых в том, что лицо планировало совершить преступление в будущем.

Это обстоятельство применяется судами в 90% случаев.

3) может угрожать свидетелю или другим участникам уголовного судопроизводства уничтожением доказательств или иным образом препятствовать производству по уголовному делу, применяется в 75% случаев.

Верховный суд указывает, что следственные органы иногда мотивируют необходимость оставить обвиняемого под стражей тем, что в случае его освобождения он может скрыться или угрожать свидетелям, а так же иным участникам судопроизводства [2].

К примеру, удовлетворяя ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого А., в совершении преступления ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, Новосибирский областной суд г. Новосибирска Новосибирской области в постановлении 20 августа 2019 года делает вывод, что представленные органом следствия сведения достаточны, и что «А» может продолжать заниматься преступной деятельностью, а так же скрываться от следствия с целью в дальнейшем избежать ответственности. Также суд указал на неподтверждение представленными в суд материалами доводов следствия о возможных угрозах со стороны обвиняемого потерпевшим и свидетелям.

Органы предварительного расследования чаще всего делали вывод о том, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от органов дознания или предварительного следствия исходя из того, что у лица отсутствует регистрация в том регионе, где он проживает или где совершил преступление, так же отсутствием работы и возможностью пользоваться заграничным паспортом.

Между тем, если были совершены преступления небольшой или средней тяжести при наличии указанных обстоятельств суды отказывали в удовлетворении ходатайств, применяли более мягкую меру пресечения, к примеру, домашний арест.

Из этого следует вывод, что применение данной меры пресечения направлено на обстоятельство будущего, то есть точное определение не представляется возможным. Должностные лица могут лишь предполагать степень вероятности наступления указанных в законе обстоятельств [3].

Итак, чтобы применить меру пресечения в виде заключения под стражу требуется наличия всех трех обстоятельств, перечисленных в статье 97 УПК РФ, которые должны быть установлены с помощью достоверных фактических доказательств.

Так помимо оснований, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу нужно учитывать и условия её применения. (ч. 1 ст. 108 УПК РФ)

1. Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по решению суда в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за совершение которых уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более трех лет;

2. Заключение под стражу избирается в тех случаях, когда иные меры пресечения не могут обеспечить надлежащее участие подозреваемого или обвиняемого в расследовании уголовного дела и в судебном разбирательстве, когда применение иной, более мягкой меры пресечения, невозможно;

3. В исключительных случаях в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу при наличии одного из следующих обстоятельств, которые указаны в ст. 97 УПК РФ, представленные выше.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, количество удовлетворенных ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу составило за 2016–123, 296., 2017–113,318., 2018–89,223., 2019–81,262., 2020–78, 951 [5].

Следует отметить, что согласно статистическим данным количество заключенных под стражу в течении последних лет уменьшилось. Это снижение произошло не из-за изменения позиции судов, а за счет меньшей активности следствия при подаче ходатайств об избрании данной меры пресечения.

Если обвиняемому была применена мера пресечения в виде заключения под стражу, то он может находиться в следственном изоляторе по обвинению в преступлении небольшой тяжести до шести месяцев, а по тяжким и особо тяжким — до года и более, и это лицо, еще не признано судом виновным [4].

Только после того, как решен вопрос о тяжести, т.е., квалификации преступления, решается вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности по данному делу. Здесь можно выделить еще одну проблему — проблему решения судьей вопроса о виновности лица на данной стадии разбирательства.

В Пленуме Верховного суда в п. 13 перечислены документы, которые следователь должен приложить к заявлению о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, протокол задержания, протоколы допросов лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и т.д.), т.е. это документы, которые формируют профессиональное убеждение судьи о причастности или непричастности лица к преступлению.

Заключение под стражей в большей степени ограничивает права граждан, а именно личную неприкосновенность, право на свободу передвижения, выбора места проживания.

«Содержание под стражей лиц, ожидающих суда, не должно быть общим правилом», эта формулировка установлена международным пактом о гражданских и политических правах (п. 3 ст. 9). Отсюда следует, что если невозможно применить более мягкую меру пресечения, то может быть применено заключение под стражу. Данная мера пресечения должна применяться в строгом соответствии с нормами УПК РФ.

По мнению ученых, если лицо ещё не признано судом виновным, вступившим в законную силу обвинительным приговором, то мера принуждения должна ограничивать права и свободы этого лица в минимальной степени.

Нельзя не согласиться с этим мнением, поскольку нахождение лица в следственном изоляторе при отбывании наказания в виде заключения под стражей пагубно сказывается на его психике, поведении и сознании. Поэтому при применении такой меры пресечения следственные и судебные органы должны быть осторожны.

Из этого следует, что применение заключения под стражу должно быть установлено процессуальными доказательствами, в которых будут указаны конкретные фактические данные, в противном случае ограничение личной свободы будет считаться необоснованным.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Консультант-Плюс: надежная правовая поддержка. — М., 2020. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2255a-7b5ec966256ad533121186923d4cb1580d2/ (дата обращения: 28.05.21).
2. Цоколова О. И. О понятии и сущности заключения под стражу / О. И. Цоколова // Российский следователь. 2005. — С. 11–15.
3. Азарёнок Н. В., Давлетов А. А. Должен ли судья при решении вопроса об избрании меры пресечения проверять квалификацию преступления? / Н. В. Азарёнок, А. А. Давлетов // Российский судья. — 2017. — № 1. — С. 33–37
4. Багаутдинов Ф. Н. Актуальные вопросы избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Рос. юстиция. 2017. № 8. С. 65–67.
5. Судебная статистика [Электронный ресурс] // официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5/> (дата обращения — 15.05.2021)

Проблемы признания наследника недостойным

Ловейкина Ульяна Сергеевна, студент;
 Бумагина Анастасия Олеговна, студент
 Саратовская государственная юридическая академия

Наследование является одним из важнейших и древнейших институтов гражданского права, так как наследственные отношения, так или иначе, затрагивают интересы каждого человека, обеспечивая при этом непрерывность существования и развития имущества. Возможность передачи или принятия имущества по наследству на всех общественно-экономических формациях имело большое значение, так как данное действие обеспечивало надежные и устойчивые отношения между близкими людьми.

Каждый гражданин Российской Федерации имеет право на передачу имущества другим лицам по наследству. Согласно

Для решения данной проблемы считаю необходимым обязать следственный орган и суд на законодательном уровне обосновывать ходатайства и решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу имеющимися в деле реальными доказательствами, подтверждающие избрание этой меры, а не собственными доводами.

Необходимо установить строгий контроль за назначением и применением заключения под стражу на предмет законного применения.

Подводя итог, отмечу, что решение проблемы, изложенной в статье, возможно только при должном надзоре за соблюдением законности применения меры пресечения в виде заключения под стражу и четком определении механизмов, регулирующих порядок данной меры. Также следует отметить, что рассмотренные процессуальные проблемы, касающиеся меры пресечения в виде заключения под стражу, являются актуальными и практически значимыми. Их разрешение требует авторитетного законодательного решения, и чем скорее, тем лучше, поскольку они касаются основополагающего права человека — права на свободу. Применение заключения под стражу должно быть наименее значимым, если оно не противоречит интересам личной защиты и общественной безопасности.

ст. 18 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], одной из составляющих гражданской правоспособности является право наследования. Однако, преследуя цель осуществления должной защиты участников наследственных отношений, законодатель предусмотрел нормы, не дающие наследовать имущественные блага недостойным лицам. Так, в соответствии, со ст. 1117 ГК РФ, лицам, которым юридически принадлежит право на получения наследства, может быть отказано в осуществлении данного права при наличии определенных обстоятельств. Законодательно они именуется как «недостойные наследники». В Толковом словаре русского языка недостойным

признается человек, «...незаслуживающий уважения, безнравственный, бесчестный» [2]. Следовательно, в наследственных отношениях, недостойным наследником можно назвать гражданина, фактически имеющего право наследовать, однако лишённого данного правомочия, в силу некоторых обстоятельств, прямо указанных в законе.

Законодательно закреплены следующие обстоятельства для признания наследников недостойными:

Во-первых, совершение противоправных действий, направленных против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя. Анализируя данное основание, возникает вопрос, касающийся правовой регламентации понятия «противоправные действия», так как дефиниция весьма широко рассматривается в юридической науке. Согласно п. 19 (а) Постановления Пленума Верховного Суда от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам наследования» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 9) данные действия носят исключительно умышленный характер, независимо от целей и мотивов, а также вне зависимости от наступления последствий [3]. Помимо этого, противоправные действия могут заключаться в подделке завещания, его уничтожении или хищении, понуждении наследодателя к составлению или отмене завещания, понуждении наследников к отказу от наследства.

Однако наследник может быть отстранен от наследства при условии, если перечисленные обстоятельства в п. 1 ст. 1117 ГК РФ, будут непосредственно подтверждены в судебном порядке, соответственно решением по гражданскому делу, ибо приговором суда по уголовному делу. П. 19 (б) Постановления Пленума ВС РФ № 9 регламентирует правило о том, что при данных обстоятельствах, не требует вынесение решения суда о признании наследника недостойным. Нотариус имеет право исключить данное лицо из списка претендентов на наследство, в производстве которого находится дело, в связи с предоставлением ему приговора или решения суда.

А. С. Хухрова обращает внимание на то, что существует разные точки зрения на значение «противоправных действий». Некоторые учёные считают, что к умышленным противоправным действиям относятся лишь те, которые направлены непосредственно против наследодателя или какого-то из его наследников, учёные относят преступления против личности, к примеру убийство, неоказание помощи больному. Другие полагают, что помимо вышеуказанных, можно отнести преступления, способствующие увеличению наследственной доли или призывание к наследованию, а именно клевета, где объектом посягательства выступает честь и достоинство [4].

Также на законодательном уровне не закреплена норма, которая бы предусматривала или опровергала основание для признания наследника недостойным, в случае бездействия. К примеру, когда наследодатель является диабетиком, не способным оказать себе самостоятельно помощь, находится на попечении дочери, которая умышленно не даёт лекарство, которое необходимо для поддержания жизнедеятельности организма своего отца. На основании этого, считаем целесообразно закрепление на законодательном уровне «противоправные деяния», ко-

торые бы включали в себя как активные, так и пассивные действия со стороны наследника.

Следует сказать о том, что не является основанием для признания наследника недостойным в случае, если лицо, совершило вышеуказанные преступления в состоянии невменяемости или по неосторожности, в силу того, что данные субъекты не будут нести уголовную ответственность, согласно п. 1 ст. 21 Уголовного кодекса РФ [5].

Вторым основанием является ненадлежащее поведение родителей по отношению к своим несовершеннолетним детям. Так, наследовать, согласно п. 1 ч. 2 ст. 1117 ГК РФ, не имеют права родители после детей, лишённые родительских прав и не восстановленные в данных правах ко дню открытия наследства. Стоит отметить, что в соответствии со ст. ст. 70, 72 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), лишение родительских прав и восстановление в этих правах производится только в судебном порядке [6]. А значит, для отстранения лиц от наследства по данному основанию необходимо решение суда о лишении их родительских прав. Также данный вид потенциально недостойных наследников устраняется только от наследования по закону. Однако наследование родителями, некогда лишённых родительских прав, по завещанию детей возможно, при достижении последних совершеннолетия, к моменту совершения завещания. При наличии данного факта они наследуют имущественные блага на общих основаниях и не требуется вынесение решения суда о признании наследника недостойным. Нотариус, в производстве которого находится наследственное дело, исключает лицо из состава наследников, при наличии соответствующего приговора или решения суда.

Третьим основанием является злостное уклонение от выполнения лежавших на потенциальном наследнике обязанностей при жизни наследодателя по его содержанию. Согласно п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 9, обязанность по содержанию наследодателя возникает у наследника в силу алиментного обязательства. Категория лиц, относящихся к алиментнообязанным, определена нормами СК РФ между родителями и детьми; супругами; братьями и сестрами; дедушками, бабушками и внуками; пасынками, падчерицами и отчимом, мачехой (статьи 80, 85, 87, 89, 93–95 и 97 СК РФ). В силу этого они имеют право требования предоставления им алиментного содержания.

При анализе материалов гражданских дел по наследственным спорам нами было выявлено, что суды, вынося решения, руководствуются в основном ст. 1117 ГК РФ в совокупности с разъяснениями Пленума ВС РФ, для признания лиц недостойными наследниками. Так, Центральным районным судом г. Оренбурга было рассмотрено гражданское дело по иску о признании недостойным наследником. Истец (далее — заявитель, истица) обратилась в суд, указав, что умер её супруг после смерти, которого открылось наследство, которое включало трехкомнатную квартиру. После того как её сын женился (далее — ответчик), он стал проживать в квартире отца, а истица проживала с супругом. Заявительница указала, что сын занимался рукоприкладством по отношению к ней, после избития перенесла впоследствии операцию, однако в полицию не заявляла, помимо этого ссылается на злостное уклонение сына от содержания родителей. На основании этого просит признать

ответчика недостойным наследником и отстранить его от наследования после смерти супруга. Суд, исследовав материалы дела, пришёл к выводу об отказе в удовлетворении требований истца по следующим основаниям: во-первых, отсутствие хотя бы одного из закреплённых в ст. 1117 ГК РФ обстоятельств о признании наследника недостойных, а также подтверждённых в судебном порядке. Во-вторых, доводы о факте избития ответчиком истца носят предположительный характер. Помимо этого, суд указал, что доводы истца о том, что ответчик ухаживал за ней и её умершим супругом не осуществляли, не является бесспорным доказательством для признания ответчика недостойным наследником. Необходимо обратить внимание на то, что разрешение данной категории дел зависит от ряда оснований обстоятельств дела.

Необходимо отметить, что законодательно закреплены правовые последствия признания наследника недостойным. Согласно п. 3 ст. 1117 ГК РФ лицо, отстранённое от наследования, а также лицо, не имеющие право наследовать обязано, возвратить всё имущество, в силу гл. 60 указанного кодекса, в силу неосновательного обогащения. Следовательно, у потенциально юридического наследника, отстранённого от наследства, основание для получения имущественных благ исключается в силу решения суда. А для лица, которое не имеет право наследовать, и вовсе нет правового основания для получения имущества.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Ожегов, с. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 3 изд., стер. — М.: Азъ, 1996.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. июль 2012. N7.
4. Хухрова А. С. Недостаточная правовая регламентация института недостойных наследников // Вестник молодых ученых и специалистов самарского государственного университета. 2016. № 2(9). С. 130.
5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // СЗ РФ. 1996. N25. Ст. 2954.
6. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N223-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // СЗ РФ. 1996. N1. Ст. 16.
7. Решение Центрального районного суда г. Оренбурга от 22.02.2019 г. по делу № 04869/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Zd8O18pkg01n/> (дата обращения: 26.05.2021).

Несмотря на то, что на законодательном уровне закреплены основания и последствия признания наследника, нигде не указан его порядок. Единственное в законе имеется правило о том, что нотариус обладает правом исключения недостойного наследника из категории наследников при предоставлении ему соответствующего приговора или решения суда.

Считаем целесообразным закрепить норму, которая бы регламентировала подробный порядок признания наследника недостойным, так как данный процесс является довольно-таки длительным и затруднительным, в силу сбора значительного количества доказательств для признания недостойным в судебном порядке.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что наследственные отношения являются важным аспектом в жизнедеятельности каждой личности. Несмотря на то, что институт недостойных наследников регулируется на законодательном уровне, недостаточность правовой регламентации данного феномена нередко приводит к ошибкам толкования юридических норм на практике, что впоследствии негативно отображается на правах и законных интересах граждан. Хотя при ином исходе, а именно при фиксации однозначных оснований и конкретных критериев признания наследника недостойным в законе основательно бы упростило в будущем защиту гражданам, чьи права были нарушены.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 23 (365) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 16.06.2021. Дата выхода в свет: 23.06.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.